

РОБЕРТ БИРН

ПЛОТИНА

Расселу Бирну

«THE DAM» 1981, ПЕРЕВОД С. БУРИНА
OCR ДЕНИС: [HTTP://MYSULI.ALDEBARAN.RU](http://mysuli.aldebaran.ru)
[HTTP://BOOKZ.RU/AUTHORS/BIRN-ROBERT/DFFA8741E04F.HTML](http://bookz.ru/authors/birn-robert/dffa8741e04f.html)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая Страх.....	4
Глава 1.....	4
Глава 2.....	15
Глава 3.....	21
Глава 4.....	37
Глава 5.....	45
Глава 6.....	51
Глава 7.....	61
Глава 8.....	67
Глава 9.....	73
Глава 10.....	79
Глава 11.....	90
Глава 12.....	100
Часть вторая Гонка.....	112
Глава 13.....	112
Глава 14.....	120
Глава 15.....	128
Глава 16.....	137
Глава 17.....	145
Глава 18.....	154
Глава 19.....	163
Глава 20.....	173
Глава 21.....	177

Глава 22	187
Глава 23	200
Часть третья Катастрофа.....	211
Глава 24	211
Глава 25	221
Глава 26	230
Глава 27	236
Глава 28	248
Глава 29	262
Глава 30	272
Глава 31	286
Глава 32	297

Часть первая

Страх

Глава 1

Плотина высотой свыше двухсот пятидесяти метров в глубоком ущелье Сьерра была самой высокой в США и самой высокой насыпной плотиной в мире. Через пять лет после завершения строительства она перенесла ряд небольших землетрясений. Стрелки сейсмографов в северной Калифорнии задрожали в восемь двадцать утра, тогда был зарегистрирован первый из двадцати девяти небольших толчков. А через пять часов основной толчок силой в 5,5 балла по шкале Рихтера заставил звенеть посуду в районе площадью 518 гектаров. Колебания почвы, продолжавшиеся семь секунд, обеспокоили главным образом находившихся в тот момент в помещении, а большинство оказавшихся на улице приписали их проходившим поездам или грузовикам. Рыбаки и любители водных лыж на озере Граф Уоррен, как называли водохранилище позади плотины, вообще ничего не заметили.

Ужас испытал только один какой-то турист, пересекавший луговину на склоне горы в восьми километрах юго-западнее плотины, как раз в эпицентре землетрясения. Вздрыбившаяся земля сбила его с ног, и, чтобы не скатиться вниз по склону, он что есть силы вцепился в траву. Репортеру из сакраментской «Би» он потом рассказывал: «Это было нечто вроде попытки удержаться за плот в бурном потоке. Лежишь и думаешь: а нет ли там впереди какого-нибудь водопада? В земле открылась трещина, и я увидел, как ее края трутся один о другой. Я слышал, как с деревьев падали ветки и по склону катились камни».

Эта трещина в луговине обозначила неизвестную до тех пор расселину в поверхности скалы, получившую название «разлом Паркера», по имени туриста, заметившего ее первым. Разлом уходил в северо-восточном направлении и был замечен на поверхности на протяжении примерно километра. Геологи обнаружили, что почва сместилась на пятнадцать сантиметров по горизонтали и на восемь по вертикали. Согласно исследованию, проведенному геологической службой США, «разлом Паркера», возможно, уходит под плотину в ущелье Сьерра.

Бытует мнение, что большие водохранилища, в которых объем воды непостоянен, нередко оказывают сейсмическое влияние. Геологической службой США проведены исследования, в результате которых получен график, обобщающий все землетрясения, отмеченные в окрестностях плотины со дня окончания ее строительства, а также изменения уровня воды в водохранилище, причем самые высокие уровни наблюдались весной, а самые низкие осенью. Никакой взаимосвязи между уровнями и землетрясениями не обнаружено, а это означает, что землетрясение, поставившее под угрозу плотину, не было вызвано самой плотинной.

Хотя ущерб, нанесенный землетрясением, был невелик, известие о нем попало в заголовки новостей в округах Каспар, Буттс, Саттерс и Юба. Репортеры, умеющие копнуть глубже, описали сады близ Уитлэнда, где плоды осыпались с деревьев, да панику пернатых в птичнике в Рио-Озо. Там тысяча индеек металась так, что три сотни из них оказались серьезно ранеными, и их пришлось прирезать.

Из людей медицинская помощь понадобилась двоим: на электрика из Грасс-Вэлли, стоявшего на коленях на полу своей кухни, свалились стенные часы, и женщине в универмаге городка Роузвил рухнувшая полка с консервированными персиками повредила палец на ноге. Чтобы при таком дефиците плохих новостей развернуться

как положено, газетам пришлось посвятить передовые статьи тому, что могло бы произойти, оказался землетрясение посильнее или случись оно в каком-нибудь другом месте. Выходившая в Юбе и в Мэрисвиле «Вэлли геральд» заметила, что современная цивилизация вообще существует по милости сил природы, по сравнению с которыми плоды человеческого труда ничтожны.

Но единственно важным событием мог быть прорыв плотины, и мысль об этом бередила сознание Уилсона Хартли, начальника полиции Саттертона, городка с шестью с половиной тысячами жителей, расположенного на реке Сьерра-Кэньен ниже плотины. Хартли был местным полицейским, ответственным за общественную безопасность, и в случае катастрофы или угрозы таковой на него, а не на окружного шерифа, свалилась бы эвакуация саттертонцев. В его архиве хранилась карта наводнений, переданная ему, согласно закону штата, службой прогнозирования чрезвычайных ситуаций в Сакраменто. Владелец всякой крупной дамбы должен учитывать возможную угрозу внезапной катастрофы, а также размеры наводнения, которое за ней последует. На карте было показано, как высоко может подняться гребень водного потока и за сколько времени он доберется до важных объектов, расположенных ниже по течению. Но такая информация ценна для тех, у кого достало бы времени прореагировать, а саттертонцам она годилась разве что для мрачных шуточек. Случись наводнение, Хартли и его подчиненным пришлось бы столкнуться с потоком глубиной в сто пятьдесят метров, который в считанные минуты накрыл бы их с головой. Едва ли успели бы схватить свои четки и помолиться.

Землетрясение застало Хартли за письменным столом. Он отложил авторучку и внимательно посмотрел на окно, которое начало с шумом дребезжать. Небольшая ваза с цветами, которую секретарша этим утром поставила на его

стол, закачалась из стороны в сторону и завалилась набок. Он подхватил ее левой рукой, а правой успел спасти стопку бумаг, не дав им промокнуть в расползавшейся от вазы лужице. Первым делом ему пришло в голову, что компания «Митчелл бразерс» устроила на своей каменоломне какой-то незаконный взрыв, но поскольку окно и пол продолжали трястись, он понял, что это нечто иное. Хартли поднялся из-за стола, стараясь не думать о самом худшем. В дверях его кабинета возник полицейский.

— Ты тоже это почувствовал? Ведь у нас только что было землетрясение.

— Верно, — ответил Хартли. — Так что теперь нам, возможно, придется принять ванну.

Они подошли к окну. И хотя плотина находилась почти в километре, им пришлось задирать головы, чтобы увидеть ее, неясно вырисовывающуюся над деревьями подступающего к ней холма. Плотина была невообразимо огромной, выше восьмидесятиэтажного дома, грандиознее, чем дамбы в Грэнд-Коули и Боулдере вместе взятых. И только лезвиеподобная прямизна ее гребня, протянувшегося на два с половиной километра и резко выделявшегося на фоне неба, говорила о том, что она дело рук человеческих. Ее гигантский фасад, обращенный к нижнему бьефу, напоминал огромного степного зверька, наклонившегося градусов на тридцать. Оба внимательно осмотрели плотину.

— Она все еще на месте, — сказал Хартли. — Настоящий монолит.

— Горы разрушатся раньше, чем она сдвинется. Эту малышку строили на века.

— Ну, инженеры всегда так говорят. И все равно, если бы это не вызвало в городе паники, я бы перетащил свою контору на более высокое место.

Когда они отвернулись от окна, свет над их головами замерцал и погас.

Через четыре дня после землетрясения самолет компании «Пан-Америкэн» рейсом из Лондона приземлился в Лос-Анджелесе. Среди встречавших был и газетный репортер с блокнотом в руке и диктофоном, свешивающимся с плеча.

— Это сварливый ублюдок, — сказал ему редактор городской газеты, давая задание, — но у него острый язык, и он не стесняется высказывать свое мнение. Не обращай внимания на его шпильки и получишь несколько цитаток, которые мы уж сумеем использовать.

Репортер с интересом наблюдал, как в открывшейся двери самолета показался мужчина, которого он поджидал. Движением плеча отказавшись от помощи стюардессы и умело управляясь со своими алюминиевыми костылями, он перекинул ноги через ступеньку и, ловко маневрируя, оказался в кресле-качалке. Теодора Рошека, президента международной строительной фирмы «Рошек, Болен и Бенедитц», было легко узнать, и не только из-за его физического недостатка. Над его худым костлявым лицом всегда возвышалась серая фетровая шляпа с вышедшими из моды широкими полями. Совершенно черные брови, контрастирующие с седыми волосами, придавали глубоко посаженным голубым глазам выражение гипнотизирующей напряженности. Он сидел в своем кресле прямо, слегка наклонившись вперед, словно командующий на капитанском мостике боевого корабля. Репортеру пришло в голову, что если бы Рошек мог ходить, то это была бы размашистая походка человека, пересекающего комнату, чтобы кулаком двинуть кому-нибудь в нос.

Интервью состоялось, когда помощник Рошека выкатил кресло-каталку из ворот аэровокзала на улицу, где их уже дожидался лимузин.

— Прошу прощения, мистер Рошек! Джим Оливер из лос-анджелесской «Таймс».

— Мое глубочайшее почтение, — ответил Рошек, не поворачивая головы. — Сам я читаю «Геральд экзэминер». Развелось чертовски много газет.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я задам несколько вопросов. Могу я воспользоваться диктофоном?

— Будьте так любезны. Возможно, это сократит число ошибок.

— Ваша фирма проектировала плотину в ущелье Сьерра...

— Именно так. Кроме того, мы контролировали строительство. У нас заключен контракт на двадцать лет, по которому мы обеспечиваем контроль за состоянием и даем советы по эксплуатации. Дело не в том, конечно, что плотина нуждается в контроле. По всей видимости, она самая безопасная из всех когда-либо построенных.

Рослому Оливеру приходилось изо всех сил спешить, чтобы не отстать от кресла-каталки. Он объяснил, что «Таймс» готовит материал о причинах землетрясения и просит многих видных специалистов дать свои комментарии.

— Землетрясение? — Рошек впервые взглянул на него. — Выходит, вы просто подбирались к этому? Когда я был в вашем возрасте, газеты печатали новости. Я предпочел бы поговорить о чем-нибудь более современном, вы не против? Как считаете, «Ловкачи» начнут когда-нибудь выигрывать?

— Мы пытались связаться с вами в Лондоне.

Рошек отвернулся.

— Я был занят. Я думал, вы насчет подписки.

— Это землетрясение причинило вам какое-либо беспокойство?

— Да. У меня там, ниже плотины, дача. Боюсь, не треснул бы камин.

— У проектировщика дом ниже плотины по течению реки, — пробормотал репортер, быстро записывая несколько слов в блокнот. — Это интересно.

— Когда я там бываю, всегда сплю как младенец. Вероятно, дело в горном воздухе.

— Стало быть, вы не думаете, что населению что-либо угрожает?

— Нет. Впрочем, да. Населению всегда что-нибудь угрожает. Вы добирались сюда на машине? И совсем не тревожились о своей безопасности? В прошлом году в США пятьдесят человек погибли в автокатастрофах. Я вот только что летел самолетом. И это, вероятно, тоже не слишком безопасно.

— Но факт остается фактом: рядом с самой высокой в мире плотиной произошло землетрясение.

— Да, это факт, но фактом остается и плотина. Она не самая высокая в мире. Она самая высокая из скально-земляных. Несколько бетонных арочных плотин выше ее. Высота плотины в Гранд-Диксенсе, в Швейцарии, двести восемьдесят метров. А Нурекская плотина, если русские когда-нибудь ее достроят, будет высотой более трехсот метров. Точность информации — вот что я ценю в ежедневной прессе.

— А плотина в ущелье Сьерра устойчива к землетрясениям?

— Она может противостоять им. Ничего абсолютно устойчивого к землетрясениям не существует. Вы получаете столько безопасности, за сколько готовы заплатить, и только. Эта маленькая встряска на прошлой неделе в пять с половиной баллов по шкале Рихтера едва ли достаточна, чтобы разнести курятник, полный кудахтающих цыплят. Да и эпицентр находился в восьми километрах. Плотина спроектирована так, чтобы выдержать удар в шесть с половиной баллов с расстояния восемь километров. А в той лесной горловине такого землетрясения не было, пожалуй, сто тысяч лет.

— Эта маленькая, как вы сказали, встряска, на сорок пять минут вывела из строя электроподстанцию.

— Это результат одного просто замечательного устройства. И на плотине, и на этой подстанции установлены сотни чувствительных датчиков самого разного назначения. Вращающиеся валы турбин и генераторов имеют диаметр девяносто сантиметров, и если они отклоняются более чем на два миллиметра в любом направлении, то все мигом автоматически отключается, пока не будет точно оценена ситуация. Ни генераторами стоимостью в миллион долларов, ни плотинами рисковать не стоит.

— Вы говорите, что плотина спроектирована с расчетом на то, чтобы она надежно выдерживала землетрясения определенной силы с эпицентром на определенном расстоянии. На бумаге это, вероятно, и так. Но разве не могло случиться, что подрядчики, строившие ее, не всегда строго соблюдали инструкции?

— Кто это подбросил вам такой вопрос, уж не клуб ли в Сьерре? Отличная компания! Я и сам член этого клуба. И не смотрите на меня так удивленно... Они там не все плохие. Моя жена просто обожает их туристические походы на уик-энды. А плотина построена так, как спроектирована. Я удостоверился в этом, проведя три года жизни на этой стройке, контролируя каждый шаг подрядчика. Тогда я еще не был физически такой развалиной, как теперь. Обходился только костылями и передвигался довольно скоро. Это было шесть, семь и восемь лет назад. Я был лично заинтересован в проекте, ибо хотел доказать, что насыпные плотины такой высоты абсолютно безопасны и в равной мере практичны. Кроме того, хотел убедиться, что эта штука никогда не поможет увеличить тираж вашей газетенки, рассыпавшись на куски. Этот проект, пожалуй, был даже консервативен. Ну, вот и моя машина, придется прощаться с вами. Приятно было побеседовать! Извините, что не рассказал истории поинтереснее. Если уж вы твердо решили писать об угрозе населению со стороны плотины, придется уехать за пределы Калифорнии. В этом штате один департамент занимается

только тем, что приглядывает, как ведут себя эти плотины, а другой выясняет, что надо делать, если какая-либо из них внезапно рухнет. В большинстве штатов вообще нет никакой инспекции. Как только какую-нибудь плотину построят, о ней все тотчас забывают. Я правду говорю, ей-богу! Мальчик мой, вашей замечательной газете до зарезу нужна какая-нибудь сенсация, вот что! Отправляйтесь прямо в контору Отиса Чэндлера и подбросьте ему нечто вроде этого, сообщите, что на следующей неделе он получит объявление о тридцать пятой моей свадьбе. Ждем подарка, соответствующего его чистой прибыли. Всего хорошего! Езжайте поосторожнее!

Шесть округов водопользования, совместно владеющих плотинами в ущелье Сьерра, согласно директиве Управления по сохранности плотин штата Калифорния созвали совещание группы инженеров-консультантов, чтобы определить, «не возникло ли в результате землетрясения какого-либо нарушения структурной целостности плотины и смежных с ней сооружений». Хотя никаких структурных повреждений обнаружено не было, почти треть измерительной и регистрирующей аппаратуры, которой была снабжена плотина, сотрясение вывело из строя. Совещание не сочло это серьезным, поскольку оставшаяся исправной аппаратура по-прежнему позволяла считать эту плотину самой защищенной в мире. Было решено не менять поврежденные провода и пластиковый трубопровод, который шел от датчиков с самой дамбы к батареям циферблатов измерительных приборов, в дренажных и смотровых галереях, расположенных под ней. Однако, чтобы изучить поведение дамбы в случае будущих землетрясений, специалисты рекомендовали установить ряд дополнительных осциллографов повышенной чувствительности, два силовых акселерометра, три датчика давления и десять элементов, фиксирующих колебания почвы.

Смотровой и дренажный туннели были заключены в бетонный блок, который, подобно позвоночнику, проходил через сердце плотины у ее основания. Особое беспокойство вызвало то, что из-за толчков, которые испытала плотина, в строительных швах этой сердцевины образовались трещины, и через них в течение нескольких недель в туннель просачивалась грязная вода. Однако нагнетанием цементного раствора через пробуренные скважины поступление воды удалось прекратить. Эту временную неполадку огласке не передали.

Из предосторожности и для гарантии безопасности водохранилище следующей весной заполняли очень медленно, тщательно контролируя скорость потока и поддерживая уровень воды на шесть метров ниже максимума. Первоначальный ее объем был достигнут только через пять лет после землетрясения, так что за десять лет существования плотины вода девятнадцатого мая лишь во второй раз перелилась через бетонный водослив, подарив туристам грандиозное зрелище. Водная пелена толщиной в восемь сантиметров мерцающими волнами хлынула вниз по бетонному скату длиной в триста метров, расплескавшись внизу взрывом брызг. И никто из тех, кто слышал мощный рев, ощутил холодный ветер и туман, фотографировал радугу над ним, никогда не забудет этого зрелища.

Двадцать второго мая вода, огромной массой скользящая в водослив, чтобы начать долгий бег, достигла предельного уровня в тридцать сантиметров. Предельного же уровня достигла вода в дренажных и смотровых туннелях, глубоко погребенных в плотине, словно ее кишки. Особенно много воды скопилось в нижних туннелях, пробитых в скале на 250 метров ниже гребня плотины. А на проложенных там пешеходных дорожках стояла вода глубиной в тридцать сантиметров, и главному инспектору Чаку Дункану при ежедневных обходах приходилось хлюпать по ней. Вода просачивалась, капала и просто лилась из каждого

дренажного отверстия, трещины или щели и бежала вниз по бесконечным бетонным ступеням серией миниатюрных водопадов. Воды было больше обычного, но не настолько, чтобы Дункан забеспокоился. Когда уровень воды в водохранилище был высоким, в туннелях всегда было сыро, а в бланке, который он заполнял, снимая показатели измерительных приборов, не было специальной графы для личных комментариев начинающего специалиста.

Дункан ненавидел эти зловещие нижние галереи, такие тесные, что можно было коснуться обеих стен одновременно. Ненавидел этот долгий подъем, спертый воздух, сырость и могильную тишину. Электрические лампочки вверху были размещены слишком далеко одна от другой и не могли разогнать царивший здесь мрак. Кроме того, они уже не раз гасли, заставляя его включать ручной фонарь. Как, черт подери, может им пользоваться тот, кому обе руки нужны, дабы делать записи в блокноте? Но тяжелее всего было сознавать, что вся огромная масса плотины и водохранилища находится прямо над головой. При мысли об этом он не раз покрывался липким потом, несмотря на холодный воздух. Но если он намеревается и дальше жить дома, искать другое место бессмысленно, а человеку, завершившему образование всего два года назад, Саттертон иной работы, хорошо оплачиваемой круглый год, не предлагал. Но если он сумеет продержаться достаточно долго, чтобы поднакопить необходимый стаж, эту грязную работенку по снятию показаний измерительных приборов в нижних туннелях можно будет спихнуть кому-нибудь другому.

Тяжелая стальная дверь открывала вход в галерею D — боковой туннель длиной тридцать метров, в котором находилась почти половина измерительной аппаратуры дамбы. Из-за неравномерной осадки дверь перекосилась и открывалась с трудом. Зажав блокнот под мышкой, Дункан обеими руками рванул и распахнул дверь, припер ее к стене

и закрепил проволокой, чтобы она не захлопнулась за ним с могильным лязгом, как уже однажды случилось.

Стоять перед батареей циферблатов в конце галереи D все равно что попасть под проливной дождь, вода обильно капала на голову и плечи. Стуча зубами и дрожа от холода, Дункан быстро нацарапал в блокноте цифры, которые смог разглядеть на табло, и сделал привычные предположения по поводу тех, которые мешала увидеть влага. О чем свидетельствуют такая сильная капель и показания приборов, пусть решают другие. А его единственная задача заполнить по форме все эти бланки и убраться отсюда к чертовой матери. Оказавшись снова на поверхности, он устроит себе перерыв, закурит сигарету и подумает о приближающемся свидании с Карлой в пятницу вечером. До этого оставалась всего неделя. А уж Карла с ее крутыми бедрами и трепещущим язычком для начала отвлечет его хотя бы от несварения желудка. Ну, а в следующий раз при помощи одной-двух сигареток с марихуаной он наверняка одержит верх.

Глава 2

Проведя всего три недели в южной Калифорнии, новоиспеченный служащий фирмы «Рошек, Болен и Бенедитц» попал в необычное положение: он целыми днями, томясь от безделья, лежал на ворсистом коврикe в Санта-Монике.

Месяцем раньше он, Фил Крамер, подстригал лужайку в канзасском городке Уичита.

— Ты всего-навсего лишь добился наконец своей ученой степени, — сказала тогда его мать, — но это не означает, что ты не обязан выносить мусор и скашивать траву.

И всякий раз он, подстригая траву, проходил мимо парадного крыльца, останавливался, чтобы прочитать прислоненный к ступенькам документ в рамке: «Члены

правления КАНЗАССКОГО университета присуждают ФИЛИППУ ДЖЕЙМСУ КРАМЕРУ степень ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ по ГРАЖДАНСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ». До чего же он любил этот листок бумаги! За него заплачено семью годами питания одними консервами, муками экзаменов и скукой косноязычных лекций. Он думал, те годы никогда не кончатся, а вот теперь — странное дело — лежит на полу в квартире молодой женщины, всего в двух кварталах от Тихого океана. Более того, лежит нагишом! Он не совсем представлял себе, что произойдет, когда Джанет выйдет из ванной, но что бы ни было, это скорее всего будет очень приятным. Правда, не покидало подозрение, что его собираются оставить в дураках. Ведь то, что должно произойти, она назвала массажем.

— Ты сводил меня в два дорогих ресторана, — сказала она, — ты наладил мой автомобиль и передвинул диван. Теперь моя очередь сделать кое-что для тебя. Хочу предложить тебе первоклассный роскошный массаж всего тела.

— Здесь? За обеденным столом?

— Нет. Там, на полу гостиной. На ворсистом коврик перед камином. Раздевайся догола и ложись, а я подогрею пока немного масла и натяну амуницию для массажа.

Он подошел к коврику и заколебался. А что, если она просто дурачит его?

— Нечего стесняться, — сказала она. — Тебе это понравится.

И чтобы побудить, она дотянулась до его Шеи и развязала узел на галстук, потом проворно расстегнула рубашку сверху донизу. Он нахмурился, медленно вытаскивая низ рубашки из брюк.

— Немного странно все это, а? — спросил он. — Хочу сказать, что мы ведь не...

— Просто делай то, что говорю. — И прежде чем скрыться в ванной, она бросила ему полотенце. — Держи. Это для благопристойности.

Он лежал на коврикe ничком с полотенцем на ягодицах, положив подбородок на кисти рук, всем телом ощущая жар от камина. И размышлял. Необычность ситуации заключалась в том, что они никогда еще не занимались любовью. Они проводили вместе всего лишь третий вечер, и, хотя требовательная страстность недавних поцелуев и ласк несомненно означала, что им суждено стать вскоре любовниками, он не предполагал, что, когда этот момент наступит, ему будет отведена такая пассивная роль. Он не то чтобы агрессивен по природе. Скорее застенчив, в особенности в компаниях и с женщинами. Еще в юности быстрый рост и непокорная шевелюра заставляли его стесняться собственного тела. Подобное самоощущение плюс религиозная мать и склонность к прыщавости, как бы тайно сговорившись, охраняли его девственность вплоть до второго курса колледжа. Девушка-первокурсница, позволившая Филу Крамеру соблазнить ее, говорила о нем так:

— Он только поначалу застенчивый. А в постели уговорит так, что твои ножки сами раздвинутся.

Однако, прожив пять лет и познав восемь девушек, он все еще был в себе не уверен. Знал, что, даже лежа обнаженным на ковре, не являет собой сексуального объекта. Слишком уж высокий и нервный. Волосы сильно смахивают на копну сена, по которой проехался трактор, но не сгреб до конца. Да еще брызги веснушек полосой поперек носа. Он уже примирился с той горькой правдой, что в нем умственное начало преобладает над физическим и девушка, которая им заинтересуется, тоже, вероятно, будет умной.

Джанет Сэндифер он встретил на воскресном семинаре по новейшему компьютерному языку, устроенному компанией «IBM». Во время перерывов на кофе он

несколько раз взглянул на нее, но завязать разговор смелости не хватило, пока она сама ему не улыбнулась. У нее была аккуратненькая плотненькая фигурка, а лицо такое, что он не смог отвести глаз. Позднее, когда они познакомились, она сообщила, что три года назад она закончила колледж в Лос-Анджелесе, где получила сразу две степени: по компьютерному обучению и по математике, а теперь работает аналитиком компьютерных систем в одной фирме в Торрансе, которая проектирует и производит научную аппаратуру. Три повышения по службе и два поощрения внушили ей чувство, что для нее не так уж важно, станет ли она когда-нибудь матерью.

Фил закрыл глаза и улыбнулся. Дела у него, что ни говори, складывались удачно. Замечательное ощущение. Наконец-то он разделался с учебой. А хвалебные слова, которые он выслушал от руководства факультета за свою диссертацию о компьютерном предсказании аварий плотин, до сих пор звучали в ушах. И работу нашел именно какую хотел, в одной из самых престижных инженерных фирм. Но быстро понял, как мало знает о проектировании гидроэлектрических сооружений.

Единственное, что в последнее время беспокоило Фила, — это сумасшедший ответ, выданный компьютером фирмы «Рошек, Болен и Бенедитц», когда он опробовал свою программу предсказания аварий на самом знаменитом сооружении Теодора Рошека, плотине в ущелье Сьерра. И катодная электронная трубка напророчила, что эта плотина может вот-вот лопнуть, как наполненный водой воздушный шарик, а сие означало: что-то неладно либо с компьютерами, либо с плотиной, либо с программой. Здоровье компьютеров отменное, а плотина — уважаемый во всем мире образец совершенства проекта. Стало быть, дефект следовало искать в программе. Он расскажет обо всем этом Джанет, когда они закончат ублажать друг друга. Возможно, ей удастся

обнаружить какие-нибудь изъяны в предпосылках или в логике программы.

Она стояла возле него на коленях, одетая во что-то вроде короткого кимоно, и втирала теплое масло в его спину, Фил обвинил было ее талию, но она оттолкнула руку.

— Есть кое-что такое, что ты должен понять, — сказала она. — Я не пытаюсь соблазнить тебя. Я просто делаю тебе массаж. Эта одна из самых приятных вещей, которые один человек может сделать для другого, совсем не обязательно сопряжена с сексом. Тебе положено только наслаждаться. Закрой-ка глаза.

Она вдавливала свои пальцы в мышцы его шеи и плеч растирающими и поглаживающими движениями. Несколько раз убеждала расслабиться:

— Бог мой, ты словно сжатая пружина. Тебе что, никогда раньше не делали массажа?

— Массаж не очень-то распространен в Канзасе. Так же, как и обнажение на публике.

— Это частное дело. Дверь заперта, и занавески опущены.

— Частное дело — это когда ты один. А вдвоем — это уже на публике.

Он поднял голову, чтобы взглянуть на нее. Она пригнула ее обратно.

— Какой-то ты уж очень консервативный. Интересно, все инженеры такие же, а?

— Не знаю. Я никогда не массировал инженера. Единственная девушка в инженерной школе весила больше девяноста килограммов и носила подбитые сталью рабочие башмаки. Мы звали ее «Киска в сапожках».

Она поскребла его голову кончиками сразу всех десяти пальцев, ладонями и тыльной стороной запястий помассировала плечи, потом сдавила пальцами бицепсы предплечья, проведя ногтями вниз по всей длине рук, начала делать круги ладонями. Вставила свои пальцы между его

пальцами, погладила их, повращала туда и обратно и покачала. Покончив с руками, вернулась к спине. Для лучшего упора пошире раздвинула его ноги и, сильно нажимая, медленно провела кончиками пальцев от поясницы к шее.

— Ощущение невероятно прекрасное, — сказал Фил. — Где ты этому научилась?

— Когда была совсем молоденькой, ухаживала за одним калекой, который считал, что массаж — это не просто прекрасно, а лучше всего на свете. Я тогда еще училась в школе. Как-то раз он взял меня в одно заведение в Малибу, где все обнажались и практиковались в массаже друг другу. А инструктор, типа эдакого гуру, вещал, что с помощью массажа можно попасть в один ритм со всеобщей гармонией и всяким прочим дерьмом в этом роде. Вот тогда-то я и пристрастилась к массажу.

Филу было интересно, что она сделает, когда доберется до полотенца? Перескочит через него и из уважения к его пуританскому воспитанию и целомудрию двинется дальше к ногам или же грубо отбросит полотенце, как сделали бы ее калека и гуру? Она отбросила полотенце в сторону и так набросилась на ягодицы, словно это были два кома теста, но действовала так искусно и так прозаично, что он не почувствовал ни прилива крови, ни стеснения.

Ее пальцы поглаживали верхушки его ног и чувствительные зоны ниже колен. Она нежно пощипывала его плоть, стискивала ее кулаками, колотила ребрами ладоней и проводила на ней длинные линии таким легким движением, что казалось, кончики ее пальцев касаются только волосков, но не кожи.

— Не знаю, как долго я еще смогу вкушать это удовольствие, — сказал Фил. — Мне хочется рассчитаться, чувствую себя эгоистом, просто валяясь здесь на коврике. Хочу поласкать тебя.

— Это не предусмотрено. Я просто делаю тебе подарок. А ты должен принимать его и наслаждаться. Сосредоточься на этом ощущении и не разговаривай.

А насколько же оказался приятным массаж ступни! Она прижимала большие пальцы к подъему и любовно обрабатывала каждый палец. Ладонями и пальцами терла пятки и подошвы — сначала легко, а потом жестко. И наконец ответила на будораживший его вопрос, приказав:

— Перевернись!

Он повиновался. Нет, она не накрыла его полотенцем. Снова помассировала голову, на этот раз спереди. Легким, словно крылья бабочки, прикосновением по векам, губам, щекам, шее... Потом обработала грудь, живот, подбрюшье. По пути к бедрам легко коснулась полового органа, и руки пошли дальше до лодыжек, затем вернулись, поглаживая ноги с тыльной стороны, мягко сомкнулись вокруг него. На какое-то мгновение ее руки оставили его тело, и послышалось шуршание одежды. Потом он почувствовал ее волосы на своем лбу и ее губы на своих губах. Он обвил ее рукой и прижал к себе.

— Я передумала, — прошептала она, — теперь пытаюсь соблазнить тебя.

— Это оказалось совсем легким.

Глава 3

Лос-анджелесская штаб-квартира фирмы «Рошек, Болен и Бенедитц» занимала три этажа в гигантской башне Тишмэна на Уилширском бульваре. Большинство старших по должности служащих размещались на верхнем этаже, где были расположены также отделы предварительного планирования и разработки проектов. На среднем этаже размещались отделы, специализирующиеся на сооружении дорог, зданий и туннелей. А нижний этаж был отдан компьютерным службам, гидроэлектротехнике, атомной

энергии и горному делу. На каждом этаже работали примерно по сто служащих, более половины из них — инженеры. Они трудились за обычными или чертежными столами в центральной части этажа, окруженной кабинетами. Отделы, занимающиеся нефтехимическими предприятиями, трубопроводами, аппаратурой для океанов, а также фундаментами, находились в других зданиях Лос-Анджелеса, и на верхнем этаже постоянно обсуждался вопрос о сооружении своей конторской башни, которая приютила бы всех под одной крышей.

Утром двадцать шестого мая, в пятницу. Фил Крамер явился на работу на час раньше положенного и уселся у монитора, загружая компьютер своей переработанной программой прогнозирования возможной аварии плотины. Эта программа родилась за пять вечеров сотрудничества с Джанет. Она ничего не смыслила в плотинах, зато умела выстраивать логическую цепь и задавала вопросы, заставившие его изменить некоторые из цифровых предпосылок. Именно она предположила, что первоначальная математическая модель была слишком мала и чересчур упрощена для анализа состояния плотины в ущелье Сьерра. Модель следовало расширить, чтобы она соответствовала полному объему сооружения и включала большее количество усредненных данных. Составленная ими новая программа была рассчитана не просто на среднюю плотину, а приспособлена именно к условиям ущелья Сьерра.

Завершив необходимые предварительные операции, Фил ввел «Перечень измерительных приборов галереи». Прикосновение к клавише исполнения команды тут же высветило на экране колонку из двадцати пяти букв. Нажав в определенной последовательности четыре клавиши, Фил поместил вверху этой колонки зеленую индикаторную линию. Затем открыл копию самого последнего доклада инспектора из ущелья Сьерра. Показания были сняты три

недели назад, когда поверхность водного резервуара все еще находилась на полтора метра ниже края водослива на гребне дамбы. Держа этот доклад левой рукой, он правой набирал цифры после каждой из букв на экране. Когда довел колонку до конца, появилась другая.

Спустя полчаса все имеющиеся в его распоряжении данные были введены в программу. Фил дал задание компьютеру оценить состояние плотины при допущении «Наилучший случай». Через четыре минуты появились колонки цифр, относящиеся к блокам плотины объемом 7,6 кубического метра. Поскольку в плотине было всего 68,8 миллиона кубических метров материала, число закодированных блоков информации составило девять тысяч, но по программе просчитывались только те блоки, где отмечалось просачивание воды выше нормы. Под заголовком «Чрезмерные оценки, заложенные в проекте», отметил двадцать блоков, и пять из них как критические. Компьютер предложил «провести визуальную инспекцию». Прикосновение к клавишам в другой последовательности вызвало на экран кодовые буквы, обозначающие поперечные сечения дамбы, содержавшие критические блоки.

Фил поджал губы и покачал головой, соображая, не выбросить ли к черту эту программу и не начать ли все сначала, вероятно, теперь она выдает еще более искаженные показатели, чем раньше. Но прежде захотелось посмотреть, как далеко она завела. Он попросил компьютер сделать оценку «Наихудший случай». На сей раз под заголовком «Чрезмерные оценки» появилось сорок семь блоков, двенадцать как критические. Буквы и цифры растаяли, и на их месте возникла команда: «Предпринять немедленные меры». Фил попросил дать последовательные изображения критических поперечных сечений. По мере того как на экране возникали треугольные изображения, справа налево двигались пунктирные линии, обозначающие плоскость наибольшей слабости сооружения. И в каждом случае это

место находилось на самом низком уровне. По всей видимости, это были точки соприкосновения плотины с лежавшей в ее основании скалой. А на экране появилось новое сообщение: «Выходят какие-то отбросы? Не плачь. Лучше перепроверь те отбросы, которые входят». Это была одна из фраз, которые Фил включил в программу, чтобы чем-то разбавить скуку.

Когда он позвонил Джанет на работу, она радостно приветствовала его:

— Ну, как дела с грандиозным инженерным проектом?

— Великолепно. Согласно этому кибернетическому мыслителю, наша самая замечательная плотина рассыпается сразу в сорока семи местах. Я звоню тебе, чтобы посоветовать выбросить на помойку всю документацию нашего грандиозного проекта, который, возможно, завалился в твоём портфеле.

— Знаешь, я не могу позволить себе роскошь занять портфель. Документы держу в ящике письменного стола.

— Джанет, результаты оказались хуже, чем раньше. Я не думаю, что подвела логика. Очевидно, мои первоначальные предположения, произвольные коэффициенты были слишком пессимистичными.

— В этом я тебе помочь не могу. Пока ты не взвалил на меня эту плотину, самой крупной вещью, которую я когда-либо анализировала, был кусок силикона. А почему бы тебе не объяснить это старому... как его там... Рошеку? Он, вероятно, в секунду сможет обнаружить изъян.

Фил рассмеялся.

— Ты, должно быть, жаждешь моей гибели. Я его до смерти боюсь, посмотрела бы, как он утром проследовал, стуча своими костылями, от лифта по коридору. Словно чудовище из мультфильма. Забавно видеть, как все тотчас перестали трепаться и набросились на работу. Этот старик, клянусь, может одним только взглядом сшибить человека со стула.

— Все равно, тебе нужно с кем-либо об этом поговорить. Не можешь ты просто сидеть там и нервничать.

— Уж не обратиться ли мне ко всему руководству разом и не сообщить, мол, по моим расчетам плотина в ущелье Сьерра вот-вот рухнет, и все ее конструкции поплывут к Сакраменто? Да они расхохочутся так, что на пол попадают. Они скажут: «Ну и ну, должно быть, "отличные расчеты"». Я же в их глазах несмышлениш, только что из колледжа. Мне вообще не положено вести себя так, будто что-то кумекаю. Мне положено по чину держать глаза и уши открытыми, а рот — закрытым.

— Слишком уж ты робкий. Сделал оригинальную программу и должен больше доверять ей. Неужели у тебя нет какого-нибудь босса, с кем можно поговорить?

— Целых два. Один не слишком-то много знает о компьютерах, а другой мало что смыслит в плотинах. Пожалуй, можно зайти к Герману Болену, который беседовал со мной перед тем, как нанять. Очень приятный, по-моему, только немного напыщенный.

— Поговори с Боленом. Если эта плотина завтра рухнет, ты же не заявишь, что знал, мол, об этом, но постеснялся сообщить. Ой-ой, мне надо вешать трубку. Идет надзирательница и смотрит на часы. Думаешь, только у тебя чудовище из мультфильма?..

Весь остаток утра, как и обеденный перерыв. Фил провел, пытаюсь набраться смелости, чтобы попросить секретаршу Болена записать его на прием. Дважды протягивал руку к телефонному аппарату на своем столе и отдергивал ее, страшась своих предвидений. «Вы с ума сошли? — возможно, яростно накинется на него Болен. — У меня есть дела поважнее, чем болтать с младенцами об их галлюцинациях. Черт подери, неужели вы всерьез думаете, что ваша школярская разработка чего-нибудь стоит?» Нет, поправил себя Фил, Болен не такой тип, чтобы выходить из себя. Скорее всего унизит этак по-отечески: «Ваша

небольшая компьютерная программа очень мила. Вам стоило бы взглянуть на нее через несколько лет, когда накопится кое-какой опыт. А теперь извините, я ожидаю канцлера ФРГ». Была и еще одна возможность: Болен в тот же миг уволит его за растраниживание ценного компьютерного времени и за то, что он не сосредоточился полностью на порученном деле. Филу, конечно, не хотелось рисковать потерять работу.

Он входил в группу из четырех человек, которые проектировали скальную плотину для сельского хозяйства Бразилии. Большую часть своего времени он проводил, перепроверя чертежи и расчеты других, что носило как бы учебный характер, но он не возражал против этого, если он все будет выполнять аккуратно и не допустит ошибок, то в дальнейшем ему поручат более ответственную и самостоятельную работу. К тому же появилась надежда, что еще до конца этого года предложат сопровождать руководителя группы в поездке на место строительства. Прогулочка в Бразилию за счет фирмы! Ведь ни о чем таком нельзя было бы и мечтать, кабы послушался своего отца и поступил в одну из маленьких консультирующих фирм в их Уичите. Пришлось бы всю жизнь проектировать прокладку канализационных труб к домам в этой глуши и надеяться, что вдруг подвернется проект какой-нибудь дороги. Он был рад, что решил попытать счастья в большой фирме в Калифорнии. И по мере того, как шло время, уменьшалось опасение, что выставит себя дурачком, вынужденным с позором тайком вернуться домой. «Перестань дергаться, — ругал он себя. — У тебя хорошие мозги, приличное образование и желание работать. А Болен — человек, который это высоко ценит. Ты совсем не так уж косноязычен, каким привык быть. Потом, что такого, если выглядишь слишком молодым, чтобы тебя воспринимали всерьез? Время исправит этот недостаток».

Он снова положил руку на телефонную трубку. Нечего бояться Болен. Возможно, на него произведет впечатление новый сотрудник, который смотрит дальше своего непосредственного задания, и он вспомнит о нем, когда откроется какая-нибудь вакансия. Фил вспомнил совет отца относительно того, как преуспеть в мире бизнеса: «Зарекомендуй себя как личность, которая чаще решает проблемы, чем создает их. Но если уж встретишься с проблемой, которую не можешь решить, передай ее тому, кто сможет это сделать, и проверь, правильны ли твои исходные данные». Фил нахмурился. Его данным уже три недели. Лучше бы сначала позвонить на плотину и получить самые последние показания измерительной аппаратуры. А вторая заповедь его отца заключалась в том, что чем выше поднялся человек по служебной лестнице, тем проще иметь с ним дело. Болен, конечно же, забрался достаточно высоко — вторая ступенька от вершины.

Фил снял телефонную трубку и принялся дозваниваться на плотину в ущелье Сьерра.

Герман Болен занимал второй по величине и обстановке кабинет в фирме. Там были и чистошерстяной ковер, и своя ванная, и облицовка стен от пола до потолка не каким-нибудь пластиком или тонкой фанерой, а настоящим орехом. Левая сторона его письменного стола напоминала панель управления личным самолетом. Одним прикосновением к кнопке мог вызвать свою секретаршу, связаться по телефону с пятьюдесятью номерами во всем мире, получить прогноз погоды и курс акций на бирже, повернуть жалюзи с внешней стороны окон, зажечь сигару, согреть чашечку кофе и, наконец, поманипулировать цифрами всеми способами, известными в математике.

Он не имел ничего против того, чтобы быть вторым номером при первом номере Теодоре Рошке, который был блестящим инженером с прямо-таки нечеловеческой работоспособностью и вполне заслужил и свой авторитет, и

свою более крупную долю в прибылях. Герман Болен ничуть не завидовал ему. По правде говоря, он был даже благодарен старику. Если бы Рошек много лет назад не натолкнулся на него, то он, по всей вероятности, так и затерялся бы в лабиринтах Бюро рекламации, остался работягой на федеральной службе, о котором никто и никогда не слышал. Но благодаря Рошеку, собственной упорной работе и везению в виде болезней, скосивших соперников по фирме, он мог теперь наслаждаться значительной властью и влиянием. Добился большего, чем мечтал когда-либо. За один только предыдущий год набежало более ста тысяч долларов после вычета налогов! Он участвовал в разработке некоторых наиболее знаменитых инженерных сооружений двадцатого века, что можно было видеть из висящих на стене картин и фотографий в рамках: плотина в Мангле, схема Манапурской ГЭС, объединенный очистительный комплекс в Ираке, трубопровод на Аляске, Синайский канал, плотина в ущелье Сьерра.

Да, он хорошо поработал с Рошеком. Тот умел быть обаятельным, когда нужно, но при знакомстве производил впечатление человека жесткого и резкого. А вот Болен отличался мягкостью и отеческой нежностью. Он приглаживал перышки, которые взъерошивал Рошек. Конечно, его жизнь не была идеальной. Болена печалили облысение и увеличение талии. Его ожиревшее грушевидное тело безостановочно набирало вес. Нынешний темп, как показал калькулятор в крышке стола, приблизительно четыреста с небольшим граммов в месяц. Очевидно, только читать о физических упражнениях и диете недостаточно. Он коснулся кнопки, и на маленьком экране мгновенно появилось время в двенадцати часовых поясах с точностью до сотой доли секунды. В Лос-Анджелесе было 17.06.34. Пора и закругляться.

В дверь тихонько постучали, и вслед за этим просунулась седая голова секретарши.

— Здесь мистер Крамер, он хочет повидаться с вами, — сказала она.

— Кто?

— Мистер Крамер, молодой человек с нижнего этажа. Он сегодня днем просился к вам на прием. Такой высокий, рыжеватый, да? Из отдела проектирования гидросооружений? Или компьютеров?

— О да, да, да. Пусть войдет.

По какой-то нелепой ассоциации он подумал, что она говорит о Джеке Крамере, профессиональном теннисисте былых времен. Он вспомнил очень красивый матч Крамера против Панчо Сегуры... Бог мой, да это же было более тридцати лет назад! А Фил Крамер — это парень, только что поступивший на службу. Болен сам беседовал с ним, зачислил его в предварительный список и рекомендовал принять. Приятный молодой паренек с хорошими манерами. Выглядит представительно. Прекрасное будущее, если станет служить как полагается. Сырье того типа, который и подыскивает фирма «Болен, Рошек и Бенедитц»? Нет, «Рошек, Болен и Бенедитц»...

Крамер несколько неловко поблагодарил Болена за то, что он уделил ему время, и присел на краешек кресла.

— Вы говорили, что, если у меня возникнут какие-нибудь трудности, я могу обратиться к вам.

Болен дружески улыбнулся. Парнишка нервничал, и его следовало успокоить.

— Да, я сказал так, и именно это имел в виду. Знаю, как трудно сразу из колледжа очутиться в большой организации. Это в своем роде интеллектуальный шок. Шок от столкновения с реальным миром, так? Когда я окончил Сент-Норбертский колледж, меня зачислили в фирму «Сиабиз»! Вот это был шок! — Он посмеялся, вспомнив былое, но его молодой посетитель, не разделяя веселья, продолжал сидеть, хмуро уставившись на него. Болен сложил руки, наклонился вперед и сказал, понизив голос: — Итак, какая у вас

проблема? Мы оба инженеры. Если изложите эту проблему, прибегнув к специальной терминологии, сможем ее решить.

— Да, мистер Болен, есть одна проблема. Я думаю, что одно из сооружений нашей фирмы... то есть, согласно компьютерному моделированию, которое я провожу... Сэр, я думаю, что плотина в ущелье Сьерра может... Хотя я, вполне вероятно, ошибаюсь... Глубоко ошибаюсь... и я надеюсь, вы сможете указать мне, что я нелепо заблуждаюсь, полагая, что плотина... что она... ну, что она... я очень не люблю действовать через чью-либо голову, но я полагал, что прежде чем говорить об этом с кем-либо, мне следует обсудить это с тем, кто...

— Мистер Крамер, изложите спокойно эту проблему. Плотина в ущелье Сьерра — что?

Фил привел мысли в порядок и начал снова:

— Когда я кончал колледж, я разработал компьютерную программу для анализа состояния насыпных плотин, цель — выявить условия, которые могут предшествовать... ну, авариям. Это математическая модель, основанная на данных по десяти плотинам. Она учитывает нагрузки на скважины, темпы осадки, сейсмостойкость, утечки воды при различных гидростатических нагрузках. Ну, и так далее. Туда же заложено и сравнение с условиями, при которых произошли аварии плотин. Я имел возможность изучить опыт Болдуин-Хиллза и Тетона.

— Помню, я читал об этом в вашей анкете. Мы коснулись этого и в ходе нашей беседы. Отличная была работа для студента. Полная воображения. Но вот что касается ее практической ценности...

«К чему он, собственно, подбирается?» — подумал Болен.

— Я использовал трехкоординатную сетку сопротивлений, — продолжил Крамер, — весьма продуктивную в области химических процессов. Это не просто сумма всех данных — давления, утечки, осадки и

сдвигов в разных частях дамбы, — но их взаимосвязь, взаимное влияние и, что самое важное, динамика изменений всех этих данных по мере подъема уровня воды в водохранилище.

Болен кивнул и попытался придать своему лицу сочетание симпатии с легким нетерпением.

— В целом эта концепция мне нравится, но есть слишком много неизвестных величин, мешающих получить решение, которого вы добиваетесь. Плотины в Болдуин-Хиллз и в Тетоне до аварий не были достаточно оснащены измерительной аппаратурой. При вашем подходе опасность таится, мне кажется, в придании чрезмерного значения таким вещам, как эти вот взаимосвязь и динамика изменений.

— Я сделал множество допущений...

— Ну и...

— Мистер Болен, в свое личное время я опробовал программу применительно к показателям по плотине в ущелье Сьерра. Эта плотина... — он сделал паузу, — эта плотина, согласно моей модели, не... не слишком хорошо себя ведет.

Болен покачал головой и слегка улыбнулся.

— Итак, мистер Крамер, вы в самом деле...

— Это звучит смешно, я знаю, именно так я поначалу и решил. Когда просился к вам на прием, хотел попросить у вас совета относительно пересмотра моей программы. Но сегодня днем я подумал: а не наткнулся ли я на нечто такое...

— О, даже так?

Болен стал смотреть на молодого инженера с некоторой долей неприязни. Да, умен, но есть в нем нечто незрелое. И, кажется, недостает чувства приличия. Болен волей-неволей подумал о начале собственной карьеры и о том, насколько невыносимым было бы для него явиться к старшему по

должности с такой вот чепухой. Да, времена меняются, и не всегда к лучшему.

— Я пользовался показаниями приборов трехнедельной давности, когда уровень тамошнего водохранилища был на полтора метра ниже максимума. Сегодня днем я использовал показатели за последнюю пятницу, двадцать второго мая, когда вода поднялась еще почти на тридцать сантиметров и уже переливается через водослив. И компьютер показал, что... что...

— Плотина ненадежна?

Фил отдышался и выдохнул:

— На всем протяжении от самого крупного поперечного разреза до правого берегового устоя.

Болен, подыскивая замечание не пренебрежительное, но достаточно саркастическое, спросил, каким образом Фил раздобыл данные за пятницу.

— Я позвонил на дамбу, — ответил тот.

— Вы что сделали?

— Я позвонил на дамбу и поговорил с человеком, который отвечает за обслуживание и контроль. Некий мистер Джефферс. Я хотел иметь все данные, какие только можно получить, к тому моменту, когда увижу вас. Именно сейчас подъем водохранилища выше, чем когда-либо раньше, на тридцать сантиметров. И вода уже переливается через водослив.

— Вы звонили Джефферсу? И сказали, что вы из нашей фирмы?

— Да, сэр. Я спросил, нет ли чрезмерной протечки в галерее. Он ответил, что инспектор ни о чем таком не упоминал. Я спросил о показаниях приборов, которые не были зарегистрированы, и...

— Уповаю на Господа, что вы не сказали, будто плотина, мол, ненадежна.

— Нет, сэр. Но я с удивлением узнал, что во время землетрясения, которое было пять лет назад...

— Так, с меня достаточно. — Болен, слегка повысил голос и поднял руку, призывая Крамера замолчать. Он умел быть, когда надо, жестким и решительным. — Дело это серьезное. Что-то следует предпринять, но я пока не уверен, что именно.

— Ну, можно открыть ворота водослива, чтобы начать понижение уровня водохранилища, а также провести специальную инспекцию в...

— Я имею в виду не плотину. — Болен уже почти кричал. — Я имею в виду вас! Я не знаю, что следует сделать с вами. — Удивленный своей горячностью, Болен понизил голос до шепота. Он вовсе не хотел, чтобы Шарлей снова сунула голову в кабинет. — Я вас нанимал и потому несу за вас особую ответственность. Ненадежность относится к вам, а не к плотине.

— Но я всего лишь пытался...

— Ведете себя так, будто вы компаньон в этой фирме, куда еще не вложили необходимых двадцати лет тяжелого труда. Единственная неприятность, о которой мы должны беспокоиться, связана с утратой перспективы. Да вы когда-нибудь хотя бы видели плотину в ущелье Сьерра? Вы хоть когда-нибудь работали над проектом или сооружением плотины любого типа, хотя бы в каникулы? Полагаю, что нет. — Болен внимательно посмотрел на сидящего напротив молодого человека, глаза которого округлились от страха, а щеки налились краской. И все же Болен не мог избавиться от чувства симпатии. В простодушии Крамера было нечто привлекательное. Он искренний, открытый. По всей вероятности, ожидал похвалы за свои старания, а не сердитого выговора. Крамер талантлив и может стать выгодным приобретением, если им должным образом заняться. Болен вернулся к проверенной утешительной манере и сказал: — Я хочу, чтобы вы занимались тем, для чего вас наняли. Не пользуйтесь компьютерами для чего бы то ни было без разрешения мистера Филиппи или моего. И

никому даже не упоминайте о том, что вы проделали. Иначе, могу вас заверить, станете мишенью для шуток на многие годы вперед. На все годы с данного момента, когда мы с вами можем посмеяться над этим наедине. А самое главное — не звоните больше туда. Предоставьте заниматься плотиной тем из нас, кто делает это со дня ее проектной заявки. Вам многому предстоит научиться, мистер Крамер, прежде чем сможете подумать о том, чтобы советовать нам, как надо управлять фирмой. Хорошо? Согласны?

Крамер всплеснул руками, а потом беспомощно уронил их на свои колени.

— Эти данные пугают меня, — сказал он мягко, не решаясь посмотреть Болену в глаза. — И все-таки думаю, что надо направить инспектора в галерею. Эти показания чрезмерны по любым стандартам.

— Что ж, вы имеете мужество отстаивать свои убеждения, даже если они ошибочны, и я отдаю вам должное.

Болен как бы в рассеянности помахал рукой в направлении двери, давая понять, что прием окончен. Он понаблюдал, как Крамер с усилием поднимается на ноги, словно человек, которого только что выпороли. Бедный ребенок, явно из тех, кто не умеет скрывать эмоций. Но этому ему придется научиться, если собирается продвинуться достаточно далеко в профессии инженера-строителя. Болен остановил его у дверей последним замечанием, чтобы подбодрить:

— Я не стану говорить об этом мистеру Рошеку. Он весьма скептически посмотрел бы на одного из своих служащих, в особенности на служащего без должного опыта, у которого возникают сомнения по поводу плотины, кстати, одной из его особенно любимых. Пусть уж это останется между нами.

Крамер кивнул и закрыл за собой дверь.

Спустя полчаса, внимательно проверив отчет из ущелья Сьерра, Болен коснулся кнопки на своем щите управления. И в пятистах милях от него на подземной электростанции зазвонил телефон.

— Джефферс слушает.

— Это Герман Болен. Я боялся, что ты уже ушел домой.

— Привет, Герман! Ну, мы же здесь, в горах, вкалываем днем и ночью: Не то что вы, городские хлыщи.

— Я готов поменяться с тобой местами в любое время. И ты тогда подышишь нашим воздухом.

— Неплохая сделка. Тебе стоило бы по меньшей мере нанести нам визит, чтобы посмотреть, как вода переливается через гребень. Вот это зрелище! Ниагара в сравнении с этим просто подтекающий водопроводный кран. Я сегодня тут отснял ролик и пошлю тебе несколько кадров, если хорошо получится.

— Обязательно пришли. Ларри, тебе сегодня днем звонил от нас мистер Крамер?

— Да, но что это такое было, а? Он, похоже, был очень взволнован, в особенности когда выяснил, что многие из измерительных приборов так и не работают со времени землетрясения.

— Ты что же, так-таки и выложил ему это?

— Ну, я упомянул об этом как бы мимоходом. Я полагал, что человек из нашей фирмы и без того должен уже это знать. А потом позвонил Рошеку, чтобы выяснить, что происходит, и черт меня подрал, но эта девица перевела мой звонок ему в Вашингтон! Я вовсе не имел в виду беспокоить его там. Он не знал ни Крамера, ни того, что ему нужно, и, кажется, был немного раздражен всей этой историей.

Болен машинально что-то чертил в своем блокноте. Когда услышал о звонке к Рошеку, грифель карандаша сломался. Теперь придется самому попытаться встретиться со стариком, дабы тот не подумал, что от него что-то скрывают.

— Спасибо, что сумел его рассердить, — сказал Болен.
— Когда он счастлив, с ним довольно трудно иметь дело.

— Ну, извини меня за это, — засмеялся Джефферс. — А он тебе не звонил?

— Нет, но уверен, еще позвонит. А Крамер — это молодой инженер, которого мы только что наняли... Зеленый еще, прямо из колледжа. Сам-то я предпочитаю людей с небольшим опытом. Мы ему поручили одну исследовательскую работенку, проверить кое-какую гидротехническую чепуху в наших архивах. Вовсе не предполагали, что он примется названивать по всей стране. Бог знает на какие суммы позвонил! — Болен похихикал, создавая впечатление, что это дело выеденного яйца не стоит... — Но, просматривая кое-какие цифры, которые он подсобрал, я заметил, что уровень дренажа в галерее несколько завышен. Тебе самому-то этого не кажется?

— Ну, может быть. С прошлого года. Но он не так уж высок. Мы же собираемся весь этот год получать много воды, чтобы пропускать через турбины, если это то, что тебя беспокоит. Сама насыпь не просачивается.

— Думаю, плотина испытывает максимальное напряжение впервые за долгие годы. И можно узнать многое, что помогло бы нам в некоторых других проектах, над которыми работаем. Ларри, я хотел бы, чтобы ты оказал мне одну услугу: проведи визуальную проверку галереи. Лично.

— Господи, Герман, — застонал Джефферс, — да ты хоть знаешь, какая тягомотина спускаться туда, вниз? Двести ступенек! Это вроде того, как отшагать по лестнице с пятнадцатого этажа. И в любом случае Дункан ведь был там внизу в прошлую пятницу и...

— Я не сомневаюсь, что Дункан замечательный инспектор, но он не обладает твоим богатым опытом. Сходи туда сам, Ларри, и доложи мне. Я не имею в виду письменный доклад. Просто позвони и опиши, что там

увидел. Можешь также записать показания измерительной аппаратуры, пока ты там будешь, чтобы удостовериться, что Дункан добросовестен.

— Имеешь в виду сегодня вечером? Да меня сегодня вымотали три китайских инженера с каким-то парнем из Госдепартамента. Им, видите ли, надо было забираться на все эти проклятые штуки. Я совсем выдохся.

— Да, боюсь, что имею в виду сегодняшней вечер. Если внизу конструкции произошли изменения, выяснением причин этого следует заняться немедленно. Если наш юный Крамер каким-то чудесным образом наткнулся на нечто особенное, мы вовсе не хотим, чтобы он потом ходил повсюду и говорил: «А я ведь об этом предупреждал».

Джефферс вздохнул.

— Проверю попозже. Сначала что-нибудь перекушу и прочитаю газету. Я позвоню завтра, если увижу что-нибудь необычное.

— Позвони в любом случае. Мне нужно непосредственное подтверждение.

— Ладно, босс, как скажешь. Привет жене.

Глава 4

Барри Клампетт представился Рошеку и извинился, что так поздно послал приглашение и назначил встречу на поздний час.

— Когда президент узнал, что вы в городе на съезде инженеров-строителей, — сказал Клампетт, — он пожелал связаться с вами и встретиться. Прежде всего позвольте передать его сожаления о том, что он сам не смог быть здесь. Мне поручено поговорить с вами от его имени.

— Когда президент США кого-либо приглашает, — ответил Рошек, устраиваясь в кресле и прислоняя свои костыли к столу, — приглашенный не думает, удобен для него назначенный час или нет.

— Вы были бы удивлены, узнав, сколько людей того же мнения, — сказал Клампетт и закурил сигарету.

Было девять часов вечера, и небо уже потемнело. Сквозь окна Рошеку были видны огни в окнах других правительственных зданий. Бюрократия федеральных служб либо работала допоздна, либо, уходя домой, забывала выключить свет. Сквозь листву деревьев можно было разглядеть монумент Вашингтона, поблескивающий под лучами прожекторов. Рошек присмотрелся к своему визави. Вежливый. Ловкий. Немигающий, пристальный взгляд, чему, по всей вероятности, обучил его какой-нибудь психолог-консультант. Безобидный и угрожающий одновременно. Однако по человеческой сути жидковатый. Мужчина этого типа не может углядеть разницы между тем, что он чувствует по поводу какой-либо проблемы, и тем, каких чувств от него ожидают.

— А что же происходит? — спросил Рошек. — Я знаю, вы проверяете меня через органы безопасности. Как рассказывают друзья и соседи, их опрашивают агенты ФБР, парни, которые, вероятно, могут легко прикончить человека кухонным ножом.

Клампетт и сам соответствовал такой характеристике.

— Надеюсь, — сказал он, — они не слишком назойливы.

— Мне просто интересно, необходимо ли это. Моя фирма много лет проектирует массу объектов для армии. В соответствующих документах должны быть результаты всех видов проверок моей благонадежности.

— Кроме одной. Проверки, требуемой для того, кто может оказаться на глазах у общественности.

Глаза общественности? До Рошека доходили слухи, что его кандидатура рассматривается для какого-то назначения, но он отмахивался от них как от вздора. А Клампетт уже раскрыл какую-то папку на своем письменном столе.

— То, что нам нужно знать, мало связано с вопросами национальной безопасности или патриотизма. Это связано с

качествами... с качествами личностного свойства. Которые могут беспокоить администрацию, если их раскопает оппозиция. — Он достал из папки листок и начал вслух изучать его. — «Теодор Ричард Рошек. Родился двадцать второго мая одна тысяча девятьсот девятнадцатого года. В одна тысяча девятьсот тридцать девятом году окончил с отличием Массачусетский технологический институт. Работал в бюро рекламаций по проектированию и сооружению плотин в Шасте и в Форт-Пеке. Во время второй мировой войны служил в инженерных войсках, отмечен командованием. С одна тысяча девятьсот сорок шестого года женат на Стелле Робинсон. Детей нет. В одна тысяча девятьсот сорок седьмом году основал собственную проектно-консультационную фирму, в настоящий момент, по данным «Новостей инженерного дела», фирма оценивается как двенадцатая из самых крупных в стране. Из-за неправильно поставленного диагноза в результате полиомиелита с одна тысяча девятьсот пятьдесят третьего года ногами владеет лишь частично».

— Надеюсь, вам не слишком дорого обошлись эти сведения? Их большую часть можно извлечь из «Кто есть кто в мире инженерии».

Клампетт слегка улыбнулся, потом спросил:

— У вас есть личный банковский счет на сумму более тысячи долларов в какой-нибудь зарубежной стране?

— Хотелось бы иметь такой.

— Вы когда-нибудь получали заем от лица или компании, связанных с организованной преступностью, или одалживали им?

— Разумеется, нет! К чему вы клоните?

Клампетт стряхнул пепел с сигареты и зафиксировал пристальный взгляд на сидящем напротив мужчине.

— Президент изучает целесообразность создания министерства технологии. Это потребует принципиальной реорганизации. Бюро рекламации, гражданские функции

служб инженерного дела, транспорта, окружающей среды, энергетических мощностей и так далее. Дюжина самых разных научных и промышленных исследовательских и изыскательских программ. Все это будет помещено, так сказать, под один зонтик. Та система, по которой сейчас распределяются федеральные ассигнования между этими конкурирующими пользователями, хаотична, и не мне объяснять вам это. В основе концепции такого нового подхода установление приоритетов, основывающееся больше на разуме, чем на политике. Эта концепция, как верит президент, должна понравиться избирателям. А ее жизнеспособность будет в значительной мере зависеть от человека, на которого мы хотим возложить ответственность за все это. Вы, мистер Рошек, один из немногих инженеров и ученых, кандидатуры которых рассматриваются. А титул будет таким: министр по вопросам техники.

Рошек выслушал с возрастающим удивлением. Пост в кабинете! Он никогда всерьез не думал об этом. Главный инженер в бюро рекламации — вот что, как он думал, ему собирались предложить. Голос слегка дрогнул, когда он попытался ответить:

— Я... Я польщен, конечно... Это полная неожиданность для меня. Мне делает честь, что сам президент...

— Пока что это предложение на стадии пробного шара. Надо будет побеседовать и с другими кандидатами.

Мысли Рошека неслись стремительно. Будучи ответственным за федеральные субсидии и ассигнования науке и технике, за техническую политику и приоритеты, он получил бы огромную власть. И страна впредь на долгие годы стала бы полигоном для идей и суждений...

— Вашу корпорацию, — продолжил между тем Клампетт, — придется передать на определенный срок партнерам, сохранив пай на будущее, чтобы избежать явного столкновения интересов.

— Прошу прощения? О да, конечно.

Временами Болен шокировал Рошека как человек, всегда финиширующий вторым. А Бенедитц — любитель денег, с кругозором бухгалтера, этаким умелец тасовать бумаги. Но обоим, разом, вероятно, можно на некоторое время поручить руководство, не нанеся фирме невосполнимого ущерба.

— Ваши инженерные качества превосходны, — ровным голосом продолжил Клампетт. — Вы пользуетесь репутацией человека с воображением на стадии замысла и консервативного на стадии исполнения. Ваши проекты, по нашим источникам, отличаются равно как мощью, так и эстетикой. Такое можно продать.

— Продать?

— Избирателям, Конгрессу. Средства массовой информации создадут ваш общественный имидж эдакого опытного решительного мужчины с твердым характером и цельной натурой. А теперь, раз уж я встретился с вами, должен сказать, что вы можете служить неким образцом высокой нравственности, в чем, возможно, — в этом месте он позволил себе еще раз слегка улыбнуться, — даже газета «Вашингтон пост» вряд ли осмелится усомниться. Видите ли, мистер Рошек, в делах, подобных этим, имидж важен как воздух, если удастся пройти сенатские слушания по вашему утверждению. Многие котируются так же, как и вы. Мы выберем того, кого сможем наиболее легко запродать как идеальную кандидатуру.

Слушая Клампетта, Рошек обдумывал финансовые дела. Перевести свой пай в фирме на временную доверительную собственность, космическая операция, которая ему ничего не будет стоить. Иностранные правительства с готовностью пожелают иметь дело с фирмой, фактический глава которой один из ключевых членов правительства. А когда срок его полномочий истечет, влияние, которого он достигнет, обеспечит доступ к бесчисленным военным заказам. И примерно за пять лет фирма «Рошек, Болен и Бенедитц»

встанет вровень с крупнейшими консультационными фирмами мира, такими как «Бечтел», «Флуор», «Парсонс»...

— Во избежание недоразумений, — сказал Клампетт, — скажу, что мы ставим на вас как на убеленную сединами знаменитость, обладающую дальновидностью и силой воли, что позволяет возглавить новое крупное подразделение правительства. А затем, года через два-три, вы по личным причинам уйдете в отставку, мы пригласим значительно более молодого, представив его как умеющего смотреть вперед, динамичного и полного свежих идей. На выборах тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года этот новый будет застрахован от критики, поскольку еще не даст подходящего повода. Понимаете? Чтобы упредить возможные атаки, требуется режиссура. Вы играете в карты, мистер Рошек? В Лас-Вегасе, а?

— Как-то раз по случаю играл в покер с приятелями. С небольшими ставками.

— Вы когда-нибудь бывали пьяным?

— Со времени победы над Японией — нет.

— Проституток не навещаете?

— Да Господь с вами...

— Существуют области, в которых наша великая пресса начнет копать, как только обнародуем ваше имя. Хочу внести ясность еще в одно. У нас нет никакого морального права интересоваться вашими тайными пороками, но только пока они остаются тайными.

Рошек сжал губы, удивленный, что ему задают подобные вопросы. Он даже ощутил внезапное желание сказать этому человеку, этому Клампетту, чтобы он все это дело, а заодно и президента, засунул себе в задницу.

— Как-то раз на втором или третьем курсе колледжа, единожды за всю жизнь, я имел дело со шлюхой, — сказал он после некоторого раздумья. — Это была самая неудачная трата баксов.

— А ваш брак прочен?

— Прочен ли мой брак! Не смешите! Сколько я женат на Стелле? Сто пятьдесят лет, а?

— Тридцать пять.

— Стелла — прекрасная жена для члена кабинета. Она с радостью проведет несколько лет в качестве вашингтонской домохозяйки.

Они не были близки уже года четыре, но Рошек не считал, что это могло бы хоть сколько-нибудь беспокоить Клампетта.

— Вы когда-либо ударили кого-нибудь в гневе?

— Нет, хотя многие заслуживали этого.

Клампетт закрыл папку и оттолкнул ее в сторону.

— Есть ли еще что-нибудь, о чем нам следовало бы знать? Такое, что может быть использовано против нас... и против вас? Подумайте хорошенько. В нашей стране немало любителей покопаться в грязном белье, и они никогда не дремлют.

— Да так ли это? У меня всегда было такое ощущение, что они слишком уж много дремлют. Давайте-ка подумаем... Нет, полагаю, мы охватили все.

Об Элеоноре так и не было упомянуто. Несомненно, эти любопытные дикари уже что-то пронюхали, но он не собирается добровольно называть ее имя, если сами они этого не сделают. А Клампетт побарабанил пальцами по столу, как бы ожидая признания. Он усилил свой недрогнувший взгляд, и Рошек ответил таким же пристальным взглядом.

— В последние годы, — сказал Клампетт, — вы встречаетесь, ну совсем немного, с мисс Элеонорой Джеймс из Сан-Франциско.

— Это вас не касается.

— Касается, если хотите, чтобы ваше имя осталось в списке кандидатов на один из наиболее важных постов в федеральном правительстве.

— Господи, что такое с вами, Клампетт? Вы что, просто дурака валяете?

Клампетт еще раз слегка улыбнулся.

— Мне нравится ваш настрой. Ваша воинственность. Один из ваших коллег по бизнесу, — Клампетт жестом показал на папку, — описывает вас как «старого упрямого ястреба». Президент считает, что это как раз тот человеческий тип, который нам нужен.

— Это скорее всего отзыв Стива Бечтела. Он и в лицо говорил мне это. Хорошо, расскажу об Элеоноре Джеймс. В последние пять или десять лет у меня, возможно потому, что сам не могу подняться с места, не шмякнувшись лицом об пол, появился некоторый интерес к балету. Я пожертвовал некоторую сумму сан-францисскому балету, знаю их танцовщиков и труппу. По-моему, это одна из лучших трупп такого рода в мире. А Элеонора Джеймс, балерина, хочет открыть собственную студию в округе Марин, но нуждается в спонсоре. Я встретился с ней несколько раз, чтобы обсудить возможность предоставить ей кредит. Вот и вся история.

— Понимаю. Эти встречи происходили в таких ресторанах Сан-Франциско, как «Голубая лиса», «Сан-Тропез» и «Ля Бурбон». За ними следовали дальнейшие, несомненно технического характера, обсуждения в ее квартире, и они порой затягивались до рассвета.

— Ваш французский не мешало бы улучшить. Послушайте, эта девушка — самое удивительное, что когда-либо случилось со мной. И я от нее не откажусь.

— Мы и не предполагаем полного воздержания, нужна всего лишь осторожность. Вам шестьдесят два года, ей тридцать два. Общедоступные рестораны вряд ли можно считать подходящим местом деловых встреч женатого мужчины, кандидата на высокую правительственную должность, с привлекательной незамужней женщиной, которая на тридцать лет моложе. Вы не согласны? Ну

хорошо, этого достаточно. — Клампетт встал и протянул Рошеку руку. — Я могу сообщить президенту, что вы примете назначение, если оно будет предложено, да? Отлично. Вы вскоре получите от нас сообщение.

Глава 5

Изогнутая, длиной километров тридцать долина, которую река Сьерра-Кэньен пробилла через предгорья к северо-востоку от Сакраменто, почти на всем протяжении слишком узка, чтобы стать чем-то большим, чем местной дорогой с неплотной вереницей домиков и коттеджей.

В двадцати километрах от устья ущелья долина расширяется настолько, что смогла вместить обсаженные деревьями улицы Саттертона. Этот городок, названный в честь Джона Саттера, владельца лесопилки, до постройки плотины был довольно старой деревенькой с менее чем тысячью жителей. В тысяча восемьсот сорок восьмом году она была средоточием «золотой лихорадки». Процветанию и развитию Саттертона способствовал прилив удачливых золотоискателей, шахтеров, лесорубов, строителей железных дорог и искателей наживы. Однако к тридцатым годам текущего столетия городок деградировал настолько, что стал не больше чем отправным пунктом рыболовов и охотников.

В архитектурном отношении городок мало чем интересен. Водосточная труба католической церкви украшена эффектным рыльцем в виде фантастической фигуры, здание ратуши завершает фантастическая башенка, курьезный образец плотницкой готики, а повешенный в ней треснувший колокол был доставлен морем, обогнув мыс Горн, из какой-то бельгийской литейни, но теперь он бездействует. Три здания, построенные до тысяча восемьсот семидесятого года, Историческое общество штата Калифорния признало ценными историческими памятниками, а это означает, что владельцев, попытавшихся

их надстроить, могут буквально изничтожить. То, что теперь именуется баром «Каменный фургончик», начиналось как бордель, где, согласно широко распространенной местной легенде, почти наверняка фальшивой, Марк Твен и Брет Гарт как-то раз выбили друг другу зубы.

В шестидесятых годах на городок нахлынула новая волна оккупантов — геологов, топографов, почвоведов, гидрографов и гражданских инженеров, подыскивающих наилучшее место для строительства плотины рекордных размеров. А вслед за ними, как только вступило в действие соответствующее законодательство и были отбиты иски в судах, явились и представители различных министерств и государственных служб, от инженерных до спортивных, а также тридцати семи местных, окружных, региональных, федеральных и прочих агентств, которые претендовали на заинтересованность в каких-либо частях проекта или требовали их юридического обоснования.

Разработку технических условий и проектирование, а также надзор за строительством владельцы проекта, объединение округов водопользования, поручили своему техническому консультанту, фирме «Рошек, Болен и Бенедитц». За год до того, как проект плотины был завершен и воплощение его окончательно разрешено, фирма «Рошек, Болен и Бенедитц» заключила два предварительных контракта, которые следовало бы реализовать раньше, если бы проекты завершили вовремя: пробивка отводного туннеля, чтобы отвести реку от строительной площадки, а также рытье подземной пещеры, где предстояло разместить электростанцию.

Обводной туннель диаметром четыре с половиной метра углублялся в горы на уровне реки и выходил на поверхность на расстоянии 1200 метров ниже по течению. Высококвалифицированные рабочие, специалисты бурения, взрывных работ и выемки породы, начали встречную пробивку туннеля с обоих концов. На время работ реку

отвели временной земляной перемычкой. Пуск воды в законченный туннель стал широко разрекламированным событием, которое наблюдали сотни людей с возвышенных мест и тысячи по телеэкрану Сакраменто. Трудовой подвиг был завершён в сентябре, когда расход воды в реке достиг двухсот кубических метров в секунду, или десятой доли обычного для ежегодных весенних разливов. По сигналу людей с флажками караван из тридцати грузовиков и бульдозеров сваливал раз за разом скальный грунт в реку, сближая берега, пока вход в туннель не был перекрыт. Вода в реке стремительно поднималась. Когда она, размыв до основания перемычку, хлынула через прорыв в туннель, ущелье огласилось восторженными криками. Они повторились, как только вода полилась из выходного отверстия ниже по течению.

Через год после подписания контракта на строительство плотины стоимостью 200 миллионов долларов население Саттертона удвоилось, а на второй год удвоилось снова. Новоселами стали специалисты по управлению мощной техникой, текущему ремонту, получению и укладке бетона, монтажу стальных конструкций и землеройным работам. Эти люди были частью общегосударственного мужского братства, высокая квалификация и характер бросали их с одной крупной стройки на другую, а их дети привыкли быть новичками во внезапно переполняющихся школах маленьких городков.

Когда реку отвели, скреперы, экскаваторы, большегрузные автомобили и бульдозеры срезали верхний слой грунта вдоль всей оси будущей плотины от одного края ущелья до другого. Чтобы обнажить скальную породу, потребовалось вырыть котлован длиной в шесть километров и шириной в сто пятьдесят метров, глубиной сорок пять метров. Трещины в основании скалы заделали, закачав под давлением жидкий раствор через просверленные в ней скважины глубиной до тридцати метров. Вдоль дна траншеи

соорудили бетонный защитный блок высотой двадцать пять и шириной сорок пять метров, внутри которого были размещены дренажный и смотровой туннели, куда спускались по лестницам из подземного турбинного зала.

Когда базовые работы были завершены, плотина начала быстро расти. Пятьдесят скреперов и грузовиков двадцать часов в сутки совершали челночные ездки между строительной площадкой и близлежащими каменоломнями и карьерами. Посреди плотины засыпали водонепроницаемую глину, а по бокам ее, в строго намеченные зоны, — скально-земляной грунт. Бульдозеры и грейдеры разравнивали его слоями толщиной тридцать сантиметров, а затем катки послойно утрамбовывали.

В течение почти четырех лет жителей Саттертона сотрясали взрывы и трясла вибрация почвы из-за проходящих грузовиков, окутывала пыль. Но мало кто жаловался. Плотина позволила обозначить городок на карте, и в него все прибывали и прибывали люди с деньгами, разве что не сыпавшимися из карманов. Новые бензоколонки, автостоянки, конторы по продаже недвижимости, магазинчики сувениров и автопарки для трейлеров вырастали словно сорняки. Шоссе к югу от городка постепенно обрастало столовыми и закусочными всех известных видов, а еще одно, «Гамбургеры Дороти», было местным изобретением.

Популярным занятием стало наблюдать за строительными работами с возвышающихся склонов гор, на одном из них даже соорудили трибуны под открытым небом и туалеты на химикатах, развесили громкоговорители. Ежечасно по местному радио сообщали, независимо от наличия слушателей, что в тело плотины требуется засыпать около семидесяти миллионов кубических метров различного материала, этого достало бы на тридцать с лишним пирамид Хеопса или на две полные миски овсянки для каждого обитателя земного шара.

— Хотя плотина в ущелье Сьерра и не цельнобетонная, — выразительно вещал дикторский голос, — потребовалось немало бетона для сооружения защитного блока, фундамента турбинного зала, водослива, насыпных и насыпных работ, а также для прокладки шоссе по гребню плотины. Всего 765 тысяч кубических метров. Этого хватило бы, чтобы проложить тротуар от Сан-Франциско до Нью-Йорка и обратно, причем еще осталось бы достаточно бетона, чтобы продолжить его до окрестностей Милпитаса. Зеркало водохранилища, которое образуется позади плотины, при максимальном заполнении займет площадь, на которой разместились бы 18 775 футбольных полей.

Похожее на дымоход сооружение, которое строится у вас на глазах, расположенное выше по течению, поднимется до верхнего бьефа, достигнет 257,5 метра и будет на шесть метров возвышаться над поверхностью водохранилища. Это заборно-вентиляционный канал, который помимо основных функций будет служить для экстренного входа и выхода персонала электростанции. Внутри будет помещен массивный вертикальный трубопровод к турбинам электростанции. Трубопровод оснащен дистанционно управляемыми затворами водозабора на десяти уровнях, по которому вода поступит к турбинам электростанции.

Объединение округов водопользования надеется, что визит к нам доставил вам удовольствие. Не бросайте мусор через ограждения. Не оставляйте без надзора детей и домашних животных. Мы повторим передачу через пятьдесят пять минут или после очередного выпуска новостей.

Полицейским внешнего надзора, сидевшим на трибунах, которые вполне добросовестно относились к своим обязанностям, был хорошо знаком некий голубой пикап. В нем ездил главный проектировщик дамбы, постоянно находящийся при стройке инженер проекта Теодор Рошек, который взвалил на себя обязанность проверять точность

выполнения подрядчиком всех пунктов технических условий. Строительные бригады знали, что бесполезно пытаться срезать даже самый маленький уголок, потому что Рошек замашет костылями, покраснеет и пригрозит остановкой работы. Какая-то крохотная ошибка уже погребена под быстро растущей насыпью дамбы? Раскопай же это место. Плохой бетон? Раздолбайте его и залейте снова! Рошек постоянно передвигался либо в своем пикапе, либо на ногах, хотя ему было трудно ходить по неровному грунту. Три дня в неделю он проводил в Лос-Анджелесе, занимаясь делами своей проектно-консультационной фирмы, а остальные четыре дня отдавал плотине. Все 1760 человек, занятых реализацией проекта, были единодушны в мнении, что за эти четыре дня Рошек успевал вымотать им душу.

Когда плотина была завершена, перед ратушей установили трибуну, задрапированную материей для флагов, и провели церемонию открытия, гвоздем которой стали ораторские излияния, шесть массовых студенческих оркестров, зажаренные на вертеле цыплята, немецкий картофельный салат и фруктовое мороженое на палочке. Несколько ораторов упомянули Рошека. Управляющий делами подрядчика сказал, что инженер был прямо-таки блохоискателем и мелочным педантом, не давал подрядчику хоть в чем-нибудь усомниться и что из-за отказа обсуждать даже мелочи строительная фирма за время этой работы потеряла четыре миллиона долларов. Аудитория хохотала. Подрядчики всегда уверяют, что потерпели убыток, даже те, которые ездят в своих «кадиллаках» к собственным частным самолетам. Смех сменился аплодисментами, когда оратор добавил, что в результате действий «этого подлого сукина сына» возведена самая надежная плотина за всю историю человечества.

Мэр Саттертона, тучный, чрезмерно вспотевший мужчина с пронзительным голосом, владелец самого крупного магазина скобяных изделий на восемьдесят

километров в округе, прочитал речь, написанную его женой, некогда изучавшей журналистику. Прежде чем описать, как Саттертон бодро двинется вперед по стезе экономического процветания, мэр поблагодарил великого инженера за его титанические усилия:

— Теодор Рошек оставил за собой больше, чем плотину, которая по праву знаменита. Он явил собой образец самоотверженности и личной порядочности. Но и это, друзья мои, не все. Те из вас, кому посчастливилось узнать его так, как знаю я, наверняка осведомлены, что он передвигается на том, что мой дедушка обычно называл «хлипкие ноги». Труды прошедших четырех лет не пошли этим ногам на пользу. По сути дела, как он мне сказал сегодня утром за завтраком, они стали, черт их подери, много хуже, чем были, когда он появился среди нас. Прошу извинить мой французский акцент. И теперь, быть может, вы сумеете понять, что же он оставляет за собой. В эту грандиозную плотину, что высится позади меня, олицетворяя собой одно из высших достижений цивилизации, вложены не только лучшие годы жизни Теодора Рошека, не просто сущность его дерзновенного и неиссякаемого гения, но и значительная часть его здоровья.

Глава 6

Судя по тому, как Лоуренс Джефферс за работой насвистывал и разговаривал сам с собой, он был в прекрасном настроении. Глава ремонтной службы плотины в ущелье Сьерра занимал должность, которая его вполне устраивала. Не нужно было сиднем сидеть в каком-нибудь кабинете, где его личные привычки могли бы свести других с ума. Основную часть времени он был совершенно один, посвистывая и разговаривая с электроприборами и безропотными деревьями. Он любил эти мирные холмы сельской местности, любил удить рыбу на водохранилище,

позади плотины, прямо из собственноручно сооруженного плавающего домика и, конечно же, любил и саму плотину. Его судно-домик именовалось «Красавица блондинка». Именно так он называл свою единственную дочь Джулию. Недели через две он встретится с ее матерью, которую не видел два года, со дня развода, и полюбуется, как их очаровательная девочка отметит окончание колледжа. Эта церемония наверняка заставит его прослезиться. Ему было неприятно видеть плачущего взрослого мужчину, в особенности себя самого, однако в последнее время глаза начинали слезиться, хотел он этого или нет.

Шел уже одиннадцатый час вечера, когда Джефферс осторожно ввел свой автомобиль в туннель у подножия плотины, ведущий на электростанцию. Фонари, подвешенные к опорам линии связи на каждой из сторон, подчеркивали постоянный изгиб дороги влево по мере спуска в предгорье. Джефферс едва ли не через каждые несколько секунд сигналил на случай, если какая-либо машина движется вверх по склону, но было похоже, что в этот час там остались только дежурный инженер в диспетчерской и, возможно, еще и техник. Он их поприветствует на обратном пути, но вначале нужно разделаться с этой проклятой проверкой галереи D.

В ста метрах от входа туннель выводил прямо на электростанцию ущелья Сьерра, находившуюся в выдолбленной в прочной скале пещере, которая, если верить раздававшейся туристам памятке, была такой огромной, что в ней могло бы поместиться даже здание законодательного конгресса штата. Джефферс не стал подъезжать к силовой установке, предпочел направить машину вниз по крутому скату, который вел к нижнему этажу. Ему предстояло долго идти пешком, вот он и хотел подобраться к дренажным галереям как можно ближе. На самом дне фары осветили шесть массивных турбин, каждая из них выдерживала нагрузку в 85 кубических метров воды в секунду. В центре

каждой из турбин находился постоянно вращающийся стальной вал диаметром 90 сантиметров, соединенный с генератором, расположенным этажом ниже. Каждый генератор вырабатывал по 140 тысяч киловатт, и все вместе они были способны удовлетворить максимальные потребности города с населением более миллиона человек. В сознании Джефферса мигом возникли технические параметры, о которых в течение многих лет он вещал приезжим, начиная от сенаторов и кончая выгруженными из автобуса малолетками школьниками.

Пока он медленно переезжал через стальной настил над плотиной, сквозь шум машины пробивался приглушенный гул от потоков воды, вращающей лопасти турбин и устремляющейся через выводной туннель в реку, уже позади плотины. Слышалось и жужжание электротехники, а гигантские роторы были отбалансированы так совершенно, что ни малейшей вибрации не чувствовалось.

Джефферс припарковался в конце турбинного зала позади шестой турбины, напялил забрызганную грязью каску, поднялся по стальным ступеням и оттянул на себя стальную дверь с надписью «Опасно, вход воспрещен». Внутри за дверью находилась полка с фонарями. Он взял один, проверил, работает ли, и двинулся по туннелю диаметром 2,5 метра, который, казалось, вел в бесконечность. Света лампочек мощностью 60 ватт, подвешенных наверху с интервалом шесть метров, возможно, и достало бы юноше, обходящемуся без очков, но отнюдь не Джефферсу. Он не выключал фонаря, и его луч приплясывал впереди него. Слава Богу, что догадался надеть сапоги, подумал Джефферс. Там повсюду была вода. Она сочилась сквозь волосяные трещины в бетонной облицовке туннеля, ниспадала туманной пеленой из строительных швов, свободно бежала из дренажных скважин, прорубленных в бетоне, дабы компенсировать давление, стремящееся опрокинуть сооружение. Сточные желоба вдоль

дорожки были полны воды, быстро бежавшей к следующему резервуару-улавливателю, откуда насосы поднимали ее в сеть дренажных труб, по которым она сбрасывалась ниже плотины. Джефферс поплотнее запахнул куртку и застегнул две верхние пуговицы; спертый воздух был холоден и сыр.

Вскоре он так далеко отошел от электростанции, что уже не слышал гудения электрогенераторов. Единственными звуками были мягкие шлепки капель и журчание просачивающейся воды да его собственные шаги. То и дело он останавливался и направлял луч фонаря на циферблат очередного прибора или вниз, в боковой коридор. Эти коридоры превращали дренажные галереи в своеобразный лабиринт, где в случае отключения тока человеку, не запасшемуся фонарем, пришлось бы здорово стухнуть, выбираясь наружу. Как-то раз это произошло с Чаком Дунканом, который целых два кошмарных часа во мраке на ощупь разыскивал дорогу.

Джефферс не думал о массе воды над своей головой, о водохранилище, которое постоянно выискивало слабые точки в перегородившей ущелье плотине и пыталось пробиться сквозь нее, вокруг нее и под ней. Оно неустанно билось о плотину, стремясь с чудовищной силой столкнуть ее вниз по течению, сокрушить, расколоть на части. Не тревожила его и вода, проникавшая в туннель со всех сторон. Все плотины протекают, и плотина в ущелье Сьерра была немного более влажной, чем другие сопоставимого размера. Просачивающаяся вода не представляла никакой угрозы... если только ее поток внезапно не увеличивался, она не становилась загрязненной или не текла под давлением. Это была лишь помеха, излишки воды следовало откачать или отвести по дренажной системе. Но это было и экономическим убытком: воду, вытекавшую из водохранилища, уже нельзя было пропустить через турбину для получения электроэнергии.

В те минуты Джефферс думал о статье в сакраментской «Би», которую прочитал за обедом. Она касалась электромобилей. Ох, до чего же читатели обожали эту идею! Или она очаровала только газетчиков? «Мчаться» на электромобиле всего-навсего со скоростью шестьдесят пять километров в час, а потом, проехав только сто шестьдесят километров, подключать его на двенадцать часов для подзарядки. А сам ты тем временем будешь сидеть на обочине и читать книжку! Все так, соглашаются сторонники этой идеи, но ведь электромобиль не загрязняет атмосферы. Черта с два, не загрязняет! Для подзарядки электромобилей должен функционировать генераторный завод, сжигающий эту замечательную арабскую нефть. То, что вы делаете с этими электромобилями, всего-навсего переброска загрязнителей из выхлопных труб в дымовые трубы. И со временем израсходуете целый ночной горшок электроэнергии, волоча повсюду за собой эти проклятые тяжелые батареи. Господи, до чего же глупы бывают люди!

Туннель резко изогнулся вниз. Джефферс стоял на верху длинного лестничного марша, освещая его своим фонарем. Двести ступенек без единой площадки, чтобы прервать эту монотонность, ступенек, заканчивающихся далекой-далекой точкой внизу. Да еще эти огни над головой и серые стены туннеля.

— Ну, давай же, иди, — прошептал он, начиная спуск, — тебе не мешает подразмяться.

«На Калифорнию надвигается страшный энергетический кризис, — сказал Джефферс самому себе, представив себя перед микрофоном, — но с другой стороны, ведь со времени пика не прошло еще и десяти лет. Час пробил! Штату нужны атомные электростанции, другого пути нет. Но наш полоумный губернатор нежно влюблен в солнечную энергию. Солнечная энергия! Господи Иисусе! Она годится, чтобы подогреть воду в нескольких плавательных бассейнах. Но что действительно необходимо Калифорнии —

электроэнергия! Много электроэнергии! АЭС — это единственный реальный путь, и к черту эту Джейн Фонду!

Ведь и президент США — сам президент США! — хочет иметь больше АЭС, а вот какая-то сопливая богатенькая сучка–аристократочка не желает иметь вообще ни одной. И что же происходит? Никаких АЭС! Мир становится с ног на голову, а общественность оплачивает это».

Он остановился и внимательно осмотрел стены туннеля, испещренные полосами там, где протечки оставили отложения солей. На коробке с пробками вырос ржавый нарост высотой сантиметров десять. Джефферс повернулся и пошел дальше вниз. Появилась и стала нарастать боль в ногах. Предстоящее карабканье обратно вверх грозило гибелью.

— Гидроэлектрическая энергия самая лучшая из всех, и не надо быть гением, чтобы понять это. — Он произнес это вслух, чтобы рассеять чувство изоляции. В его голове кружилось море лиц из торговой палаты и клуба «Ротари», и все головы согласно кивали. — Она дешевая и чистая, она ничего не истощает и позволяет контролировать ее потребление, равно как и расход воды для ирригации и отстоя плотин. Почему бы со временем не построить в этом месте сотню плотин? А я скажу почему, друзья мои, братья американцы. Потому что этот проклятый клуб Сьерры, и эти проклятые «Друзья земли», и этот проклятый Фонд охраны окружающей среды не хотят, чтобы мы это сделали, вот почему! Не заливайте долину, скажут они, обливаясь слезами, огромными, как конский помет. А сами тем временем будут строить дачки вдоль реки. Да почему же нет? Если мы не станем заполнять водой долину, то природа сама будет делать это каждый год. Не портите диких рек, на которые эти элитарные снобы могут в один прекрасный день пожелать взглянуть и написать о них какой-нибудь стишок! А ведь я, друзья мои, люблю дикие реки. В самом деле люблю! Но и электричество люблю тоже. А вот арабов

ненавижу. Посмотрите на этих речных улиток, на эту вымирающую природу, на эту бородавчатую лягушку с тремя пальцами на лапах и на разные другие сраные вещи, о которых никто никогда и слыхом не слыхивал, кроме разве какого-нибудь зубрилы из Гарварда. Так что же важнее, эти улитки и лягушки... или люди? Вот, дамы и господа, такой перед нами стоит выбор, который мы должны сделать.

Джефферс спустился донизу. Он посмотрел на свои сапоги и увидел, что они на пятнадцать сантиметров погружены в воду. Бог мой, да почему же Дункан не докладывал об этом? Должно быть, какой-то насос вышел из строя. В боковой камере было три электрических насоса, два из них не работали. Джефферс открыл металлическую дверцу стенной коробки электрощитка. Два автоматических выключателя отпали от цепи и отсекали ток. По всей вероятности, перегрелись, заключил он. Отщелкнул их обратно на место и услышал, как моторы снова загудели. Когда уровень водохранилища высокий, они должны работать круглосуточно. Может быть, следовало бы ввести в действие еще парочку. В любом случае галерея должна просохнуть через денек-другой... если только вода не поступает быстрее, чем он полагал. Он прошел по туннелю к скоплению аппаратуры в пятнадцати метрах.

Джефферс представил себя окруженным репортерами, которые, наклонив головы, быстро строчат в своих блокнотах, пока он говорит. Голос его был громким и жесты широки, что должно подчеркнуть суть высказываний.

— Возьмем, например, наше озеро Граф Уоррен. На каждый уик-энд люди приезжают в своих домиках на колесах, этих газопожирателях, на моторных катерах, словно уже и завтрашнего дня не будет. Откуда же, черт подери, по их мнению, берется топливо? По взмаху волшебной палочки, что ли? При отсутствии АЭС и ГЭС нам необходимо будет это топливо, чтобы выработать электроэнергию. Но у них ведь на бамперах наклейки, вроде «Больше никаких АЭС»

или «Нет плотине в Оубэрне»! Ну, а потом они расставляют палатки на алюминиевых шестах и извлекают из алюминиевой фольги сэндвичи с икрой. Они что же, не понимают, что алюминий подобен отвердевшему электричеству? Дамы и господа, представляющие прессу, чему, черт подери, учат в школе?

Он остановился перед рядами приборов с экранчиками, осветил их фонарем и принялся бегло записывать цифры в блокнот. Вода капала с потолка туннеля почти как дождь, и приходилось исхитряться, чтобы блокнот не промок насквозь. Джефферс заметил кусок фанеры, который Дункан, должно быть, запихнул за несколько труб, чтобы укрыть некоторые измерительные приборы и создать сухое местечко, где можно было бы стоять. Джефферс вынужден был признать, что воды туда текло чертовски много, и некоторые из показаний приборов были выше, чем когда-либо прежде, насколько он мог припомнить. Должно быть, открылись кое-какие новые трещины, так что, возможно, понадобится еще одна заливка жидким раствором.

Добрая треть измерительных приборов была неисправна, большинство из них еще пять лет назад стали жертвами землетрясения. Пластиковые трубы, которые вели к датчикам в насыпи дамбы, были тогда раздавлены или расколоты из-за усадки, другие измерительные приборы заржавели, были испорчены отложениями солей или же попросту изнашивались. Некоторые с самого начала никогда не действовали или же давали недостоверные показания. Что за напрасная трата денег этих проклятых налогоплательщиков! Джефферс улыбнулся, вспомнив о парне-несмышленье, звонившем из Лос-Анджелеса. Как же он разволновался, когда узнал, что система контроля уже не была столь точной и чистой, как в момент окончания строительства плотины. Как будто несколько испортившихся измерительных приборов могут что-то означать! Этот парень вел себя так, словно наткнулся на нечто важное! В былые времена,

подумал Джефферс, нам не нужны были бы все эти пьезометры, датчики напряжения, камеры проверки давления и вообще все это остальное дерьмо. Зато плотины, которые мы тогда строили, до сих пор стоят по всей стране, подобно многочисленным Гибралтарским скалам. Ты уж извини, сынок, только плотина в ущелье Сьерра никуда не собирается сдвигаться.

Впрочем, мокро там было, это уж точно, Дункан должен был сообщить об этом. Беда в том, что Дункан работает слишком уж формально, запишет цифры — и все, а что они означают, его не интересует. Если бы полную рыболовов лодку каким-то образом засосало в один из туннелей, Дункан, по всей вероятности, проигнорировал бы ее, поскольку в бланке отчета соответствующей графы не было. Ужасно мокро. Становилось уже просто интересно взглянуть, какова ситуация в самом конце галереи D. Если она там так же плоха, как и здесь, придется сообщить Болену, что следует предпринять какие-то корректирующие меры. Он попытался открыть дверь галереи D, но ручка не поворачивалась.

— Ральф Надер¹, — объявил он темноте. — О мой Бог, не заставляй обращаться к нему. Этот ханжеский горшок с мочой в самом деле приводит меня в бешенство. — Джефферс вытер руки носовым платком. — О Святой Ральф! Всегда подыщет кого-нибудь другого вместо себя. Это бессмысленно. Как-то не по-человечески. Должна же у него быть своя точка зрения.

Джефферс вцепился в ручку обеими руками и нажал на нее. Сгорбившись и собрав все силы, он смог наконец медленно повернуть ручку вправо до упора.

---

¹ Надер Ральф (род. в 1934 г.) — известный американский общественный деятель, защитник интересов потребителей.

— Ты... можешь... быть... уверен, — говорил он, напрягаясь, — что старый добрый мистер Надер... подыскивает... что-то... для... первого... номера...

Внезапно стальная дверь с силой пушечного выстрела резко распахнулась, опрокинув Джефферса в неуклюжую позу навзничь. И в тот же миг тонны неистовой бурой воды обрушились на него, его волокно и швыряло все дальше и дальше, а он на ощупь отчаянно выискивал что-нибудь, за что можно было бы зацепиться. Колени, локти и голова стукались о дорожку и стены, а бушующий поток увлекал все дальше и дальше. Вода со все возрастающей скоростью скакнула на 60 метров вниз по туннелю, пока не ударилась о бетонные ступени. Возникшая при этом волна взлетела на пятнадцать метров вверх по скату, а потом схлынула вниз. Потерявший сознание Джефферс, находившийся на метр ниже поверхности воды, спазматически открыл рот и сделал вдох...

Километрах в тридцати от плотины, высоко в горах Сьерра-Невада, гораздо выше верхней границы леса, под ослепительным солнцем растаяла снежинка и превратилась в каплю воды. Она побежала вниз по склону, соединилась с миллионами других капель, образовав мерцающую пелену на необъятной поверхности гранитной плиты, а потом устремилась в струйку, пробившуюся между двумя камнями. Набирая силу, вбирая в себя сотни таких же крохотных струек, слабый ручеек превратился в ручей с быстринами и водопадами, текущий в верхнем лесу меж полевых цветов и зеленых лужаек. Разросшийся поток, вздувшись от весенних дождей и талых вод, обрушился вниз по горе, переливаясь через валуны и обтекая горные кряжи. Он нес и ту самую каплю воды, усилив своей энергией ручей Мидл-Рено. В его глади, подернутой рябью, отражались облака и сосны. А внизу, в гранитных порогах и в теснинах, ревела мощная река, пока ее ярость не утихала в глубокой зеленой воде одного из заливов озера Граф Уоррен.

Некогда самостоятельная капля воды, ставшая бесконечно малой частицей озера с береговой линией 320 километров, площадью поверхности восемь тысяч гектаров и объемом более четырех кубических километров, была почти незаметно увлечена к заборному устройству электростанции в ущелье Сьерра, находящейся в шестнадцати километрах. Капля порой опускалась до скального дна, порой поднималась так близко к поверхности, что винты моторных лодок подбрасывали ее к солнцу. А у, самой плотины ее затянуло в небольшой водоворот, правее затвора водозабора, и на глубине 180 метров она просочилась в откос насыпной части плотины выше по течению, под давлением массы воды проникла в земляно-скальное насыпное тело плотины и по ее водонепроницаемому глиняному ядру опустилась к скальному основанию, а затем через трещину толщиной с щепку, через извилистые ходы вдоль нижнего края бетонного защитного блока и волосяную трещину пробралась в дренажную галерею. На мгновение свесилась с потолка, упала на поверхность скопившейся там просочившейся воды, почти заполнившей туннель, а когда дверь распахнулась, рванулась вперед, и минутой позже эта водяная капля после трех недель непрерывного движения успокоилась наконец... в легких Лоуренса Джефферса.

Глава 7

Теодор Рошек достал из нагрудных карманов две сложенные газетные вырезки и щелчком включил верхний свет. Сотрудник, отвечающий за общественную информацию на съезде, давно передал их, но только теперь, когда лимузин из гаража Белого дома вез его обратно в гостиницу, нашлось время прочесть.

В обращении к съезду инженер призывает повысить уровень научного образования

(Специально для «Нью-Йорк таймс»)

Вашингтон, округ Колумбия. Делегаты национального съезда Американского общества гражданских инженеров услышали призыв коллег по стране добавить научных дисциплин в гуманитарные курсы.

Теодор Рошек из Лос-Анджелеса, президент одной из международных инженерных фирм, вступающий в должность президента технического общества, существующего 129 лет и насчитывающего 77 тысяч человек, являющихся членами этого общества, обратился с таким призывом на вступительном заседании съезда во вторник.

— Обычно считают, — сказал Рошек, — что инженеры и ученые получают чересчур узкое образование. Фактически же не они, а выпускники гуманитарных учебных заведений страдают от такой узости. Во многих университетах студентам-гуманитариям разрешается игнорировать научные дисциплины после первого года обучения. И вот мужчины и женщины, получив дипломы, считают себя образованными, имея весьма туманное представление о технологическом обществе, в котором им предстоит пребывать всю жизнь. Она даже не знают, как работают их кухонные комбайны, и еще меньше осведомлены об электричестве, водоснабжении, канализации и отопительных системах, от чего зависит повседневное существование. Спросите среднего выпускника гуманитарного вуза, как работает его автомобиль, и вы получите объяснение, достойное стать юмористической репризой.

Студенты, которым никогда не раскрывают хотя бы вкратце драматические стороны науки, борьбу мнений вокруг научных работ, возможности математики и доставляемое ею удовольствие, трагически обделены государственной системой образования. И в равной мере обделена вся нация.

Шестидесятидвухлетний Рошек также призвал слушателей играть более активную роль в политике всех уровней — местной, штата и общегосударственной, подчеркнув, что в огромное большинство политических решений входят и технические вопросы.

— Инженеры, — сказал Рошек, — больше не могут позволить себе быть только слугами общественности. Мы должны стремиться к лидерству. Если не сделаем шага вперед, чтобы помочь принимать решения, которые обеспечат величайшую технологическую мощь, которую когда-либо видел мир, тогда за нас это сделают менее квалифицированные люди, и они уже начали действовать. Наша нация слишком важна для свободы, демократии и мира, чтобы отдать ее полностью в руки юристов. Следуя основному принципу, делегаты провели ряд совещаний, посвященных техническим проблемам...

Вторая вырезка была редакционной статьей из утреннего выпуска вашингтонской «Стар»:

Устаревший Тип Человека

Чтобы пересечь комнату, Теодор Рошек пользуется костылями, а для передвижения на большее расстояние — инвалидным креслом. Но не торопитесь сострадать. К своим пораженным полиомиелитом ногам он относится просто как к «проклятой помехе», а вовсе не как к предлогу для того, чтобы «бездельничать и скрючившись покачиваться на террасе». Эта «проклятая помеха» не помешала созданию одной из крупнейших в мире инженерных фирм. Мосты, плотины и здания, на которых лежит отпечаток его деятельности, отмечаются как мощью, так и эстетичностью. Кажется, будто он стремится создать бессмертные сооружения, хотя о смерти его, должно быть, заставляет вспоминать каждое движение.

Открытый характер Рошека дает повод для возникновения группировок, малопонятных напыщенных речей и психопатической болтовни. Он объяснит вам, что верно и что неверно и как должно действовать для блага каждого. Это старомодный человек.

Ходят слухи, что кандидатура Рошека рассматривается для некоего правительственного назначения. На прошлой неделе Джек Андерсон предположил, что Теодор Рошек станет министром внутренних дел.

Мы надеемся, что у правительства хватит мудрости привлечь его. Если же это случится, он, мы надеемся, примет назначение.

Шофер лимузина отказался от предложенного Рошеком пятидолларового банкнота, но швейцар гостиницы принял его с довольной ухмылкой. В вестибюле его встретил готовый к услугам проворный красивый метрдотель с инвалидным креслом. Старый добрый Джек Андерсон опять ошибся, подумал Рошек, когда его закатывали в лифт. Глава не усталого и одряхлевшего министерства внутренних дел, но совершенно нового департамента, того, о котором Андерсон, по всей вероятности, еще не пронюхал. Рошек улыбнулся тривиальному образу мыслей автора редакционной статьи из «Стар». Байку о том, что он-де в своих проектах пытается компрометировать собственные физические недостатки, слышал и раньше. Люди, которые верят в это, попросту никогда не заглядывали в официальные документы. Если бы заглянули, уяснили бы, что он всегда ставил безопасность выше экономии, даже в молодости, когда его ноги были такими же сильными, как у любого другого. Эти наиновейшие попытки сэкономить несколько километров бетона и несколько тонн стали путем бесконечных «усовершенствований» проекта при помощи компьютеров, понизить параметры, давно установленные техникой безопасности, были не для него. Возможно, его сооружения и в самом деле обходились дорого. Возможно, они, честно говоря, спроектированы слишком уж тщательно, по более высоким стандартам, чем те, что превалируют в строительной практике. Ну и ладно, если вам нужны дешевая плотина, дешевый туннель, дешевый аэропорт — подыщите кого-нибудь другого. Вот потому-то ему и нравится иметь дело с арабами; у них есть деньги, чтобы строить надежно.

— Прибыли, сэр.

Рошек с усилием поднялся на ноги и попрочнее утвердился на костылях. Метрдотель раскрыл перед ним дверь и подал ключ от номера.

— Благодарю вас, — сказал Рошек, выуживая из кармана десятидолларовую бумажку. — Вот вам. Купите себе новый свисток для подзывания таксистов.

Рошек добрался до дальнего угла комнаты и уселся на постель, лицом к окнам. Если бы заглянул в соседнюю комнату своего номера-люкса, увидел бы полоску света под дверью в ванную комнату. Он проводил жену в аэропорт ранним вечером и полагал, что она давно уже на пути в Лос-Анджелес. Она собиралась остаться с ним в Вашингтоне до конца недели, однако утром с нехарактерной для нее внезапностью решила вернуться в Калифорнию ближайшим авиарейсом. Почему так, не объяснила, но Рошек заметил необычную встревоженность и замкнутость и высказал предположение, что она, должно быть, решила сделать то, о чем не раз говорила, — всесторонне обследоваться в клинике Майо. Непонятно почему, это замечание чрезвычайно раздражило, и она повела себя так в его присутствии, как сама от себя не ожидала.

Рошек положил газетные вырезки на прикроватный столик и снял телефонную трубку. Поведение жены непонятно, но ее отъезд кое в чем на руку. Во-первых, разрядилась напряженная атмосфера. А во-вторых, он мог позвонить Элеоноре из своего комфортабельного номера, а не из какой-то будочки в вестибюле. Впрочем, многое из того, о чем он мог говорить с женой, Элеонору, казалось, совершенно не интересовало. К примеру, его работа. Были ли его сооружения более эстетичными, чем творения его современников? Он на это надеялся. Всю жизнь стремился к изысканным линиям, одним из первых внедрил архитектурное оформление мостовых и эстакадных опор. Помог новаторскому решению удерживаемых тросами перекрытий больших арен, и это придало элегантность тому, что прежде считалось исключительно функциональной и экономической проблемой. Он много раз стремился спроектировать даже такие прозаические сооружения, как

химические и текстильные предприятия, изучив предварительно их сочетание с окружающей застройкой, чтобы они не угнетали живущих рядом. Он беспокоился о визуальном ущербе и о влиянии на окружающую среду еще до разработки технических условий. И делал все это намного раньше, чем это наказание, эта чума, это проклятие пало на его ноги, обеспечив писакам, стряпающим редакционные статьи, простор для идиотских метафор.

Он поставил телефон рядом с собой на постель и позвонил в Калифорнию. Как, должно быть, она будет счастлива услышать эти новости! Он попытается рассказать о них в этакой прозаической манере: слишком большое волнение в голосе было бы не в его характере. Первоначальная эйфория, по сути дела, уже прошла, он начинал относиться к тому, что его должны предпочесть для поста в правительстве, как к естественному продвижению, воплощению справедливости. Он услышал, как на другом конце провода зазвонил телефон, и попытался представить себе идущую по комнате Элеонору, мягкие движения ее длинных ног, осанку, грациозность, уравновешенность, изысканную соразмерность каждого жеста. Он попытался собрать воедино овальное лицо, туго стянутые сзади черные волосы, алебастровую кожу, нежность серо-зеленых глаз, ее запах, ее ауру...

— Алло! Элеонора, это Тед. Как ты там, моя дорогая? Да я чувствую себя прекрасно и страшно скучаю по тебе. У меня есть кое-какие совершенно невероятные новости. Чтобы быть уверенным, что ты будешь этому рада так же, как и я, купил тебе кое-что миленькое, отдам при встрече, надеюсь, в следующий уик-энд. Хочу, чтобы у тебя было подобающее настроение, когда отпразднуем...

Услышав голос мужа, Стелла Рошек нагнулась к зеркалу в ванной и закончила свой макияж. Удовлетворенная тем, что на лице не осталось ни малейшего следа слез, только что заставивших покраснеть глаза и прочертивших полосы по

щекам, она сделала глубокий вдох и открыла дверь. Все равно ведь собиралась поговорить с ним напрямую, так что вполне можно сделать это и сейчас.

Глава 8

Фил легонько обрисовывал контуры тела Джанет, проводя руками по ее коже от головы до пальцев ног, а потом обратно. Целовал ступни, колени, пушистый треугольник, соски, уши, глаза, рот. Прижимался лицом к нежным животу и грудям, ощущая, как ее тело изгибается от удовольствия.

— Вот так, — сказала она, — ты, кажется, потерял со мной всю свою застенчивость. Еще немножко поработать, и станешь вполне сносным любовником. — Она улыбнулась ему, глядя снизу вверх, а потом рассмеялась. — Даже при свечах вижу, как ты краснеешь.

— Девушки там, в институте Святого Джуда, говорили не так, как ты.

— И что же они говорили?

— Ну, что-то вроде: «Не могу, мол, позволить тебе совать туда руки, потому что это слишком ко многому обязывает».

— В самом деле? Бог мой! Я просто не в силах представить себе этот Канзас. Как ни пытаюсь думать о нем, ничего не выходит.

— Это такое место, где лужайки положено подстригать, а мусор выносить. Где матери ждут возвращения своих двадцатипятилетних сыновей из кино. Где женщины так прекрасны, что не замечаешь даже уличных беспорядков.

Он поцеловал ее.

— А я не прекрасна, — прошептала она. — Я миловидна. Я миловидная особа, которой ты очень-очень нравишься.

Фил повернулся на спину и прикрыл глаза рукой.

— Почему я не могу заниматься с тобой любовью днем и ночью? Почему в жизни должны быть нотации Болен с обещанием, что Рошек такого дурака сожрет?

— А откуда взялся Рошек? Ты говорил, что Болен не собирался ему докладывать. Когда сегодня вечером ввалился сюда, ты был так распален желанием, что даже слюна отовсюду капала. И не рассказал подробно.

— Я что же, был скотоподобен? Извини.

— Ну, мне это нравится. Прежнее напоминало лишение священника невинности.

— Я позвонил на плотину человеку по имени Джефферс. А он перезвонил Рошеку и спросил, кто я, черт подери, такой. А Рошек обо мне и понятия не имел.

Джанет подвигала кончиком языка по его губам вверх и вниз. Фил опустил голову пониже, чтобы прижать кончик своего языка к ее.

— А Рошек позвонил Болену, да? — спросила она.

— И приказал, чтобы я был в его кабинете, как только он прибудет из аэропорта. Прямо из твоих объятий в его... Каким шоком это обернется для моего организма!

— Тем не менее было очень приятно совратить священника, — сказала она. — Я испытала удовольствие восхитительного распутства.

— Я далеко не девственник, ты же знаешь. С сорок восьмого года перетрахал всех мисс Канзас и большинство вице-мисс в придачу, а заодно их сестер и матерей. Ты в постели с маэстро. Болен позвонил мне домой после работы и прочитал наставление, как надо вести себя со стариком. На самом-то деле мне хотелось бы оставаться с тобой в постели недельки две подряд. Давай запланируем это. Можем пользоваться такими горшками-утками, что даже не придется выходить в ванную.

— А кроме утки еще не помешали бы евнухи с завязанными глазами, чтобы приносить еду. Я, пожалуй, посмотрю, не найдется ли чего-нибудь такого в справочной

книге. — Она немного подумала. — Рошек, возможно, хочет поблагодарить тебя за твою заботу об общественной безопасности.

— Все, чего он хочет сделать, — это вскочить на мою физиономию и попрыгать по ней. По-видимому, безумно взбешен. Даже Болен, судя по голосу, перепуган. Сказал, чтобы я, если дорожу работой, не защищался. Думаю, придется проявить во всем блеске свое природное малодушие.

Джанет провела рукой вниз по груди и животу Фила, остановив ее между его ног.

— Думаю, понимаю, почему ты мне так сильно нравишься. Потому что относишься ко мне как к равной по интеллекту, какова я и есть. Потому что ты деликатный, нежный и чувственный. Потому что изголодался, как племенной жеребец. — Она расхохоталась. — Ты всегда выглядишь таким шокированным, когда я говорю что-нибудь вульгарное. Должно быть, думаешь, я чудовище! Нет. Если мне нравится говорить грязно, это еще не означает, что сама я грязная.

— Огорчен услышать это.

— И то, что я люблю секс, вовсе не означает, что моя жизнь наполнена мужчинами. Я очень разборчива и не позволяю любому совать нос в мое грязное белье. Очень разборчива. У тебя нет ни малейшего представления о том, с каким множеством омерзительных типов я сталкивалась. Пока не появился ты, я уже начала беспокоиться, не атрофировалось бы мое женское естество. Нечего смеяться! За последний год или около того, чтобы сосчитать моих любовников, хватит пальцев одной руки. А по сути дела, палец одной руки и был всем, что им...

— Я не желаю об этом слышать! У меня достаточно гудит в голове и без твоих остальных любовников.

— Но ведь так и есть. Их вообще нету. Никаких.

— Отлично. Ладно. Теперь хочу, чтобы ты сделала кое-что в самом деле извращенное. Давай-ка выясним, насколько ты в действительности свободна. Я хочу, чтобы ты крепко обняла меня, гладила по головке и говорила: все окончится хорошо.

Он пристроил свою голову на ее плече и закрыл глаза.

— Бедный ребеночек, — сказала она, крепко обняв его и поглаживая по головке. — Все окончится хорошо. Этот гадкий старый мистер Рошек не причинит тебе зла. Если скажет что-нибудь такое, что заставит тебя плакать, пошли его в задницу. Ты всегда можешь приехать сюда и благоденствовать дальше.

— Какая ты замечательная, Джанет.

И они снова занялись любовью, а потом заснули, обняв друг друга.

А Элеонора Джеймс томно протянула руку к тумбочке у кровати и опустила трубку телефона на место. Она похлопала себя пальцами по животу и подняла вверх левую ногу, вытянув ступню и оттянув носок, пока он не стал указывать точно в потолок. Ее кожа была белой и гладкой, а нога длинной, прямой и тонкой, но крепкой как сталь.

— Как же приятно наконец раздеться и вытянуться после того, как посидишь в машине.

Ее голос был высокий, как у ребенка.

— Как понимаю, это был тот старик с лошадиной мордой?

— Да. Думает, что вот-вот получит нечто вроде места в правительстве. Я толком и не слушала.

— Он что же, звонит каждый день?

Молодой человек, лежавший рядом с ней, поднял свою ногу вровень с ее ногой, изогнув ступню у лодыжки, отчего выпятились мышцы икры и бедра.

— Да. Он меня любит. Это ведь и ты делаешь, когда влюбляешься в кого-нибудь.

Она медленно согнула левую ногу, пока не коснулась коленом подбородка, а правую вытянула вертикально вверх. Ее партнер повторил эти движения. Их тела были гибкими и тонкими.

— И долго еще собираешься водить его за нос?

— Пока не получу денег.

— И что тогда? Отсечешь его вот так?

Она с удовольствием следила за его ногами.

— Ох, не знаю. В том, что тебя обожает богатый старик, есть и светлая сторона. Он дарит драгоценности. Знаешь, он может сидеть часами и наблюдать, как я так вот двигаю ножками. Хорошо бы побольше таких зрителей. Не сменишь ли пластинку, дорогой? Я ужасно устаю от Равеля.

Он широкими шагами спокойно подошел к проигрывателю в углу комнаты. Она внимательно наблюдала за его молодым телом танцора через просвет между своими высоко поднятыми, слегка разведенными ногами. Его торс суживался от плеч к узкой талии, а ягодицы были маленькими и тугими. Когда он вернулся в постель, она заметила небольшую эрекцию. Он лег на бок, опираясь на локоть, и коснулся ее маленьких твердых грудей. Она нежно охватила ногами его голову.

— Ну что ж, Рассел Стоун, — сказала она с застенчивой улыбкой, — как я полагаю, ты хочешь снова заняться любовью, а мы здесь всего час.

— Находишь это удивительным?

— Да. Половина Калифорнии считает тебя гомиком.

— Пусть считает. Значит, многие мужья смогут доверить мне своих жен.

Она опустила ноги и рывком села.

— Ты что же, ревнуешь к этому старику?

— Нет, — покачал он головой, — я просто не понимаю, как ты можешь этим заниматься. Имею в виду, лечь с ним в постель. С калеккой...

— Хочу иметь собственную студию, а он может мне ее дать. Вот потому и могу этим заниматься. Кроме того, не так уж это и противно. Я закрываю глаза и думаю о тебе. Или о Барышникове.

— Все это как-то ненормально.

— Он бывает нечасто. Способен быть очень ласковым. Он не так неприятен, как о нем думают. — Она смотрела мимо него на окна, Деревья, стены ущелья по другую сторону реки. — Часто ему нужно даже не сношение. Просто хочет коснуться меня. Он относится ко мне так, словно я уникальное произведение искусства. Он сказал, что рядом со мной даже величайшие сооружения, которые он когда-либо проектировал, выглядят комьями грязи.

— Отдаю ему должное. Нашел ключ к твоему телу — лесть.

Она посмотрела на него округлившимися глазами.

— О Рассел, я на твоём месте не говорила бы о лесте. Я видела, как ты разрыдался над паршивой рецензией в «Экзэминере». Тебе не следовало бы осмеивать человека, гостеприимством которого с удовольствием пользуешься.

— Без его ведома. — Он огляделся кругом. Через открытую дверь были видны огромный камин и паркетный пол в гостиной. — Ты должна признать, в этом что-то эксцентричное — заниматься любовью в комнате с фотографиями плотины на одной стене и Франклина Делано Рузвельта на другой. Странно не слышать никакого шума уличного движения. Когда я не в городе, чувствую себя не в своей тарелке.

— Да, нам трудно без удобств. Это, вероятно, самый изысканный дом во всей долине. Его название — «Лесной ручей» — даже нанесено на карты округа.

— Да, замечательное место, хорошее. И все-таки я не понимаю, как я смогу выдержать здесь целых два дня.

Элеонора встала и легко втиснулась в джинсы.

— Давай-ка пройдемся к реке и наполним легкие горным воздухом. Тебе он, возможно, понравится. — Она схватила его за руку и рывком подняла на ноги.

А на реку стоило посмотреть. У электростанции в ущелье Сьерра, в шестнадцать километрах выше по течению, спустили максимальное количество воды, чтобы компенсировать вечерний пиковый расход электроэнергии. Вода из водохранилища добавилась к обычному потоку по водосливу, и река, устремляясь вниз по ущелью, почти захлестывала берега. Это было внушительное зрелище.

Глава 9

— Что случилось, Стелла? Ты опоздала на самолет?

Рошек отставил телефон и смотрел, как его жена усаживается в кресло лицом к постели. Ее движения были сдержанными, как бы отрепетированными, а глаза полны спокойной силы, которой он никогда раньше не замечал. Не подслушала ли она разговор с Элеонорой? Он попытался подавить тревогу, припоминая нежные слова, упоминание о будущей встрече и о подарке.

— Я просто дала самолету улететь без меня, — спокойно сказала она. — Ждала тебя в гостиной, наблюдая, как за окном темнеет.

Рошек с усилием попытался улыбнуться.

— Ты боялась включить свет из-за меня! А я и не увидел тебя, когда вошел. — Потом добавил участливо: — Ты себя хорошо чувствуешь?

— Прекрасно. Это, по сути дела, удивительно, потому что я наконец приняла решение насчет того, что делало меня несчастной долгие годы. Я вернулась, чтобы сказать тебе это. Вдруг почувствовала, что больше не могу откладывать ни на минуту: Собираюсь завтра подать заявление на развод.

— О Стелла, послушай! Господь с тобой! С чего это вдруг? Ты чем-то расстроена. Я уверен, если поговорим об этом...

Она покачала головой спокойно и убежденно.

— Ты спрашиваешь, с чего это я, почему. И то, что тебе пришлось об этом спросить... Полагаю, причина именно в этом. Ты стал настолько эгоистичным, Теодор, настолько углублен в себя и в свою работу, что тебе совершенно безразлично, как сильно меня оскорбляешь.

— Подслушивание моих телефонных разговоров — вот в чем все дело. Ты в своем воображении превратила нечто совсем невинное в...

— Ничто, касающееся Элеоноры Джеймс, не может быть невинным, — резко оборвала она. — О да, я знала о ней с самого начала. Я была на тех вечерах для избранных в Сан-Франциско, ты же помнишь, где мы впервые с ней познакомились. Я видела, как она выставлялась перед тобой, и как ты вилял перед ней хвостом. Целыми месяцами ты рассказывал о ней, изыскивал предлоги, чтобы съездить в Сан-Франциско. Потом вдруг оборвал эти разговоры, но не поездки. Я могу сказать с точностью почти до дня, когда твой интерес к ней стал более чем... отеческим. Более чем художественным.

Она отвернулась, пытаясь взять себя в руки. Рошек сжал губы, а потом сказал:

— Это всего лишь предположение. Как и то, что ты собираешься покончить с браком, который длится вот уже...

— Вас видели вместе! — сказала она, повернувшись лицом к нему. В голосе проступила резкость. — Друзья рассказали, как седовласый старец делает из себя дурачка из-за какой-то золотоискательницы вдвое моложе его! Нет-нет, только не говори мне, что она вовсе не ищет золота. Надо быть слепым, чтобы не видеть этого. И не рассказывай, какой ты невинный. Я слышала, как ты разговаривал по телефону. Я не глухая. И не глупа.

Рошек осознал, что небезопасно пытаться защитить Элеонору или себя: это могло спровоцировать у Стеллы истерику. Необходимо предпринять что-то, дабы изменить ее намерение развестись, по крайней мере, отложить подачу заявления до тех пор, пока не свершится это назначение и сенат не утвердит его. Бракоразводный процесс вряд ли сделает его кандидатуру предпочтительной. Клампетт ведь неспроста спросил, прочен ли его брак. Кроме того, неизбежны и финансовые последствия, если Стелла предъявит претензию на свою часть общей собственности в виде половины его пая в корпорации.

— Быть может, я и делаю из себя дурачка, — заставил он себя выговорить. — Полагаю, смешно и думать, что молодая женщина вроде Элеоноры Джеймс может найти что-либо привлекательное в... ну, в калекке. Но даже если она и нашла, Стелла, это нам ничем не грозит. Мои чувства к ней не могут сравниться с моими чувствами к тебе.

Она махнула рукой и презрительно хмыкнула:

— У тебя ко мне вообще нет никаких чувств. Ни как к личности, ни как к жене. Я — твой светская секретарша. Я — это некто, перед кем за завтраком репетируешь свои речи. Я обслуживаю твои деловые обеды. Ты думаешь обо мне как об одной из своих служащих, вот и все. Только, Теодор, служащие ведь могут уволиться. Уволиться, получить выходное пособие и попытаться устроить себе жизнь, в которой будет меньше отчаяния. Вот именно это я и собираюсь сделать.

— Ты понапридумывала все это из ничего...

Она горько засмеялась.

— Знаешь, чего я дожидаюсь с нетерпением? Возможности избавиться от необходимости выслушивать, как ты произносишь что-нибудь вроде «ты понапридумывала все это из ничего».

— Но в данном случае это правда! Элеонора Джеймс для меня по сравнению с тобой ничего не значит! Абсолютно

ничего! Жалею, что позволил себе детское безрассудное увлечение. Жалею, что вел себя так бесчувственно и легкомысленно. Я изменюсь. Если хочешь, никогда больше с ней не увижусь. Но развод? Конечно же, мы не должны доводить до этого. После всего, через что прошли вместе.

Клампетт предупредил, что он бывает неосторожен, встречаясь с Элеонорой, и он стопроцентно прав. Несколько следующих месяцев придется быть очень осторожным. Рестораны и театры в Сан-Франциско исключаются. Можно ведь встречаться на дальних курортах. Есть Европа и Южная Америка. Он посмотрел на сидевшую напротив жену, выглядевшую неуязвимо хладнокровной. Да, вряд ли она расплачется...

— Даже если бы я и поверила, что ты станешь другим, это ничего не изменило бы. Элеонора только часть проблемы. Я хочу развода главным образом потому, что ты... потому что ты больше не желаешь меня как женщину.

— Это неправда!

— Это правда. Посмотри на меня. Разве я так уж непривлекательна? Мне пятьдесят четыре, но все мне говорят, и ты тоже, что выгляжу лет на десять моложе. Я все еще ловлю восхищенные взгляды мужчин.

— Ты очень привлекательная женщина, Стелла, — сказал он. И подумал: привлекательная настолько, что сможет получить судебный ордер, позволяющий затормозить общую собственность и таким образом разрушить финансовую гибкость корпорации. Чтобы определить стоимость фирмы с дюжиной совместных предприятий по всему миру, могут уйти годы. Целая команда адвокатов сможет сделать карьеру. — Я не уделял столько внимания, сколько ты заслуживаешь. Я слишком напряженно работал, пытаюсь поднять фирму до того величия, которого, кажется, мы почти достигли. Наш успех, Стелла, быстрый рост — это что-то вроде доказательства правильности всего, во что я верю. Элеонора сбила меня с

толку, заставила вести себя дурачком. Теперь-то я понял. Неужели заставил тебя почувствовать, будто не желаю тебя, как женщину? Пожалуйста... пожалуйста, прости меня. Иди сюда, сядь рядом со мной на кровать...

— Нет, Теодор. Больше не будешь вертеть мною, как хочешь. Это все. Что бы ты ни сказал, ничто не заставит меня забыть о боли, которую ты причинял мне эти четыре долгих года. Ни разу за четыре года не коснулся меня и даже не выказал ни малейшего знака нежности. Я не могу простить тебя. Я не могу забыть этого.

Рошек вздохнул.

— Нельзя ожидать от мужчины, что он будет тридцать с лишним лет поддерживать тот накал, что и во время медового месяца. Любовь может сохраниться, но поведение меняется.

— Да, меняется. А знаешь, почему ты утратил интерес ко мне? Только не отрицай, что утратил.

— Я не знаю, — сказал Рошек, качая головой с безнадежным жестом. — Я все это еще возьму. Я...

— А я знаю почему. Потому что мне удалили матку. Да, вот в этом-то и причина.

— Смешно!

— В твоих глазах я стала несовершенной. Подпорченной. Есть шрам... ничему не мешающий. Но он есть, и ты, когда его увидел, отвернулся и ни разу больше по-настоящему не взглянул на меня. Отринул, словно неправильно спроектированное сооружение.

— Господи, избавь меня от этой любительской психологии. Я сегодня уже получил кое-что в этом роде.

— Ты начал иначе смотреть на других женщин. Не как на объекты, на которые можно произвести впечатление, влиять на них или развлекать их, но так, словно их оценивал. Как дорогие автомобили. О, как загорелись твои глаза, когда тебе улыбнулась Элеонора Джеймс! Я ведь видела, ты думаешь: там-то уж никаких шрамов, имеется все, кроме, быть может,

мозгов и совести. Ты, вероятно, помыслил о ней так, как думаешь о восхищающих тебя инженерных проектах. Я слышала от тебя сотни раз: «Прекрасная комбинация формы и функциональности». Ты сказал так и о новой фабрике по переработке вод в Сакраменто. «Элегантные линии» — сказал ты. Экономический дизайн. Прекрасная комбинация формы и функциональности. Ты говорил Элеоноре Джеймс, что она прекраснее любой фабрики для переработки сточных вод? Ты это вот шепчешь ей, когда она ласкает твой бумажник?

Она встала и взялась за ручку двери.

— Черт подери, Стелла, сядь! Мы должны довести этот разговор до конца.

— Не кричи. Не трать понапрасну энергии. Меня больше не испугаешь. Хотя однажды испугал, знаешь это? Ты так решителен, так уверен в себе, так привык командовать и держать обручи, через которые люди должны прыгать. Я никогда точно не знала, что со мной будет и кто я вообще, а потому шла за тобой по пятам и помогала тебе добиться цели, которая, насколько я понимаю, состоит в том, чтобы стать самым богатым инженером, который когда-либо топтал эту землю. Ну вот, а теперь я знаю, кто я такая. Я — кусок использованного чиненного-перечиненного товара, который почувствовал, что жизнь еще не кончена. И я знаю, что со мной будет: поеду в аэропорт, чтобы успеть на ночной рейс. Мой багаж уже дожидается меня в Лос-Анджелесе. До свидания.

— Да закрой ты дверь! Развод — самое последнее, что нужно каждому из нас. Пожалуйста, Стелла...

Рошек поднялся на ноги и сделал несколько неуклюжих шагов к ней, но подкосились ноги. Он опустился на колени и повис на кресле, чтоб не свалиться на пол. Он скривился:

— Я не могу встать... помоги мне...

Она стояла в дверях и печально смотрела на него.

— Никогда не думала, что увижу, как ты прибегнешь к этому, — сказала она. — Если нужна помощь, позвони в бюро обслуживания.

Когда она ушла, Рошек выругался и втащил себя в кресло. Он откинул голову назад и закрыл лицо руками. Если ее не остановить, она же все разрушит. Всего несколько месяцев терпения, а потом можно послать все к черту. Он быстро прокрутил в мозгу имена адвокатов, к которым она может обратиться. Утром позвонит им и пообещает вознаградить, если сумеют остановить ее. Предложит ей сходить вместе к консультанту по семейным вопросам. Предложит показаться психиатру. Пошлет ей цветы. Она принимает по двенадцать таблеток в день... может быть, удастся накачать ее наркотиками, каким-либо другим способом вывести из строя на достаточный для него срок, чтобы...

Он вскарабкался на кровать и начал обдумывать самые разные варианты. Ему нужно было время, и он поклялся так или иначе получить его. Он представил себе жену, внезапно ставшую жесткой и холодной, совершенно не похожей на женщину, которую, как полагал, хорошо знал. Она смотрела на него, лежавшего на полу, без малейшего сочувствия. Он метался в постели, словно в агонии, и в конце концов погрузился в сон, наполненный кошмарными видениями.

Глава 10

Помятый зеленый «фольксваген-баг» с пластиковой маргариткой на ветровом стекле приткнулся на автомобильной стоянке позади Центра холистической подготовки в Беркли, штат Калифорния. Мужчина хрупкого сложения с узкой бородкой вылез из него и несколько раз проделал руками широкие круги. На нем были вылинявшие и изодранные голубые джинсы и футболка с надписью: «Стайеры делают это дольше». Легким шагом он обогнул

одноэтажное блочное здание и подошел к парадной двери. Несколько раз намеревался войти, но колебался, раз даже повернулся спиной и сделал несколько шагов от двери.

На секретаршу в приемной его имя произвело впечатление.

— Доктор Дюлотт ожидает вас, — сказала она с улыбкой. — Я доложу, что вы здесь.

На низком столике были разбросаны журналы, посвященные спорту, бегу и здоровью. Мужчина заметил, что обложку «Уэстерн стридер» украшает его фотоснимок, с гримасой боли на лице, будто какие-то мучители колотили его палками по половым органам. Под ним крупно подпись: «Кент Спэйн снова побеждает. Читайте его советы об энергии быстроты на странице 32».

— Не хотите ли присесть? — спросила секретарша. — Доктор, возможно, будет через несколько минут.

— Нет, спасибо. Сидеть вредно для поясницы.

Он прошелся вокруг приемной, изучая заключенные в рамки благодарственные письма от удовлетворенных пациентов и фотографии улыбающихся сотрудников. Центр холистической подготовки был некой медицинско-мистической комбинацией, обслуживающей довольно широкий круг добившихся успехов в физической подготовке и тех, кто желал таковых добиться. Клиентура состояла в большинстве из любителей поиграть в теннис в конце недели и побегать трусцой, но были также учащиеся непрестижных колледжей и даже профессиональные спортсмены. Здесь, подобно строительным руководствам, демонстрировалось, насколько преодолимы барьеры общепринятого. Прием вели терапевт, педиатр, ортопед, диетолог, физиотерапевт, психолог–бихевиорист, знаток моды, гипнотизер, специалисты по иглоукалыванию, ножным рефлексам, специалисты по системе лечения естественными и физическими методами, буддийский священник, правда, только по понедельникам, а также психиатр, астролог,

специалист медитации и чтения аур. Этот центр, воплощение замысла Дэвида Дюлотта, врача-бизнесмена, который был больше бизнесменом, чем врачом, находился под постоянным контролем соответствующих подразделений правительства штата и Американской медицинской ассоциации. Сотрудников, имевших диплом доктора медицины, не беспокоило мнение Американской медицинской ассоциации, поскольку они не были ее членами. Они почти ежедневно критиковали ее за отсутствие энтузиазма по отношению к проросткам пшеницы, технике распознавания подсознательных процессов мозга, а также к комплексу витамина В-12, одному из основных медикаментов, продававшихся в магазинчике при центре, заполненном также множеством здоровой пищи, спортивных и фармацевтических товаров.

Доктор Дюлотт, энергичный, щегольски одетый, представительный мужчина в очках в стальной оправе, горячо тряс руку Кента Спэйна, проводя его в свой кабинет.

— Как прекрасно снова увидеть вас, Кент, ей-богу! Садитесь в кресло! — Дюлотт уселся за свой заваленный всякой всячиной стол и вытянул руки. — Ну, что вы думаете о нашем маленьком предприятии?

— Не такое уж оно и маленькое. Вы, конечно, окупили все начальные затраты.

Дюлотт довольно захихикал и сказал:

— Сюда приходит парень с жалобой или просто лентяй, желающий избавиться от живота, и он получает у нас все, что только можно найти под солнцем. Что-нибудь ведь должно сработать, правда? Мы взбадриваем пациента больше, чем любая больница в штате, да и вы такого не дадите. Мы обеспечиваем термографию, плетизмографию, ультразвук по методу Допплера, достаточные дозы глюкозы, анализ солевых отложений и прочие вещи, черт бы все побрал. Внимательно вглядываемся в глазное яблоко — это называется «иридодиагностика». Изнуряем их чрезмерными

механическими нагрузками, чтобы посмотреть, не помрут ли от сердечной недостаточности. Наконец, заставляем глотать гейдельбергскую капсулу.

— Глотать что?

— Ну, такую маленькую чепуховину, которая посылает наружу радиосигналы, пока путешествует по кишкам. И не смотрите так удивленно! Это стандартный набор, который можно получить и в обычной клинике, если у них там есть хоть капля воображения. Но посмотрите, насколько далеко вперед мы ушли. Можем вычислить биоритмы, исследовать альфа-колебания, научить позе лотоса и согнуть позвоночник. Мы — это единственное место в западных штатах, где делают процедуру моксабустиона. Садитесь, что же вы? Не заставляйте меня неловко себя чувствовать.

— Я уже насиделся в автомобиле. Сидеть — это ужасно. А что за моксабустион, черт его подери?

Дюлотт ликующе захлопал в ладоши.

— Я люблю эту штуку! Самая последняя вещичка из древнего Китая. Приходит какой-нибудь бегун трусцой, скажем, с болью в бедре. На место, где болит, кладем небольшую кучку листьев горькой полыни в смеси с кое-какими секретными лекарственными травами и специями, я даже не знаю, с чем именно, и поджигаем! Истинный Бог! Говорят, помогает! Я думаю, происходит вот что: они настолько заняты болью в волдырях от ожога, что забывают о первоначальной жалобе. В одном исследовании, которое я читал, предполагается, что лучше всего это помогало пожилым китайцам, которые никогда не лечились ничем, кроме средств народной медицины. К сожалению для нас, здесь, в центре, очень мало старых китайнок занимаются бегом трусцой.

— Вы шарлатан, доктор. Настоящий Дональд Дак.

— Существуют малоизученные области, — пожал плечами Дюлотт. — Мы используем малоизвестные, но безвредные успокоительные средства совсем как

официальные медики, если не считать того, что наши медикаменты не имеют форму сахарных таблеток. Некоторое время назад в «New England Journal of Medicine» доказывали, что безвредные успокоительные лекарства — один из наиболее эффективных имеющихся в продаже наркотиков, не дающих побочных эффектов. Наша политика состоит в том, чтобы предоставить пациенту все, чего он хочет, при условии, что никакой суд не докажет вредность этого. А нынешний пациент жаждет всякой восточной чуши, поэтому я и импортирую все, на что удастся наложить лапу. Мы делаем очень большие деньги, и нам завидуют все клиники и медицинские корпорации региона. Я уже подумываю о продаже привилегий. Стану полковником холизма.

Дюлотт достал из холодильника рядом со своим столом высокую зеленую бутылку и разлил темную жидкость по двум бокалам.

— Попробуйте-ка это, — предложил он. — Наше новейшее снадобье. Натуральная минеральная вода из провинции Чечван. Мы уже продали ее по десять баксов за литр. Представляете? Ну, давайте за ваше решение стать профессионалом! Вместе сделаем кучу денег. До дна!

Спэйн сделал глоточек и скорчил гримасу.

— На вкус что-то вроде мочи дракона, — сказал он, поставив свой бокал на стол. — Да, я решил стать профессионалом. Вот смеху-то, не так ли? Бегун-марафонец становится профессионалом! Да я посчитаю себя везунчиком, если заработаю на автобусный билет.

— Вы поразитесь тому, как много сможете заработать. Передаточные векселя вскоре станут крупным бизнесом. Конечно, это зависит от того, что именно вы собираетесь передавать.

— По телефону вы сказали, что, если прорекламирую ваши туфли, которые якобы помогли выиграть какой-нибудь забег, дадите мне две с половиной тысячи баксов. Это так? Я

это сделаю. Мне тридцать три, и резвее не становлюсь. Я не смогу попасть на Олимпийские игры, но все же, черт подери, в состоянии подработать немного баксов, пока есть силы. Господи, как только подумаю о годах, которые потратил, пытаюсь стать бегуном мирового класса! Целая жизнь. И что же я получил взамен? Да ничегошеньки. Я не могу даже стать тренером, потому что все коллеги хотят иметь наставника по меньшей мере с высшим образованием. Ну, а с двумя с половиной тысячами баксов смогу купить автомобиль получше и начать подыскивать какую-нибудь работенку.

Дюлотт добродушно улыбнулся.

— У вас не станет проблем, если будете меня слушаться. Вы обладатель самого громкого имени, с которым я когда-либо имел дело. В прошлом году я сделал шесть тысяч для Фрэнка Робутца, а ведь ваш авторитет вдвое весомее, чем его.

— Шесть тысяч? Для Фрэнка Робутца? Боже всемогущий, да он же не смог побить даже Сиротку Анни.

— Вы правы. В какой вы сейчас форме?

— Не в той, что год назад. Я теперь пробегаю только по девяносто шесть километров в неделю. Обычно было минимум сто шестьдесят. Но я много тренируюсь в холмистой местности. Раз в два дня дважды пробегаю трассу Дипси. Это двадцать километров, в большинстве либо круто вверх, либо круто вниз.

— А завтра сможете выиграть?

— Смогу побить стадо домохозяек и бизнесменов. Любителей.

— Будет участвовать Томми Райан.

— Ну да? Он может выдержать. Мои денежки зависят от него.

— А мои от вас. Скажите, каково ваше лучшее время?

— В марафоне два часа двадцать одна минута, но я вот уже почти два года не отставал от него меньше чем на

двенадцать минут. Я не сказал вам, док, я начал катиться вниз.

— Ну, завтра все же покажите класс. Полторы тысячи болельщиков, сбившись в группки всезнаек, потеют и пыhtят от волнения, и вы их любимчик.

— Да, крупная сделка.

Дюлотт мельком взглянул на часы.

— Сейчас начало десятого. Примерно в это же время завтра утром вы пересечете финишную черту перед ратушей Саттертона. В субботу банки закрыты, но в понедельник, если подпишете контракт, который я для вас подготовил, сможете явиться в любой банк по вашему выбору с чеком на десять тысяч долларов. Ну, что вы скажете? Каково?

— Ну ладно, покончим с этим. Вы не сможете получить такие деньги без меня, даже если я побегу голым с привязанным к ноге грузом.

— Положим, смогу. Послушайте, ваши лучшие деньки уже позади. И все это знают. Ваши результаты постепенно становятся все хуже. А что, если бы вы завтра выдали ваш личный рекорд? На трассе, которая много труднее, чем в Бостоне? И только потому, что вы носите, едите, пьете и вообще используете то, что производит «Джог-Тех», по счастью, мое дочернее предприятие в Гонконге, а? Я могу запустить серию такой рекламы в журналах, посвященных бегу, что это заставит Понсов де Леонсов тысячными толпами выскакивать из гробов.

— Понс де... кто?

— Де Леоне. Первый, который спустил свое состояние до нитки и обанкротился, пытаюсь остаться молодым.

Кент Спэйн принялся ходить взад и вперед перед столом Дюлотта.

— Но как же, черт подери, я смогу показать мое лучшее в жизни время? С помощью молитвы? Или волшебства?

— Нет. При помощи жульничества. — Дюлотт сделал паузу, чтобы эти слова лучше дошли до слушателя. —

Небольшое жульничество еще никогда никому не вредило. Рискну сказать, что ему и нужно-то учиться не больше двух лет.

Спэйн положил руки на письменный стол и пристально посмотрел на Дюлотта.

— Что вы имеете в виду, какое еще жульничество?

— Я имею в виду жульничество. Вполне безвредное. А вы получите для начала десять тысяч баксов.

Спэйн плюхнулся в кресло и выдохнул воздух сквозь сжатые губы.

— Если вы сумеете овладеть красноречием, — добавил доктор, — то сможете получить вдвое больше за цикл лекций даже после того, как я вычту свои пятнадцать процентов.

Спэйн внезапно выпрямился и стукнул кулаком по столу.

— Я это сделаю! Десять тысяч! Для начала! Черт подери! Что вы придумали?

Дюлотт развернул сложенную карту и прочертил линию.

— Забег стартует вот здесь, потом идет по шоссе, потом по гаревой дорожке, а потом по этой вот тропе через национальный лесопарк. Что вам придется сделать — это первые двадцать пять километров пробежать со скоростью километр за три и одну десятую минуты. А Райан и другие будут стараться показать три и шесть или три и семь.

Спэйн забеспокоился.

— Но так я спалю себя. Последние восемнадцать километров придется ползти.

— Нет, не придется. Взгляните на карту. — Он слегка постучал указательным пальцем по какой-то точке. — Эта трасса выходит из лесу вот здесь, проходит по гребню плотины в ущелье Сьерра и снова возвращается в лес на ее другой стороне. После этого довольно длинный участок проходит сквозь густой подлесок по склону. Вы, дорогой мой старичок, проедете этот участок на велосипеде,

успокоите дыхание, просвистите какую-нибудь веселенькую песенку, и легкий ветерок овеет ваши кудри.

— Велосипед!

— Да, велосипед. Он станет дожидаться вас в кустах. В том месте к ветке будет привязана тенниска. Удостоверьтесь, что вы попали туда первым. Следующий пункт помощи только на тридцатом километре.

Спэйн снова вскочил с кресла и стал стремительно ходить взад и вперед, стискивая руки, словно пытаюсь очистить их от липкого жира.

— Это не сработает, — сказал он. — Это не может сработать. Это никогда не сработает. Нет никакого способа, чтобы это могло сработать.

— Это сработает.

— А если кто-нибудь засечет мое время на плотине, то контролер на тридцатом километре позднее подсчитает и поймет, что здесь что-то подстроено. Вы, видно, рехнулись, док, ваша тыква совсем не варит.

— Вот это и подводит нас к истинной прелести плана. Контролер на тридцатом километре — я.

Спэйн перестал ходить и посмотрел на доктора.

— Вы?!

— Я. — Дюлотт снова принялся чертить линию на карте. — Вы окажетесь минут через десять — пятнадцать впереди основной группы и, выбросив велосипед, сможете посидеть минуток пять и восстановить дыхание.

— Я ненавижу сидеть.

— Ну, тогда погуляете. Трасса выходит из леса вот здесь, недалеко от ярмарочной площади. Бегите рысью весь остаток пути так быстро, как только сможете. Будете бежать по шоссе, а люди по его сторонам станут приветствовать вас. Финишную ленточку разорвете вот здесь, — доктор торжественно постучал по карте, — в нижней части Саттертона. Новый чемпион мазэрлодского марафона, показавший время всего лишь на несколько минут хуже

мирового рекорда. Удивительный подъем жизненных сил, достигнутый благодаря новейшей продукции «Джог-Теха».

Спэйн снова погрузился в кресло и внимательно смотрел, как доктор вытаскивает из ящика письменного стола образцы продукции: пару ребристых резиновых чашечек для пяток, предохраняющих от ушибов и помогающих преодолевать подъем, цифровые часы-шагомеры, фирменный ремень «Джог-Теха», микроэлектронный пульсометр, регистрирующий частоту пульса, кровяное давление, температуру и электролитический баланс.

— Это последняя новинка, — сказал Дюлотт о пульсометре, — занятая вещичка, тянет на четыреста баксов.

— Но я не могу тащить на себе всю эту чепуху! — запротестовал Спэйн. — Это весит, должно быть, килограмма четыре!

— Чуть больше четырехсот граммов. Сможете. А после забега скажете, что ваш спортивный подвиг — результат того, что вы могли постоянно следить за состоянием своего организма и на основе научных данных приспособить ритм бега к максимально достижимому вами напряжению сил. Конечно, вы также скажете, что вы тренировались на нашем домашнем тренажере — это еще одна штучка на четыреста долларов, — и заодно пили наш овощно-витаминно-миндальный напиток.

Бегун с отвращением приподнял верхнюю губу и отвернулся.

— Меня от этого тошнит, — сказал он.

— Ничего, зато сделаем умопомрачительные деньги. Подпишите вот здесь.

Спустя полчаса, когда контракт уже был изучен и подписан, а детали забега обговорены еще раз, мужчины пожали друг другу руки: один — сияя от радости, а другой — с несчастным видом. Дюлотт поднял бокал китайской

минеральной воды в честь марафона, осушил его и почмокал губами.

— Вы просто обязаны свыкнуться с этим необычным запахом, Кент, — сказал он. — Это самая лучшая в мире моча дракона.

Перед самым обедом Герман Болен позвонил в ущелье Сьерра, и какой-то инженер из диспетчерской электростанции сообщил, что Лоуренс Джефферс еще не появлялся. Его ожидают с минуты на минуту.

— Он, должно быть, поехал в Сакраменто и забыл предупредить нас, — посетовал инженер, стараясь быть полезным.

— Вероятно, вы правы. Скажите ему, чтобы позвонил мне, как только появится.

— Конечно, скажу, мистер Болен. Я вот прямо сейчас положу записку на его стол.

Странно, подумал Болен, медленно направляясь к окнам. Не дать знать о своем местонахождении — это не похоже на Джефферса. Если бы обнаружил в дренажных галереях что-нибудь серьезное, конечно, позвонил «бы вчера поздно вечером или же сегодня рано утром, прежде чем куда-то уйти. Поездка в Сакраменто? Да, вероятно, именно так. Или какой-нибудь назначенный визит к дантисту. Но все-таки...

Он вернулся к своему столу и уселся, соображая, не стоит ли снова позвонить на электростанцию и распорядиться, чтобы кто-нибудь сходил на плотину и поискал там Джефферса. Возможно, свалился с этого проклятого длинного марша бетонных ступеней и сломал голень или бедро так сильно, что даже не может дотащить до одного из аварийных телефонов. Или, может быть, случился сердечный приступ, хотя внешне здоровье вроде бы крепкое. В любом случае Болен предстанет в не очень-то выгодном свете, поскольку он послал Джефферса ночью в эту темную дыру.

Ну, ну, ворчал сам на себя Болен, ты слишком уж драматизируешь ситуацию. Если бы Джефферс все еще находился внутри дамбы, кто-нибудь заметил бы там его машину. Будешь выглядеть очень глупо, если устроишь погоню за человеком, который может в любой момент беспечно и беззаботно войти в свой кабинет. И Рошек обвинит тебя в чрезмерной реакции на страхи молодого дурачка, в том, что ты отправил Джефферса искать ветра в поле, а потом снова перестраховался, устроив его розыски.

Он представил себе, как Рошек, глядя на него, говорит: «Господи Иисусе, Герман, ты что, совсем ума лишился?»

Нет, лучше подождать еще немного и попытаться не дать воображению разыграться. Ближе к концу дня, если Джефферс так и не появится на работе, он наведет несколько осторожных справок. Болен посмотрел на календарь. Днем предстояла встреча в Нижней части города в штаб-квартире Южно-калифорнийского отделения компании Эдисона по поводу проекта расширения Секвойской плотины. Если начнется долгое занудство, он найдет способ выйти и позвонить на дамбу.

Глава 11

Сидевший в одиночестве в своем кабинете Теодор Рошек закрыл глаза и потрогал виски. В первый раз за долгие годы у него разболелась голова. Неослабевающая боль пульсировала от середины лба. Он плохо спал накануне ночью в своем вашингтонском гостиничном номере. А во время полета в Лос-Анджелес самолет попал в бурную струю воздуха, почти час пришлось думать об одном: как бы самолет от тряски не рассыпался. И даже поездка в лимузине в контору сильно подействовала на нервы. Отчасти из-за заторов на Харборской автостраде, а отчасти потому, что шофер выглядел полупьяным и едва не погубил их обоих, небрежно перестраиваясь из ряда в ряд.

Во всяком случае, он все же кое-чего добился от Стеллы. Позвонил ей из аэропорта и вынудил согласиться погодить обращаться к какому-нибудь адвокату, пока они не обсудят свои проблемы детальнее, чем прошлой ночью. Правда, твердость ее голоса обескураживала. Она сказала, что дальнейшее обсуждение бесполезно и он, мол, должен уже сейчас готовиться к выезду из дома. Конечно, он добился бы большего, если бы говорил с ней лицом к лицу. Сыграл бы на ее сострадании, а если не помогло, повысил бы голос и напомнил о ее собственных недостатках, поэксплуатировал бы чувство вины, которое она должна была испытать, уходя от мужчины, обеспечившего ей роскошную жизнь. Если повезет, сумеет сломить ее, заставить свернуться в клубочек и рыдать, как в нескольких предыдущих ссорах. Он не должен выходить из себя. Если прикрикнет на нее или станет угрожать, то в зависимости от настроения, в котором она находится, может лишиться всех шансов кое-как склеить их брак.

Рошек вспомнил о небольшом пистолете, который носил для самозащиты в чемоданчике-дипломате. Она знала, что пистолет там: ведь он начал носить его с собой по ее настоянию. Если эмоции перельются через край, один из них, возможно, ухватится за него. Маловероятно, но все же... Он отщелкнул крышку чемоданчика и достал оружие из бархатного гнезда, повертел холодную сталь в руке. С безопасностью все в порядке, из пистолета за пятнадцать лет со дня покупки еще ни разу не выстрелили, но это оружие — его защита. Возможно, в самом начале карьеры, до того, как в аэропортах ввели проверку на безопасность, когда он отправлялся в самые отдаленные районы мира, и был резон таскать с собой такую штучку. Но не теперь. Он даже не вспоминал о пистолете долгое время и не интересовался, в порядке ли он.

На селекторе загорелся красный огонек. Он нажал маленький рычажок и услышал голос секретарши:

— Мистер Болен хотел бы знать, не поедете ли вы на конференцию Южно-калифорнийского отделения компании Эдисона. Он уже готов ехать.

Рошек положил пистолет в ящик письменного стола и, избавившись от него, почувствовал удовольствие, смешанное с облегчением.

— Скажите, что я постараюсь попасть туда примерно через час. После того как побеседую с юным Крамером, хочу поговорить по телефону с Джулисом Вертхаймером. Обеспечьте это, пожалуйста.

Он отключил связь и быстро набросал список вопросов, которые хотел задать Вертхаймеру, единственному из известных, ему адвокатов, которому полностью доверял. Он был больше адвокатом по общим вопросам, чем специалистом по разводам, но он должен его предварительно проконсультировать. Может ли Стелла заморозить их общую собственность и таким образом лишить фирму свободы действий? Достаточно ли у них свободных средств, чтобы удовлетворить ее права, не передавая его части пая в фирме? Можно ли как-нибудь утаить эти средства, быть может, подготовив второй комплект записей или сделав переводы в заморские дочерние фирмы? У Вертхаймера должны возникнуть какие-то идеи.

Мысль о том, что жена может предъявить претензии на половину его пая в фирме, на создание которой он потратил всю жизнь, привела его в ярость, и чем больше он думал об этом, тем сильнее ярился. Он будет крепко держаться за сохранение полного контроля, независимо от того, что говорят эти смехотворные калифорнийские законы о разводах. Она может получить дом в Беверли-Хиллз, дачу в ущелье Сьерра, автомобили, художественные произведения, акции, страховку, словом, все, но только не его бизнес. А если ее адвокаты найдут, что это несправедливый дележ, то могут отправляться в задницу. Он сжал кулаки. Сделает все, на что только способен, чтобы сохранить их брак в

неприкосновенности достаточно долго, пока не совершится правительственное назначение. Когда это будет обстряпано, Стелла сможет делать все, что заблагорассудится, но только не совать свои лапы в фирму. Этого он никогда не допустит. Никогда! Голос секретарши снова возник в селекторе:

— Мистер Крамер явился для встречи с вами.

Фил пересек ковер и осторожно уселся в кожаное кресло перед массивным, красного дерева столом Рошека. Бог мой, подумал Фил, увидев выражение лица старика, ведь он выглядит так, словно собирается вцепиться мне в горло! С чего он так взбесился? Может, оттого, что у меня в руках нет какой-нибудь шапочки, которую я комкал бы, пока он будет орать на меня? Если попытается отшлепать меня так, как сестра Мария Кармелита делала это в начальной школе за стрельбу бумажными шариками, то ему самому придется защищаться.

— Вы Крамер? Выглядите вполне разумным. Почему бы вам и не вести себя так же?

— Прошу прощения?..

— Скажите, верно ли я понял: у вас нет никакого практического опыта, если не считать нескольких летних подработок в дорожном департаменте в Канзасе или еще в каком-то проклятом месте. Вы никогда не участвовали в проектировании или строительстве ни одной плотины. Вы ничего не знаете об этом предмете, кроме того, что вычитали из книжек, а это хуже, чем ничего. И все же высовываетесь с какой-то смехотворной компьютерной моделью, внушающей вам уверенность, что можете сидеть в конторе в восьмистах километрах от плотины, не видя ничего, и разбираться в ней лучше, чем люди с опытом в целую жизнь, сидящие прямо на верхушке данной плотины? Это верно?

Фил вперился в Рошека, потеряв дар речи. Он что же, смеется над ним? Или пытается пошутить?

— Нет, — смог он наконец выговорить, — это совсем неверно.

— Вот как? А что же в этом неверного?

Фил скрестил ноги и снова развел их.

— Не знаю, с чего начать. Ваша интерпретация наихудшая из возможных...

— Более того, у вас хватило наглости позвонить главному инженеру по эксплуатации прямо на плотину и заставить его поверить, что люди из его штаб-квартиры думают, будто с плотиной что-то не в порядке...

— Я не делал этого! Позвонил только для того, чтобы получить некоторые текущие показатели с измерительной аппаратуры. Он, возможно, подумал, что я говорил по телефону взволнованно, но он же не видел, о чем говорит моя компьютерная программа.

— Ему нет нужды видеть, что говорит ваша компьютерная программа вам, равно как и администрации десяти тысяч других плотин. Ему не нужны намеки какого-то новичка, будто он плохо работает. Фирма не нуждается, и я тоже, в служащем, высказывающем сомнения по поводу одного из наших сооружений. Наш успех зависит от двух вещей: способности обеспечивать техническое обслуживание на самом высоком профессиональном уровне и репутации, свидетельствующей, что мы способны обеспечить это. Уроните репутацию — и мы вылетим из нашего бизнеса, вот как все это просто. То, что делаете вы, равносильно распространению ложных слухов во вред вашему собственному нанимателю.

Фил подождал, пока не уверился, что пришла его очередь. Стараясь говорить поспокойнее, попытался изложить свою точку зрения.

— Мистер Рошек, я, несомненно, заслуживаю некоторого порицания за то, что проявил слишком много инициативы. Однако полученные данные ясно показывают, во всяком случае мне, что необходимо некоторое обследование.

— Вы не инженер. Надеюсь, осознаете это. Пока еще нет. Отнюдь не инженер.

— У меня нет инженерного диплома, это верно. В Калифорнии требуется пять лет профессионального опыта после окончания вуза, прежде чем можно подать ходатайство. У меня докторский диплом по...

— Инженер — это больше, чем просто человек с каким-то там дипломом и пятью годами опыта. Истинному инженерному искусству нельзя обучиться даже в школе, потому что это включает в себя личность человека, его стремление учитывать мельчайшую деталь, то, как он относится к материалам, с которыми работает, его ощущение истории и будущего, наконец, его целенаправленность.

Бог ты мой, подумал Фил, ведь он же не услышал ни слова из того, что я сказал! Просто использует меня, чтобы попрактиковаться в каком-то распроклятом выступлении на выпускном вечере.

— А самое важное, — продолжал Рошек, — это зрелость. Чувство пропорции. Рассудительность. Доктор ведь не скажет своему пациенту: «У вас, по всей вероятности, рака нет. Но, с другой стороны, он ведь может и быть. Мы это узнаем, когда получим результаты из лаборатории. А пока особенно об этом не тревожьтесь». Видите, как глупо это звучит? То, что делаете вы, из той же оперы. Джефферс звонил мне в Вашингтон выяснить, что же стряслось.

— Он звонил?! Я вовсе не хотел так расстроить всех. Я и не думал, что какой-то телефонный звонок может...

— Вы не думали, что могли стать причиной паники? Не думали, что произойдет, если просочится хоть слово о том, что мы обеспокоены безопасностью крупнейшей плотины в стране? Какая-нибудь секретарша подслушает часть вашего разговора, какой-нибудь оператор на коммутаторе прислушается, начнут разлетаться слухи, газеты их подхватят, политики потребуют расследования, ученые, борющиеся за эту свою окружающую среду, тоже ухватятся

за... Уж я-то навидался, как это происходит. Из ничего. Только потому, что какой-либо не в меру остроумный студент колледжа разволновался из-за бреда, выданного компьютером.

Фил почувствовал, как его щеки краснеют. Он понимал, что должен просто позволить тираде Рошека литься своим путем и не идти на риск накликать беду, давая отпор. Но чувствовал, что просто обязан как-то защищаться. Молчание будет означать, что он согласен с тем, как Рошек все извращает. Кроме того, в нем закипал гнев. Ничто в жизни он ненавидел так сильно, как обвинение в том, чего не делал.

— Сэр, я не говорил мистеру Джефферсу, что я думаю, будто в плотине что-то не так. Я выказал удивление тем, что так много измерительных приборов неисправны и протечка воды столь высока. Я в самом деле сказал мистеру Болену, причем частным образом, что, как показывает моя программа, кое-что там не в порядке. Возможно, мне следовало бы вначале обсудить это с ним до звонка на плотину, но я хотел быть уверенным, что располагаю самыми последними данными.

Фил решил замолчать, потому что на его слова явно не обратили внимания. Глаза Рошека блуждали по комнате, задерживаясь на фотографиях его реальных проектов, и названия их он произносил, как молитву.

— Синай, Маракайбо, Сен-Луи, Аляска... Эти гигантские сооружения столь же прочны, как и в тот день, когда их строительство было закончено. — Показал рукой на выставленную напоказ стеклянную коробку — с натуралистично выполненной масштабной моделью какой-то плотины в скалах, окаймленной крохотными деревцами на склонах у ее границ и с полоской дороги, проходящей посередине ее гребня. — А это вот плотина в ущелье Сьерра. Узнаете? По всей вероятности, нет, поскольку ваши познания ограничиваются абстракциями учебников. И в безопасности ни одного из этих сооружений, к

проектированию которых приложила руку наша фирма, никогда не высказывалось ни малейшего сомнения. И ни одно не потерпело аварий какого бы то ни было рода. Инженерные сооружения рушатся, да, обычно из-за того, что не были должным образом оценены условия закладки основания. Карл Терзаги, отец современной почвенной механики, сказал, что когда матушка природа замышляла рельеф земной коры, она не следовала спецификациям Американского общества проверки материалов.

«Я просто школьная публика, вот кто я», — сказал про себя Фил, любопытствуя, сколько же еще он способен вынести, прежде чем вскипит негодованием.

— Сооружениями, которые проектировал Я, будут пользоваться еще двести лет, если они понадобятся цивилизации будущего. Подобная долговечность — результат искусства, упорной работы, интуиции и бескомпромиссного требования самой высококачественной работы на каждом этапе. Когда осуществляется подобная концепция проектирования, сооружениям ничто не грозит.

«Неужели Рошек и вправду верит в это?» — подумал Фил. В то, что если искусный инженер сделает все, что в его силах, то ничто уже не может испортиться? Такое предположение абсурдно само по себе. А Рошек все глазеет восхищенно на свою выставочную коробку.

— В плотину в ущелье Сьерра, мнимой непрочностью которой вы безумно одержимы, проектом заложена долговечность в триста лет. Это поворотный пункт в инженерном деле, и вовсе не из-за ее высоты и соотношения между стоимостью и обусловленными ею выгодами.

— Нет у меня никакой одержимости, — спокойно возразил Фил, — разве что в отношении одной компьютерной программистки, с которой недавно познакомился.

— Плотина — самое безопасное сооружение, я заверяю вас, что в нем безупречно все, от геофизических

исследований и до системы текущего контроля и обслуживания. Я настоял на том, чтобы она была насыщена самой обширной сетью датчиков, которая когда-либо встраивалась в плотину.

— Половина этих датчиков уже не действует.

— Это включает в себя также и проблему справедливости. Проблему процентного соотношения. Чистоты. — Рошек оттолкнул инвалидное кресло от стола и посмотрел на свои ноги. — Меня поразили полиомиелит всего за два года до того, как была изобретена вакцина, которая бы спасла меня. Для одной жизни это довольно сильное невезение и несправедливость. — Он поднял глаза и на мгновение показался взволнованным из-за того, что допустил с Крамером нечто более личное, чем намеревался. Пытаясь исправить это, сердито взглянул на Фила, словно тот был виновен в такой неосторожности. — Так, я уже потратил на это слишком много времени. Мне нужно сказать вам только одно. Перестаньте заниматься этой плотиной, ясно? Если вам угодно валять дурака с вашими школьными компьютерными моделями, пользуйтесь вашими собственными компьютерами и вашим собственным временем. Это все. Можете идти.

Он начал собирать со стола бумаги и складывать в свой дипломат. Фил, утопая в кресле, наблюдал за эксцентричным спектаклем старика. Если он правильно понял его последнее высказывание, Рошек полагает, что его сооружения не могут отказать, потому что это случилось уже с его ногами и есть, мол, предел невезения, которое может выпасть на долю одного человека. И это всемирно известный инженер, образец логики и объективности?!

— Ну? — сказал Рошек, взглянув на него. — Я же сказал: можете идти.

Фил выпрямился, но не встал с кресла.

— Мистер Рошек, — сказал он, — вы были очень несправедливы. Я надеялся, что вы дадите мне по меньшей

мере минуте, чтобы я мог объяснить свои действия. В свою защиту я мог бы подчеркнуть, что...

— Что вы хотите сказать этим «в свою защиту»? — оборвал Рошек. — Здесь не суд. Я плачу вам жалованье и потому вправе приказывать делать все, чего бы я от вас ни потребовал. И вот я приказываю, чтобы вы бросили заниматься плотиной в ущелье Сьерра. Вы уже причинили достаточно неприятностей, и я хочу положить этому конец. Вчера, как вы, возможно, знаете, а может быть и нет, я принес присягу в качестве президента Американского общества гражданских инженеров. Вам следовало бы прочитать этический кодекс. Согласно параграфу второму, инженеры должны действовать только в пределах своей компетенции.

— Я был президентом студенческого общества в колледже, — отчасти для самого себя сказал Фил, — и тоже знаком с этическим кодексом. Согласно параграфу первому, инженеры должны ставить вопросы безопасности, здоровья и благосостояния населения выше всего прочего.

— Что? Что вы сказали?

Фил встал, щеки его горели, сердце отчаянно колотилось. Он громко сказал:

— Я не заслужил того, чтобы на меня кричали и третировали меня, как младенца! — Фил сам удивился, что вообще способен что-то говорить. — В течение нескольких последних недель я был ближе к этой плотине, чем вы. Это верно, что еще до возведения сооружения в фундаменте было пробурено множество дренажных скважин, но случившееся пять лет назад землетрясение, возможно, изменило все это. И неправда, что ни одно из ваших сооружений никогда не оспаривалось: эта плотина после землетрясения протекает так сильно, что закупорка этих трещин обойдется в два миллиона долларов. Водохранилище этой весной заполнялось на пятьдесят процентов быстрее, чем вы сами рекомендовали пять лет назад.

Рошек был настолько изумлен таким взрывом, что не сразу смог заговорить. Его рот открылся и закрылся, а брови поползли высоко на лоб. Фил вырвал листок бумаги из блокнота и бросил его на стол.

— Здесь самые последние данные о протечке воды в галерее D. В каждом случае они выше, чем предусмотрел Теодор Рошек в технических условиях. Кто-то должен прямо сейчас отправиться туда, вниз, и все осмотреть, потому что на следующей неделе может оказаться слишком поздно.

Рошек скомкал этот листок бумаги в шарик и запустил им в стену. Он наконец обрел голос, и очень громкий.

— Я не нуждаюсь, чтобы вы объясняли мне, как надо заботиться о плотине. Я приказал вам явиться сюда не для того, чтобы выслушивать студенческие рассказы. Они сейчас еще более неуместны, чем прежде, потому что вы уволены! Убирайтесь! Если сегодня утром окажетесь за своим рабочим столом, я арестую вас за вторжение в частное владение!

Фил попытался громко хлопнуть дверью, когда выходил из кабинета, однако гидравлические петли сделали это невозможным.

Глава 12

Джанет Сэндифер с трудом смогла узнать голос по телефону.

— Это ты, Фил? — спросила она, улыбаясь и хмурясь одновременно. — Голос у тебя забавный. Уж не проигрыватель ли я слышу?

— А я ждал, когда ты вернешься с обеда. Ну да, точно, это проигрыватель. Я тут в баре на улице Фигуэроса, провожу кое-какие исследования. Пытаюсь выяснить, можно ли вылакать пятьдесят бутылок пива и все еще удерживать этот бассейн в себе. Пятьдесят бутылок «Червезы». Полагаю, должен сказать, это какой-то мексиканский наркотик. А

потом собираюсь покататься на роликовых коньках по шоссе.

— О чем ты говоришь?

— Тут есть один из этих маленьких игральные столиков-автоматов. ну, знаешь, что я имею в виду? Там, как в бильярде, скачут восемь больших шаров. Я ввязался в такую игру в пул с каким-то незаконно проживающим здесь — уточним, с виду иностранцем, — я таких в жизни не видывал. Я на два доллара впереди, хотя не играл is этот самый пул уже несколько лет! Должно быть, одарен от природы.

— А что насчет Рошека? Ты с ним говорил?

— Если бы ты была здесь, ты могла бы войти со мной в долю. Рошек? Имеешь в виду знаменитого инженера, который хапает все престижные награды? Да, я с ним говорил. Ну, я уж и поговорил с ним! Практически сказал ему, чтобы он пошел и трахнул сам себя. Да, я говорил с ним, это точно. Джанет, у этого мужика что-то с мозгами. Это самая непонятная история, с которой я когда-либо сталкивался. Я не шучу. Кто-нибудь должен срочно притащить его к психиатру, прямо через вход для неотложных случаев. Господи, я слышал о его скверном характере, но не знал, что он сумасшедший. Он говорил о моей смехотворной компьютерной программе и назвал меня студентом-новичком, пытающимся разорить его фирму. Сказал, что, если увидит меня где-нибудь там снова, арестует за вторжение в частное владение. Это было невероятно! Расскажу, когда увидимся, и ты подумаешь, что преувеличиваю. Этому старому пердуну нужна помощь! Я, понимаешь ли, аккуратноенько напечатал на листе бумаги-данные по той протечке воды, чтобы он мог с одного взгляда уяснить ситуацию, и знаешь, что он с ним сделал? Шмякнул об стену!

— Фил, подожди минутку. Ты что, хочешь сказать, будто тебя уволили?

— То, что я хочу сказать... ну да, меня уволили. Я пришел туда, ожидая мягкого выговора. Думал, выйду из кабинета, считая Рошека в конечном счете милым парнем. И вместо того, мой Бог, он набросился, словно я убийца с топором. А самое невероятное то, что я возражал ему и пытался защищаться. Глупо. Хочу сказать, это было глупо. Я имел дело с безумцем, и следовало держать свой длинный язык за зубами. Но это же я, старый, добрый, болезненно застенчивый Фил Крамер, спорил с ним, как студент-несмышлениш, кем я, по его словам, и был. А в конце в самом деле стало ужасно. Когда мы принялись швырять друг в друга цитатами из этического кодекса Американского общества гражданских инженеров.

— О, Фил, мне так жаль! Я знаю, как сильно нравилась тебе такая работа.

— Найду другую. Теперь-то смогу сказать, что у меня есть трехнедельный опыт.

— Если Рошек уволил тебя в гневе, быть может, примет обратно, когда поостынет.

— А я откажусь! Мне нравилась та работа, конечно, пока я не встретил его. Тебе надо бы видеть, как он на меня орал, видеть эти болячки по всему его лицу, огромные бородавки на носу и руках, сломанные желтые зубы, испарения и зловоние, исходящие от него, зеленую серу, сочащуюся из ушей... Работать на него снова? Ни в коем случае. Нет, даже если бы он дал мне внушительную прибавку.

— Потому ты и решил упиться в стельку, так?

— Собираюсь стать профессиональным игроком в пул. Этаким энтузиастом, переезжающим из города в город. А ты со мной за компанию. Будешь снабжать меня простачками, а я уж состригу с них денежки. Джанет, это будет удивительная бродячая жизнь! Мы только вдвоем, одни на открытой дороге!

— У меня идея получше. Приходи сегодня вечером с какой-нибудь зеленью. Я подогрею что-нибудь на обед, а попозже поглажу тебя по головке.

— Великолепная перспектива!

В середине дня Герман Болен сумел выбраться из зала заседаний и позвонил по телефону. И снова ему ответили, что о Джефферсе так ничего и не слышно.

— А Чака Дункана случайно нет поблизости? — спросил Болен, подумав, что молодого инспектора можно бы отправить в нижнюю галерею посмотреть, не стряслось ли там что-нибудь.

— Чак уже ушел совсем, — ответил инженер с электростанции. — Думаю, собирается порыбачить на озере весь уик-энд. Мне что, попытаться разыскать его?

— Нет, в этом нет необходимости. Просто проверьте, чтобы мистер Джефферс звякнул мне, как только появится.

Болен вернулся в зал заседаний и снова сел между Рошеком и Филиппи. Стол был покрыт чертежами, картами и экономическими отчетами, но Болену было трудно сосредоточиться на предмете обсуждения — наиболее дешевом варианте надстройки Секвойской плотины. Было только три часа, так что, если Ларри уехал в Сакраменто, забыв о своем обещании перезвонить, он вряд ли еще вернулся. А между тем беспокоили и более неотложные проблемы, которыми следовало заняться, и одна из них — неучастие Рошека в обсуждении. Он приехал на час позже и казался странно подавленным. Временами закрывал глаза и лоб. Болен и сам почти ничего не внес в дискуссию, разве что несколько глубокомысленных взглядов и уклончивых пожатий плечами. Славу Богу, Филиппи проделал свою домашнюю работу и теперь выдвигал альтернативы, хорошо подкрепленные фактами. Запутанность его анализа пока что не позволяла инженерам из компании Эдисона заметить, что оба начальника Филиппи по фирме «Рошек, Болен и Бенедитц» только занимали кресла. Рошек ожил и

достаточно долго объяснял, что если рентабельность новых турбогенераторов, которую рекламировала компания «Мицубиси», окажется реальной, то было бы более чем практично оснастить Секвойскую ГЭС гидроаккумулирующим насосом. Мысль отличная, но, к сожалению, она была уже тщательно обсуждена до приезда Рошека. Инженеры из компании Эдисона выслушали его почтительно, а потом вернулись к проблеме минимального воздействия на окружающую среду во время строительства. На самой строительной площадке глины не обнаружено, и, если не удастся найти ее где-нибудь поблизости, придется соорудить длинную дорогу для транспортировки, чтобы оправдать свой гонорар консультанта в сотню долларов за час. Болен предложил, что стоило бы изучить рентабельность доставки глины ленточным транспортером, в особенности если карьер будет расположен выше точки разгрузки. Он напомнил собравшимся, что во время строительства железнодорожной насыпи через озеро Грейт-Салт наклонный транспортер, оснащенный генераторами, вырабатывал достаточно энергии, чтобы обеспечить работу землеройных машин с электроприводом.

Ровно в два часа дня Фил снова позвонил Джанет и сообщил:

— Я передумал. Не собираюсь становиться бродячим мастером пула. Уже проиграл три доллара и думаю, что пижон, с которым играл, — просто мошенник из Хошимилько. Я сломал бы ему большие пальцы, если бы он не был таким громоздким ублюдком. Джанет, хочу проверить там эту утечку сегодня же вечером. Собираюсь съездить на машине на север Калифорнии. К этой плотине. По междуштатской дороге номер пять смогу добраться туда часов за семь-восемь. И не пытайся отговорить. Все, что у меня есть в жизни, кроме собственного здоровья и твоего номера телефона, это компьютерная программа, которую величайшие в мире инженеры считают куском дерьма. Хочу

своими глазами увидеть ущелье Сьерра. Попытаюсь проникнуть в дренажные галереи. Если там ничего плохого нет, что ж, ладно, тысяча извинений. Ну что они смогут со мной сделать, если попытаюсь доказать, что там кое-что не в порядке? Меня все равно уже уволили. Если внутри просачивается слишком много воды, что тогда окажется куском дерьма? Дамба или моя программа? Я или Рошек?

— Твоя первая идея мне понравилась больше.

К тому времени, когда конференция в Южно-калифорнийском отделении компании Эдисона закончилась, движение на Голливудской автостраде заметно поубавилось. Герман Болен легко перестроил свой «Мерседес-300СД» в скоростной ряд. Он высадит Рошека у его дома в Беверли-Хиллз и вернется на работу, чтобы привести в порядок кое-какие бумаги перед уик-эндом. Одно из неотложных дел — как-то решить проблему с Джефферсом, даже если придется звонить по больницам. Теодор Рошек был надежно пристегнут к сиденью рядом с ним. Рошек пользовался ремнем безопасности, только когда ездил с Боленом, — это был способ показать компаньону, что он не одобряет его неуместно лихаческих замашек.

— Твой облик обычно выражает благоразумие и пристойность, как и должно быть, — сказал он как-то Болену после одного случая. — Только за рулем ты становишься ненормальным, как подросток. Думаю, ты был бы счастливее, избрав профессию летчика-испытателя, а не инженера.

Болен мог бы отплатить Рошеку, подчеркнув, что и его облик не мешает несколько улучшить. Серая фетровая шляпа, которую он всегда носит, делает его похожим на персонаж старого фильма Хэмфри Богарта. Не охаивая шляпы впрямую, Болен как-то предложил купить новую. Рошек отказался, заявив, что шляпа, которая у него уже есть, прекрасна.

— Она вроде моего старого друга, — пояснил он, — так же, как и мой счастливый амулет.

— Только не упоминай о счастливых амулетах при наших клиентах, — ответил Болен и совсем уж юмористически подумал про себя: потому что они могут захотеть, чтобы мы использовали аппаратуру и методы более практического свойства. — А как прошла беседа с Крамером? — спросил Болен, желая поддержать разговор, а заодно и удовлетворить свое любопытство. — Впечатляющий молодой человек, не правда ли? Все еще немного с молоком на губах.

Рошек, всецело поглощенный своими мыслями, снова пристально взглянул на Болена.

— Беседа с Крамером? Прошла очень хорошо. Я его уволил. — И, заметив тревогу на лице Болена, добавил: — Я знаю, он твой протеже, но у меня не оставалось выбора. У него хватило наглости явиться в мой кабинет, смотреть мне прямо в глаза и поучать, как мне следует вести свой бизнес. В жизни не встречал подобного нахальства. Его, должно быть, в свое время мало пороли.

Болен с минуту долго смотрел перед собой.

— Никаким уж особенным моим протеже этот юнец не был. — Он старался говорить небрежным тоном. — Просто показался смышленным и серьезным. Я полагал, он сможет дорасти до ценного сотрудника. Удивляюсь, неужели он сказал нечто такое, что тебя взбесило?

Болена интересовало, не стоит ли попытаться убедить Рошека отменить увольнение, по крайней мере, до тех пор, пока не удастся оценить ситуацию на плотине. Необходимость экстренных мер сомнительна, но если бы что-то случилось... Пресса могла бы узнать, что некий человек, попытавшийся подать сигнал тревоги, уволен за свое равнодушие.

— Так ли уж необходимо выгонять его? — рискнул спросить он. — Это немного смахивает на крайность.

Болен напрягся на случай возможного взрыва. В последние несколько лет даже легчайший намек на то, что какое-либо из решений Рошека кажется Болену не абсолютно совершенным, мог вызвать вулканическую реакцию. Но Рошек ответил спокойно:

— Надо было либо уволить, либо передать фирму ему, чтобы он управлял ею по-своему, а мне вернуться в чертежный отдел. Возможно, я был несколько жестковат с ним. Он принялся что-то болтать о своей смехотворной компьютерной модели, и это было больше, чем я мог вынести. Я сказал, чтобы он не совал своего носа в то, чего не понимает и что его не касается, а он повысил на меня голос, что в его положении не слишком остроумно. Ему следовало бы знать, что я не выношу этого. Дабы услышать самого себя, мне пришлось орать. Я уже много лет ни на кого не кричал... хочу сказать, не кричал по-настоящему. Мне это почти понравилось. — Рошек передернулся от страха, когда Болен, резко повысив скорость, прорвался в небольшую брешь в соседнем ряду. — Герман, не мог бы ты снизить скорость процентов на сорок–пятьдесят? Ты ведь не Пол Ньюмен. Взгляни в зеркало, сам убедишься.

Болен снял ногу с педали акселератора, перебрался в правый ряд и проехал на запад к бульвару Санта-Моника. Оба опустили защитные козырьки, чтобы заслониться от лучей заходящего солнца.

— А мне скорее нравится энтузиазм этого Крамера, — сказал Болен. — Его увольнение может плохо отразиться на делах фирмы. Я вот что думаю...

— Нам надо обсудить проблемы посерьезнее. Тебе и Кальвину, возможно, придется самим управлять делами в ближайшие несколько лет.

После неожиданного заявления Рошек рассказал о встрече с помощником президента. Он отмахнулся от попыток Болена поздравить его, подчеркнув, что назначение еще только, возможно, предстоит.

— Рассматриваются и другие кандидатуры. Я, правда, верю, что мои шансы повыше. Не должно быть никакой негативной гласной информации о нашей фирме. Не должно быть никакого колоритного моего со Стеллой бракоразводного процесса, что в данный момент моя главная проблема.

— Боже мой, Теодор! Стелла хочет развестись?

— Не отводи глаз от дороги. Да, она обрушила это на меня прошлой ночью в Вашингтоне. Ее доводы выглядят надуманными. Я не буду докучать, излагая их, скажу только, что кое-какие причины у нее имеются. Сегодня вечером я должен использовать единственную, последнюю возможность отговорить ее от этого шага.

— Неудивительно, что сегодня днем ты был таким тихим! Я-то думал, плохо себя чувствуешь.

— Нет-нет. Мне плохо при мыслях о будущем, которое эта неблагодарная сука — извини, но именно так я теперь о ней думаю — навязывает мне. Если подаст заявление в суд и потребует, чтобы я был привлечен как ответчик, тогда, думаю, мои шансы получить это назначение станут равны нулю. У меня создалось впечатление, что в Вашингтоне предпочитают жен, умеющих давать званые вечера, а не клеветать на мужей. Я не могу позволить ей разорить меня и нашу фирму. И я ей этого НЕ ПОЗВОЛЮ.

«Мерседес» сделал несколько поворотов по улицам, обсаженным двенадцатиметровыми пальмами. Дом Рошека был в испанском стиле: толстые стены, красная черепичная крыша и широкая лужайка, по краям которой высажены кактусы и другие суккуленты. Автомобиль проскользнул вверх по изогнутому въезду и остановился у парадного входа. За двустворчатой кованой металлической калиткой виднелась двустворчатая же резная деревянная дверь.

— Подожди, пока не убедишься, что я уже внутри, — попросил Рошек, пытаюсь сообразить, как расстегивается ремень безопасности. — Она могла поменять замки.

— Хочешь, подкачу туда твоё кресло?

— Нет, дай уж мне самому побороться с ним. Если она наблюдает из окна, возможно, почувствует прилив сострадания. Ты только достань из машины кресло и подай костыли. Как, черт подери, ты расстегиваешь эти ремни?

Болен дотянулся до него и нажал разъединительную защелку. Коленный и плечевой ремни спокойно оттянулись к своим коробочкам.

— Ты, Теодор, никогда не ладил с мелкими механическими устройствами, ведь так? Если какая-нибудь штука не состоит из минимум пятисот движущихся частей или если она не стоит десяти миллионов долларов, она не удостоивается твоего внимания.

— Тогда почему же я не уделяю побольше внимания своей жене? Она, возможно, стоила мне десяти миллионов долларов. Конечно, у нее только одна движущаяся часть. Рот.

Болен обошел автомобиль, достал с заднего сиденья складное инвалидное кресло и привел его в рабочее состояние. Рошеку удалось самостоятельно выбраться из машины и забраться в кресло, а Болен, передавая костыли, решил в последний раз рискнуть коснуться вопроса о Крамере и о плотине:

— А ты случайно не взглянул хоть мельком на данные о протечке воды, которые собрал Крамер? Он говорил, что собирался узнать твоё мнение о них.

— Он дал какой-то листок бумаги, — сказал Рошек, поворачивая своё кресло в сторону от машины. — Я его скомкал.

Болен печально покачал головой.

— Протечка довольно высока. Возможно, следует сделать дополнительную заливку жидким раствором. Я звонил Джефферсу вчера вечером и просил посмотреть, что делается в нижних галереях.

Рошек взглянул на Болена с легким раздражением.

— Ну и что он обнаружил?

— С минуту на минуту жду звонка.

— Дай знать, что он скажет. А сейчас извини, мне надо отправиться на свидание с любимой женой.

Болен коснулся руки Рошека, задерживая.

— Все-таки нужно учесть возможность того, что Крамер ненароком наткнулся на что-то серьезное.

— Черт тебя побери, Герман, ты на чьей стороне: моей или этого проклятого сосунка?

— Я на твоей стороне и на стороне фирмы, — сказал Болен ровным голосом. — Но могли появиться новые протечки, а это потребует заливки жидким раствором, реставрации дренажной системы, понижения уровня водохранилища и мало ли чего еще. Мы можем спокойно проделать все эти ремонтные операции, не ставя в известность общественность, при условии, что у нас не будет рассерженного уволенного служащего, который станет повсюду бегать и вопить об этом. Крамер может заявиться в какую-нибудь газету и за наш счет сделать из себя героя. Нам, как ты сказал, не нужна никакая скверная гласность.

Рошек обмяк в кресле.

— О Господи, — сказал он сквозь зубы, — будто мне и без того не о чем думать.

— Предположим, я сообщу, что ты хочешь дать ему еще один шанс.

— Ты имеешь в виду — принять обратно? Извиниться перед ним? Мое положение не настолько безнадежно.

— Да тебе даже не придется встречаться с ним. Я скажу ему, что ты, мол, согласился назначить его в наш лондонский филиал. Я еще не встречал человека, который не скакнул бы с радостью в Лондон. Это отвлечёт его мысли от ущелья Сьерра. А через полгодика или через год, когда это уже не будет выглядеть связанным с неполадками на плотине... даже если там есть какие-либо неполадки, мы его уволим.

— Ладно. Это мне нравится. Только не упоминай больше его имени в моем присутствии.

Болен вернулся на место водителя. Он понаблюдал, как Рошек толчком распахивает калитку, вкатывается в дверь и ищет свой ключ. Когда дверь наконец распахнулась, Рошек обернулся и многозначительно изрек:

— Пожелай мне удачи.

Болен успокаивающе помахал, а потом отпустил тормоза и покатился вниз по въезду, к улице.

Направляясь на восток от Санта-Моники к автостраде, он наметил в уме порядок дел, за которые примется, когда доберется до конторы, ибо усвоил, что время используется наиболее эффективно, когда приоритеты определены заранее: сначала дела срочные, которыми нужно заняться немедленно, затем те, что не особенно пострадают от небольшой задержки, и наконец с «блуждающим сроком» (термин составителей графиков работ). А уже затем можно наброситься на дела в приоритетной последовательности. В первую очередь он позвонит Крамеру и сообщит «хорошие новости». Потом разыщет Джефферса, где бы тот ни оказался. И, наконец, выделит себе полчаса — и ни минутой больше! — чтобы помечтать о том, как он станет руководить фирмой в отсутствие Рошека.

Часть вторая

Гонка

Глава 13

Из старенького «мустанга» Фила, не подвергаясь неустрашимой тряске, можно было выжать не более ста пятнадцати километров в час, поэтому он и придерживался такой скорости, не забывая поглядывать одним глазом в зеркальце заднего обзора: нет ли признаков дорожной полиции. В скоростном авто он мог бы с абсолютной безопасностью ехать вдвое быстрее, так как междуштатное шоссе номер пять, проложенное по центральной долине Калифорнии, было шире, прямее и глаже любой другой автострады. Пожалуй, даже слишком широкое и прямое. Водители впадали в азарт, разжигаемый монотонностью, своеобразной гонки за лидером. Автомобили, невинно припаркованные у обочины, порой подвергались неоднократным наездам сзади.

Вероятность того, что Фил задремлет и попытается прокатиться по какой-нибудь припаркованной машине, была очень небольшой. Слишком возбужденный важностью своей миссии и слишком осведомленный о значении местности, через которую проезжал, ибо о ней часто рассказывал его отец, он вел машину, сжимая рулевое колесо обеими руками и наклонившись вперед в подсознательном усилии заставить машину мчаться быстрее своих возможностей. Он замечал каждый дорожный знак, каждую черту ландшафта, удивленный тем, сколь многое кажется ему неуловимо знакомым. Как следовало из отцовских рассказов, Центральная долина была колыбелью технического прогресса и своего рода выставкой инженерных достижений.

Отец Фила, Карл Крамер, был смотрителем дорог в округе Сэдживик. Такая работа весьма престижна в окрестностях Вичиты, однако, как обнаружил Фил, став служащим фирмы «Рошек, Болен и Бенедитц», для уха калифорнийца это звучало забавно и провинциально. Фил любил своего отца, восхищался им и всегда сильно по нему скучал. Порядочность, сердечность постоянно погруженного в раздумья трудолюбивого отца казались такими же прирожденными, как тембр голоса или цвет глаз. Круг его интересов выходил далеко за пределы обязанностей мужа, отца и окружного инженера. Он всерьез изучал историю инженерного дела. Человек, как он утверждал, не вправе считать себя образованным, пока не изучит историю собственной профессии. Он сам был одним из самых образованных людей в мире. Едва ли проходил год без того, чтобы университеты, высшие учебные заведения города Канзас и штата Канзас не предлагали ему разработать курс истории техники для инженерных факультетов. Но он всегда отвергал эти предложения, хотя все-таки читал по несколько лекций в год в каждом из них. Ему нравилась его малообременительная работа в округе, нравилось разъезжать по дорогам от фермы к рынку — в основном его творениям, то и дело останавливаясь, чтобы поболтать с фермерами, владельцами ранчо, полицейскими и торговцами. Его профессиональные амбиции сосредоточились на сыне. Отец умер, когда Фил был аспирантом первого года обучения. «Продолжай работать хорошенько, — наставлял отец в последнем письме. — У тебя есть кое-какие способности, и нет нужды говорить, что ты далеко можешь пойти». Он утверждал подобное так часто и с таким убеждением, что Фил временами почти верил ему.

Фил посмотрел на восток, где горизонт застилала тонкая дымка тумана. За этой дымкой лежала Сьерра-Невада, там, по рассказам отца, возведены плотины более крупные, чем где-либо еще на земле. Дюжина мощных рек устремлялась с

высокогорья к подножиям холмов, чтобы влиться в текущую на север реку Сан-Джоакин. Это были такие реки, как Кингс, Мерсед, Туолумн, Станислаус и Америкен. На некоторых из них соорудили так много дамб, что вода там текла почти уступами, прямо-таки каскадом, на всем протяжении. Миновав одну дамбу, устремлялась к другой. Дамбы у Мамонтова озера, Пайн-Флэт, Уишон, Кортрайт, Дон Педро, Парди и Каманчи — Карл Крамер мог их перечислить — дамбы в обмен на энергию, вырабатываемую дикими реками, регулировали паводки, создавали озера для отдыха, поили Сан-Франциско и Лос-Анджелес, а также подавали воду для ирригации, что превратило пустыню в фантастический регион производства сельскохозяйственной продукции. Десять процентов валового сбора в США поступало из Центральной долины протяженностью всего шестьсот пятьдесят километров благодаря воде из горных водохранилищ, распределяемой по гигантской сети каналов и трубопроводов.

К востоку от Сан-Франциско междуштатное шоссе номер пять проходило мимо Стоктона, замечательного, по всей видимости, городка с населением сто пятнадцать тысяч человек, о котором большинство некалифорнийцев никогда и слыхом не слыхивали. В первые десятилетия двадцатого века в Стоктоне была разработана серия землеройных машин, революционизировавших способы планировки земли при ирригации, строительстве дамб и дорог, рытье каналов и даже ведении войн. Небольшая стоктонская промышленная фирма «Холт и Бест», позднее перебазировавшаяся в Пеорию, штат Иллинойс, уже как «Катер-пиллар трактор компани», разработала гусеничный двигатель со стальными треками, что обеспечило сельскохозяйственным и строительным машинам возможность работать на рыхлой и болотистой почве, а также привело к созданию гусеничного трактора-вездехода и военного танка. Несколько механиков из Стоктона экспериментировали с навесными стальными

ножами, чтобы можно было сгребать грунт и перемещать его без транспортных средств. Так были созданы бульдозер и автогрейдер. А в тридцатых годах некий веселый, огромного роста сварщик по имени Боб Ле Турне, богобоязненный любитель цитировать Библию, объединил бульдозер, погрузчик и грузовик-самосвал в единую машину, которая могла самостоятельно рыть, перевозить и распределять грунт. Скрепер, так назвали этот гибрид, для которого характерны огромные шины и двигатель, расположенный над передним мостом, теперь популярен во всем мире. Позднее Ле Турне перевел свое сборочное предприятие из Стоктона в Лонгвью, штат Техас, и там в свободное от работы время основал колледж, где техническое обучение сочеталось с изучением Священного писания.

Фил заметил, что несколько раз на трехсотдвадцатикилометровом отрезке пути между Бейкерсфилдом и Стоктоном шоссе пересекало Калифорнийский акведук или шло параллельно ему. От своего отца Фил знал, что этот акведук был частью самой грандиозной водораспределительной системы из когда-либо построенных. Чтобы после второй мировой войны перебросить воду из северной части штата, где она понапрасну изливалась в море, в Центральную долину и в бассейн Лос-Анджелеса, где в ней нуждались, Калифорния израсходовала два миллиарда долларов на постройку восемнадцати плотин, пяти электростанций, пятнадцати насосных станций и шестисот девятнадцати километров каналов. Калифорнийский акведук шириной девяносто метров, протянувшийся с севера на юг, по пропускной способности соперничал с крупнейшими реками мира.

Даже то шоссе, по которому ехал Фил, считалось одним из выдающихся достижений гражданского строительства. Междуштатное шоссе номер пять между Бейкерсфилдом и Модесто было самым длинным главным шоссе из когда-либо построенных заново на полосе отчуждения: двухполосная

лента бетона длиной триста двадцать километров протянулась через пустынные нижние склоны горной цепи Коуст, обходя стороной города и деревеньки. Когда шоссе открыли, на нем не было ни единой комнаты отдыха или бензоколонки.

В окружении столь многих супердостижений и столь насыщенной истории инженерной мысли Фил интересовался, не подойдет ли и он сам для какой-нибудь книги рекордов. Он, вероятно, самый самонадеянный, безрассудный, подверженный мании величия и, уж конечно, самый смешной молодой инженер в мире. Едет же он по этой стране чудес, где реализованные знаменитые проекты и справа и слева и у него под ногами, а он направляется к одному из самых знаменитых, чтобы доказать, если сможет, что этот проект представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности. Фил Крамер, студент-несмышлениш из Вичиты, штат Канзас. Ничего себе шуточки! Ему следовало бы оставаться дома, где он знал, что думают окружающие, и то, что они строили, не выходило за рамки понимания. Быть может, проектирование бордюрных ограждений и водосточных желобов, сосуществование с мамочкой — для него самый лучший образ жизни, невзирая на мечты отца. В Канзасе человек может и ошибиться, и выставить себя дурачком, но на фантастическом уровне Калифорнии это недопустимо.

Ну вот, доберется он до плотины, и что тогда? Он еще так и не решил, что станет делать, если тамошние ответственные лица посмеются над ним и захлопнут дверь перед его физиономией. Быть может, все это путешествие ошибка, о которой будет сожалеть до скончания дней. Он действовал эмоционально, разгневанный несправедливым увольнением, и надеялся отыскать нечто такое, что приведет в замешательство Теодора Рошека, единственную личность в мире, которую он когда-либо ненавидел. Вряд ли это был

здоровый импульс для начала инженерного расследования. Ему бы следовало посидеть и спокойно все обдумать.

«Как ты собираешься объяснить происшедшее своей матери, — спрашивал он себя, ослабляя нажим на педаль акселератора, — в особенности если окажешься за решеткой? Как ты собираешься объявить, что ее гордость и радость развеяны по ветру и ты лишился безусловно замечательной работы из-за того, что соизволил наорать на президента фирмы? Ну, мама-то все равно захочет, чтобы ты поскорее прилетел домой, где она сможет прижать холодное полотенце к твоему лбу. Ты, должно быть, такой же ненормальный, как и глупый. Ну а Джанет? Должна же она была понять, насколько ты ошалел от слишком большой дозы мексиканского пива, и отговорить тебя уезжать из города. Твой отец так бы и поступил, если бы был жив. А может, нет? Он ведь верил, что нужно раскапывать факты и, опираясь на них, действовать».

Фил проезжал Сакраменто. Сквозь правое окно машины увидел, как лучи заходящего солнца отражаются от купола здания администрации. Если он собирается вернуться или провести ночь в каком-нибудь мотеле, то это отличное место для остановки. Здесь же был наклонный выезд вправо. Он оставил его позади, нажал на газ и перестроился в скоростной ряд.

— Я уже спокоен, — громко сказал он. — Я должен все обдумать. Возвращаться теперь, после того как он забрался так далеко, — только доказать, что он сумасшедший. А если поспешить к Саттертону, до которого всего-навсего полтора часа езды, то самое худшее, что может случиться, — это то, что он окажется не прав. Так лучше оказаться неправым, чем сумасшедшим. «Когда ты чувствуешь, что в чем-то прав, — говаривал отец, — не отступай от своего, пусть даже на тебя обрушатся ад или наводнение».

Ад и наводнение... Если его теория верна и он начал действовать слишком поздно, то здесь как раз можно получить вдоволь того и другого.

Кондиционер в окне над раковиной воинственно гудел, но жара к концу дня в Стоктоне была слишком сильной даже для него. Эмиль Хассет сидел за кухонным столом напротив сына, пот катился с его лица к складкам шеи. Он отстегнул кобуру и снял китель униформы охранника, а потом закатал рукава выше локтей. Когда оторвал предплечья от клеенки, звук был — словно рвут бумагу. Откинувшись в кресле, сумел дотянуться до холодильника и достал еще две жестянки пива «Курз». Одну толкнул через стол.

— Ты ведь не подставишь меня, как цыпленка, а, Фредди?

— Если тебя сцапают, легавые выйдут на меня. А у меня ведь даже испытательный срок еще не кончился.

— А что они смогут доказать? Если не увидишь спускающегося по дороге бронегрузовика, сядешь в аэропорт на обратный рейс — и ты в безопасности. Господи, да посмотри на это, как я. Никогда раньше не прыгал с парашютом, а ты это делаешь каждый уик-энд.

Фредди Хассет, невысокий мужчина с жидкой каштановой шевелюрой, чувствовал себя неуютно. Он еще не пришел в себя после возвращения из тюрьмы Сан-Квентин, где провел три тяжелейших года за то, что во время шумной ссоры в баре пырнул противника ножом.

— Можешь вступить в клуб и сделать несколько прыжков, чтобы попрактиковаться. А без этого уж как пить дать сломаешь себе шею.

— Да у меня просто шанса такого не будет. Я собираюсь спрыгнуть с самолета единожды в жизни, и это случится завтра. А ты будешь точнехонько позади меня. С двумястами тысячами баксов по крайней мере.

— И с Ллойдом, стреляющим в нас все время спуска.

— Черт подери, дай уж мне позаботиться о Ллойде. Он вернется в универмаг и станет соображать, как позвонить легавым. Своей пушкой пользовался только раз за пятнадцать лет, и то для того, чтобы расколоть рукояткой несколько грецких орехов. Когда отъеду и оставлю его у пристани, он от удивления будет целый час искать свою кобуру. Ты что же, хочешь провести остаток жизни в Стоктоне, пощипывая кассу в залах для игры в пул, гоняясь за дешевыми кошечками и ввязываясь в поножовщину? Жить на этой свалке со своим стариком, который тоже никуда больше не собирается? Мэри Лу была права. Вчера ночью она сказала, что мы с тобой вечно проигрывающие. А теперь мы нашли способ выиграть... крупно выиграть.

— У тебя-то, во всяком случае, есть постоянная работа.

— Конечно, есть. Двенадцать лет и дня не пропустил. А они так до сих пор и платят мне четыре с половиной бакса за час. Никаких повышений, говорят они. Наши финансовые ресурсы в данный момент несколько истощены, говорят они. Ну хорошо! Они и вправду станут теперь здорово истощены, когда я с ними разделаюсь. Ох, как же они меня затрахали! А теперь мне нужен ты, Фредди. Я ведь могу доверять только тебе. Ты должен выполнить свою часть работы. Если не приземлишься на дорогу, чтобы подобрать меня, то я пропал. Я пропал.

— Не знаю, но в этом дельце что-то несерьезное.

— Что же в этом несерьезного? Когда мы взяли тот, другой автомобиль выше по ущелью, ты посчитал, что это здорово. А теперь находишь несерьезным? Тебе же нравилась лачуга, которую я арендовал, и ты говорил, что участок тоже прекрасный. Месяца два отсидимся там, пока ситуация не поостынет, а потом свободно отправимся домой. Все, что от тебя требуется, — это раздобыть самолет.

— Я зарезервировал «Сессну». Двухместную.

— А с нее легко прыгать?

— Да чепуха. Единственная проблема — при ветре со скоростью сто шестьдесят километров в час дверь открывается туговато. Поэтому я открою ее еще в аэропорту. Это для отвертки работенка минут на десять. Ты не станешь возражать против небольшого ветерка в кабине, а? Ты же будешь пристегнут к сиденью ремнем.

Эмиль Хассет по-отечески лучезарно улыбнулся сыну, а потом засмеялся.

— О, ты должен согласиться, что это замечательно, Фредди. Самолет полетит дальше и разобьется к чертовой матери, и никто, черт подери, не узнает, где же мы с тобой.

— А ты уверен, что сможем обнаружить эту хижину из поднебесья?

— Без труда. Посмотри-ка карту. Она в шести километрах от плотины ниже по течению. Обещай, что подхватишь меня, когда грабану этот грузовичок. Посмотри мне прямо в глаза и пообещай.

— Я обещаю. Я буду там. Мы это сделаем, если нам повезет.

Фредди Хассет редко показывал плоховатые зубы, но на сей раз улыбнулся.

— Знаешь, папаша, ты будешь выглядеть ужасно забавно, паря в небе в своей униформе охранника.

— Это уж точно, буду, черт подери. И сам стану смеяться больше всех.

Глава 14

Уилсон Хартли, начальник полиции Саттертона, вытер с подбородка растаявшее масло и взял протянутую женой телефонную трубку. Зерна кукурузы с кочерыжки невозможно обкусать аккуратно, и то же самое можно было сказать о многих его любимых блюдах: спагетти, артишоках, постных ребрышках, крабах в надтреснутом панцире, жареной индейке... Когда его жена подавала что-нибудь из

этого, обеденный стол быстро приобретал вид городской свалки.

Звонил сержант Кэрш, ночной дежурный.

— Извините, что беспокою вас дома, шеф, но тут один парень на проводе, которому почему-то приспичило потолковать с вами совершенно приватно, если такое возможно. А еще он сказал, что его зовут Герман Болен, и что он звонит из компании «Рошек, Болен и Бенедитц» из Лос-Анджелеса.

— Ради Бога, Кэрш, давай мне его сюда.

Хартли узнал название инженерной фирмы, которая отвечала за плотину, и предположил, что возникла какая-то проблема безопасности. Он вышел из-за стола и перенес телефонный аппарат. За ним на письменный стол в соседнюю комнату волочился провод. У ремня болталась салфетка.

— Не знаю, помните ли меня, — сказал Болен, когда Хартли снова взял трубку. — Мы познакомились на церемонии открытия десять лет назад или около этого.

Хартли не помнил.

— Да, разумеется, помню. Как жизнь, Герман?

Разговаривая с начальником полиции, люди становятся скованными, поэтому у Хартли выработалась привычка обращаться к ним по имени и в приятельской манере. Так он старался помочь им расслабиться.

— У меня все отлично, спасибо, мистер Хартли. Возникло одно дело, с которым нужно с осторожностью разобраться. Я уверен, вы знаете Лоуренса Джефферса, нашего начальника эксплуатационной службы на плотине.

— Ларри? Разумеется, знаю. Хожу с ним каждый год на оленью охоту. Нам никогда не удавалось подстрелить что-нибудь, потому что, когда он принимается насвистывать и напевать, все звери удирают, спасаясь. Вы собираетесь сообщить, что Ларри попал в какую-то беду? Такому трудно поверить.

— Перейду прямо к делу. Он куда-то исчез на целый день. Изложу как можно точнее: я разговаривал с ним сутки назад и с тех пор не могу установить, где он. На работе не появился, домашний телефон не отвечает. Меня беспокоит вот что: он обещал нынешним утром первым делом перезвонить мне. Возможно, беспокоюсь попусту и он пропал только в моем воображении. Откуда мне знать, вдруг прямо сейчас он обедает с вами, или навещает больного друга, или попросту забыл позвонить мне и сказать коллегам, где будет.

Начальник полиции заверил Болена, что Джефферса в данный момент у него под рукой нет, и согласился, что для такого основательного человека весьма странно исчезнуть с глаз долой.

— Хотите, чтобы я посмотрел тут вокруг, так? Навел кое-какие справки?

— Именно так. Но мне не хотелось бы никого без нужды беспокоить. Я собрался было обзванивать больницы в вашем округе, но потом сообразил, что у вас, по всей вероятности, отработана система действий на такой случай. Я пытаюсь выяснить одно: есть ли у меня вообще какое-либо основание беспокоиться. Я незнаком с его личной жизнью, не знаю, есть ли какая-либо женщина, к которой он ходит после работы. Если откровенно, не хочу доставлять неприятности себе или ему тем, что начну поиски человека, который, возможно, никуда и не пропал.

— Картина ясна. Я вот что скажу: съезжу к нему домой и посмотрю, стоит ли его машина в гараже, а потом я позвоню нескольким его друзьям в городе. Если не найду, позвоню в дорожный патруль и в больницы, чтобы узнать, не попал ли он в аварию. У вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, куда он мог подеваться?

— Может быть, в Сакраменто. Вы можете также проверить, нет ли его машины на стоянке у электростанции.

— Хорошо. Дайте ваш телефонный номер, и через пару часов я перезвоню.

— Большое спасибо, мистер Хартли. У меня было предчувствие, что вы сумеете в этом разобраться.

После разговора с начальником полиции Болен попытался дозвониться до Фила Крамера. Потерпев неудачу, рассеянно уставился на кучу бумаг на письменном столе, соображая, что следует предпринять, если Хартли не отыщет следов Джефферса. Если так случится, необходимо отправить кого-нибудь поискать его в дренажной галерее, даже если придется признать, что он сам приказал Джефферсу провести ночную проверку. Должен ли он признаваться в этом? Можно ведь заявить, что просто беседовал с Джефферсом по какому-то другому вопросу, а тот, мол, сказал ему, будто собирается сходить на плотину...

Болен нахмурился и взял со стола лист бумаги. Это была записка его секретарши:

«После того, как вы уехали в южно-калифорнийскую компанию Эдисона, был звонок от мистера Терри из калифорнийского отделения управления по сохранности плотин. Он сказал, что видел самые последние данные из ущелья Сьерра, и ему кажется, что требуется исследование на месте, которое он собирается провести лично завтра (в субботу). Он не смог дозвониться до мистера Джефферса на плотину, и еще он интересовался, не хотите ли вы сопровождать его. Он прибудет туда примерно в полдень.

Шарлей».

— Черт подери! — выругался Болен.

Почему в это должен влезать еще и штат? Вряд ли прошел и месяц, как управление по сохранности плотин провело очередную периодическую инспекцию, да и эти новые данные о протечке воды были не так уж плохи. И теперь ему, возможно, придется ни свет ни заря встать, чтобы к полудню добраться до Саттертона, если только он не решит лететь на собственном самолете, в котором при

долгих полетах начинала болеть спина. Да к черту его, этого Джефферса! Он там выкроил себе до хрена времени, чтобы порыбачить, или упиться в стельку, или чем он еще сейчас занимается. Заслуживает выволочки, и можете не сомневаться, он ее получит. Джефферс славный мужик, да, но временами далековато заходит в этом своем «все, мол, замечательно» да «посвищу-ка я за работой»... Ты же должен присматривать за плотиной стоимостью двести миллионов долларов, Ларри, не забывай об этом. Ох, я надеюсь, что Хартли разыщет тебя. Ну уж и получишь тогда взбучку! Я покажу тебе такую сторону в Германе Болене, какая тебе никогда и не снилась!

Увидев плотину, Фил почувствовал, что осознание важности задачи снова в нем ослабло. Он ехал медленно, что было обычным при режиме работы светофоров на Главной улице Саттертона в пятницу вечером, не в силах оторвать глаз от темной, кажущейся необъятной стены, заполнившей собой половину ночного неба. Едва замечал залитую светом ратушу, эстраду для оркестра на площади, бар «Колесный фургончик», протянутое поперек улицы объявление о третьем ежегодном мазэрлодском марафоне. Дорога, проложенная по гребню плотины, была отмечена огнями, и, чтобы охватить взглядом всю эту сверкающую линию, Филу пришлось приблизить лицо к ветровому стеклу. Плотина оказалась настолько подавляюще высокой и огромной, что трудно было осознать ее как сотворенную человеком, равно как и трудно было представить себе водохранилище позади нее.

— Господи, — чуть слышно произнес Фил.

Плотина казалась горой, которая простоит так же долго, как и окружающие нерукотворные горы. И все-таки по мере подъема по городской улице она уменьшалась, и становилось очевидным, что это все-таки не гора. Огромные холмы и отвесные скалы по обеим ее сторонам были выше и массивнее, но взгляд все равно притягивала именно плотина.

Было некое гнетущее ощущение угрозы, что горам несвойственно. Плотина была чужеродной, а горы — нет.

В нескольких кварталах от нижней части города главная улица снова становилась сельской дорогой, проходящей через невысокий сосняк к уступу, вырезанному в скалистом склоне. Фил осторожно проехал мимо ряда припаркованных строительных машин и предупредительных огней. На выступе над плотиной была устроена смотровая площадка, где местные подростки, высыпавшие из нескольких автомобилей, слушали музыку, пили пиво, не обращая никакого внимания на открывающийся вид. Фил припарковался и подошел к перилам ограждения, с наслаждением распрямив руки и ноги. Было половина одиннадцатого, значит, он доехал сюда из Лос-Анджелеса всего за восемь с небольшим часов с единственной короткой остановкой в Мэрисвиле. Прохладный ветерок с водохранилища донес аромат вечнозеленых деревьев и свежей воды, нежно освежив после духоты Центральной долины. Единственными звуками были раздражающая рок-музыка из припаркованных поблизости машин да отдаленный рев воды, низвергающейся по водосливу в реку с высоты трехсот метров. Справа от Фила чернело сверкающее зеркало водохранилища с желтой дорожкой света от ущербной луны. Береговую линию водохранилища обозначали низкие морщинистые холмы, позади них вздымались более высокие заснеженные хребты, и пики высокогорья Сьерра вырисовывались на фоне далекой гряды темных туч. Из водохранилища прямо под смотровой площадкой высовывался этакий бетонный бублик. Фил знал, что это верхушка заборно-вентиляционного канала. Немного левее, чуть выше уровня воды, высился гребень плотины. На дне долины, ниже плотины, виднелся ярко освещенный прямоугольник электростанции. Между нею и подножием плотины со стороны нижнего бьефа, скрытый от глаз выступом склона холма, находился вход в туннель к

подземной электростанции. А далеко слева брызгами крошечных огоньков поблескивал Саттертон.

Всматриваясь в плотину. Фил начал понимать, насколько глупым он должен выглядеть в глазах Рошека и Болена. Изучать математическую модель и чертежи плотины и столкнуться с ее реальным обликом — это далеко не одно и то же. Она была так огромна, так великолепна, так незыблема... Элегантно перекрывала ущелье и, казалось, без труда противостояла давлению огромной массы воды. Была закреплена береговыми устоями на скальном основании столь надежно, словно никакая сила на земле не могла ее сдвинуть. Компьютерные изображения и колонки цифр, потрясшие Фила своей значительностью, вдруг показались неуместными, случайными, лишенными сущности световыми рисунками, бессмысленными значками на бумаге. Рошек прав: смешно думать, что он способен получить сколько-нибудь реальное представление о таком вот сооружении с расстояния восьмисот километров, не видя ничего, кроме абстрактных символов. И снова шевельнулось желание повернуть обратно, в Лос-Анджелес, пока не выставил себя еще большим дураком, чем теперь. Возможно, он обязан извиниться перед Рошеком.

Но с другой стороны... Ведь во всем этом была другая сторона. Если он и обучился чему-нибудь в инженерной школе, то, главное, вот чему: никогда не игнорировать эту проклятую другую сторону. Данные о протечке воды не были несообразными и абстрактными. Да, снаружи плотина выглядела аккуратной, мощной и незыблемой, но что происходит внутри? Глубоко в ее недрах, если показания измерительной аппаратуры верны, вероятно, таятся фатальные изъяны. Плотина колоссальна и противоестественно мощна, но таково же и водохранилище.

Он забрался в машину и поехал вниз по склону. Напомнил себе, что в последние годы преодолел свою детскую застенчивость. Нашел в себе мужество сделать так,

чтобы его слышали в компаниях, научился легко знакомиться с женщинами и возражать людям намного старше его. И сейчас не должен допустить, чтобы его отбросило назад, в прежнюю скорлупку, из-за какой-то простой плотины.

Герман Болен сидел в своем домашнем кабинете в Уэствуде с прижатой к уху телефонной трубкой.

— Да, мистер Хартли. Я очень высокого мнения о вашей деятельности. Благодарю вас. Пожалуйста, звоните мне по этому номеру в любое время ночи, если что-нибудь позднее прояснится.

Он положил трубку на место. Итак, автомобиля Джефферса нигде не обнаружили, равно как и самого Джефферса. Его не было ни у друзей, ни у бывшей жены, ни у дочери, ни у соседей. Его не было в саттертонском баре. Его автомобиль не попадал ни в какую аварию, о которой было бы известно полиции и дорожному патрулю. Не было его также ни в больнице, ни в тюрьме. Так где же он тогда? Болену не нравились наиболее вероятные ответы на этот вопрос: он либо свалился вместе с машиной с одного из сотен обрывов на горных дорогах вокруг Саттертона, либо все еще находится внутри плотины. Возможно, когда он ехал от административного здания к электростанции, какая-нибудь оса залетела в окно машины, заставив его потерять управление и съехать с дороги над главным входом в туннель. Нет-нет, он никак не мог оказаться мертвым внутри дамбы. Скорее лежит в автомобиле на дне выпускного канала. Но в обоих случаях, к сожалению, мертв.

Прежде чем он смог наметить следующий шаг, снова зазвонил телефон. Это был еще один полицейский, представившийся полисменом Бейкером из отделения Беверли-Хиллз.

— Я звоню из дома мистера и миссис Теодор Рошек, — доложил голос в трубке. — Рошеки развязали семейный конфликт. Короче сказать, драку. Не смогли бы вы приютить

мистера Рошека на ночь? Завтра узнаем, насколько серьезна рана у миссис Рошек и не пожелает ли она выдвинуть обвинения.

— Господи, Святая Мария и Иосиф... Буду через пятнадцать минут.

Глава 15

Фил решил взвалить свою проблему на Лоуренса Джефферса. Выложить ему все данные и предоставить опытному инженеру-эксплуатационнику самому решить, есть ли там что-нибудь такое, из-за чего стоит волноваться. Но Джефферс не отозвался на звонки ни телефонные, ни в дверь. Его дом, который Фил отыскал без труда, был темен, в нем находилась только без умолку лаявшая собака. Гараж был пуст, а на дорожке от крыльца к улице валялась утренняя газета.

План был запущен в действие из телефонной будки у бензоколонки. Вооружившись кучкой десятицентовых монеток и телефонной книгой округа, Фил принялся названивать одиннадцати записанным в книге Дунканам.

— Я пытаюсь связаться с Чаком Дунканом, — объяснял он женщине, ответившей на пятый звонок, — инспектором, который работает на плотине. Я попал туда?

— Разумеется, да. Я его мать. Чак поехал в кинотеатр для автомобилистов с Бэртом и Карлой и еще с этой девушкой Петерсонов. А это же мистер Ричардсон, нет?

— Извините, нет. А скоро ли ждете его домой?

— Вечером в пятницу вряд ли. Он, возможно, и вовсе не появится дома, но это уже другая история. — Она гнусаво, надтреснуто засмеялась, чем напомнила Филу его тетушку Лорену из Топики. — Фильм, вероятно, закончился, поскольку уже одиннадцатый час. Попробуйте-ка поискать в «Колесном фургончике». Они частенько заглядывают туда и торчат до закрытия.

— «Колесный фургончик»?

— Ну да, это на Главной улице. Я поняла, вы не из нашего города, вот почему и подумала, что вы, возможно, и есть мистер Ричардсон.

— Так Главная улица? Благодарю вас, миссис Дункан.

«Колесный фургончик» представлял собой нечто вроде музея Старого Запада или, по крайней мере, старых фильмов-вестернов. Перед входом столб для привязи лошадей, над дощатым тротуаром низкий навес. По одну сторону бара изгородь из фургонных колес внахлест, а за домом заржавевший трамвайный вагон времен начала горной промышленности, уже пришедший в полную негодность. Характер постоянной клиентуры заведения можно было определить по средствам передвижения, уткнувшимся в тротуар, словно лошади в кормушку. Одно из них и было лошадью, прекрасным ухоженным животным, которое, судя по подергиванию ушей, не испытывало особой любви к музыке, льющейся из дверей. Неплохой вид транспорта, подумал Фил, пока парковался и запирал свой автомобиль, для человека, который намерен выпить. Лошадь доставит домой, даже если упьешься до потери сознания. Но большинство посетителей прибыли на пикапах с шинками для езды по снегу, с багажниками на крыше для лыж и винтовок, нашлапками в виде голов на задних окнах и пластиковыми статуэтками на приборных досках. Впервые с тех пор, как он покинул Канзас, Фил увидел пару лохматых игроков в кости. Он заучил приклеенную к бамперу надпись «Господь, оружие и мужество — вот что сделало Америку великой», чтобы расцветить ею отчет о своем путешествии, который он рано или поздно представит Джанет.

Это был вечер сельского Запада в стиле диско. «Колесный фургончик» был битком набит. Фил постоял у дверей, приучая глаза к тусклому свету, а уши почти непереносимому шуму. Музыка для вечера обеспечил и усилил при помощи электроаппаратуры волосатый октет под

названием «Коли Холленбек и его сраные баламуты». Музыканты были в клетчатых рубашках, джинсах, ковбойских шляпах и узорчатых кожаных сапожках, все бородатые, и женщины и мужчины были одеты как участники какого-то родео, а не как зрители. Кругом пели, танцевали и орали. Никто не замолчал и не уставился на незнакомца так, как показывают в коммерческих телепередачах. Фил мог бы разрядить в потолок шестизарядный пистолет, и никто даже ухом не повел бы. На стенах смиренно висели плотно набитые и траченные молью головы лося, оленя и буйвола.

Фил пробился к стойке бара и сумел привлечь внимание бармена, крупного малопривлекательного мужчины с обгоревшими носом и лбом.

— Вы знаете Чака Дункана? — прокричал Фил сквозь шум.

— Старого Чака или молодого Чака?

— Молодого, я полагаю. Инспектора при плотине.

— Да. А вот старика никогда не видел.

— А он здесь?

— А кто это им интересуется?

— Мы работаем на одну и ту же фирму. Его мать направила меня сюда.

Бармен пожал плечами, перешагнул через коробку с пивом и взгляделся сквозь неясную дымку через головы танцоров.

— Он в угловой кабине. Парнишка-блондин с глупой физиономией. Передайте ему, что я так и сказал.

Фил обогнул танцевальную площадку, чтобы избежать случайных травм, и пробрался между переполненными столиками к притулившимся к стене кабинам. В угловой скучала компания из четырех человек: Дункан и, если Фил правильно запомнил слова миссис Дункан, Бэрт, Карла и девушка Петерсонов.

— Вы Чак Дункан?

Молодой человек, к которому обратился Фил, обернулся и постарался сосредоточить свой взгляд. Если быть точным, его лицо не было глупым, но представляло собой убедительный довод против соединения алкоголя и марихуаны.

— Что? — спросил он.

Фил повторил свой вопрос погромче. Юноша улыбнулся.

— К вашим услугам.

Дункану на вид было не более девятнадцати. Едва ли такому можно доверить свои тревоги по поводу структурной целостности самой высокой в мире насыпной плотины, даже если проигнорировать некоторое помутнение сознания под воздействием химикатов.

— Меня зовут Крамер. Я из лос-анджелесской конторы фирмы «Рошек, Болен и Бенедитц».

— Ну да? Ну и ну, разрази меня гром!

— Могу я поговорить с вами минутку?

— Что?

— Я спросил, могу ли я поговорить минутку с вами. Музыка такая громкая, что я даже не могу ничего расслышать.

— Клевая музыка, а?

— Давайте выйдем наружу.

— Да я уж там был.

— Пошли, пошли. Ваши друзья не захотят слушать наш разговор о пьезометрах и давлении в скважинах. Это займет всего минуту.

Сидевшую рядом с Дунканом девушку лишь частично прикрывала красная фланелевая рубаша, расстегнутая до самой талии. Фил кивнул и улыбнулся ей из вежливости и чтобы извиниться за вмешательство. Он взял Дункана за руку и мягко поставил на ноги. Молодой инспектор ворча повиновался и позволил вывести себя через боковую дверь.

— Давайте покончим с этим быстренько, — сказал Дункан, когда они оказались вне дома. — Этот проклятый Бэрт собирается атаковать Карлу, и я знаю, он это сделает.

Холодный ночной воздух, уличные огни и понадобившееся для ходьбы усилие, казалось, вывели его из транса.

— Не волнуйтесь, — успокаивающе сказал Фил. — Он не на той стороне стола. Она в любом случае не услышит ни слова из того, что он скажет.

— Этот сукин сын отыщет способ. Он уже проделывал это с нею и раньше.

— Послушайте, я не хочу отнимать у вас ни на минуту больше времени, чем требуется. Где я могу найти Лоуренса Джефферса?

Дункан уселся на крыло какого-то автомобиля и скрестил ноги.

— Этак из меня все дерьмо можно вышибить, — сказал он. — Я слышал, большие боссы из Лос-Анджа тоже его разыскивают. Кажется, его заднице грозит ремень. Они что же, прислали вас сюда, чтобы вы его отыскали? Бог мой, как хорошо от этого воздуха. А в этом проклятом заведении слишком уж жарко.

— Никто меня сюда не посылал. Я... У меня отпуск. Я один из тех, кто просматривает отчеты о показаниях приборов, которые вы составляете каждый месяц. Я еду в Рено и подумал: остановлюсь-ка здесь и узнаю, нельзя ли взглянуть на дренажные галереи.

В ответ Дункан скорчил гримасу и покачал головой.

— Нет, вы не хотите взглянуть на дренажные галереи.

— Не хочу?

— Нет.

— Отчего же нет? Это даст мне наглядное представление о том, что отражают эти цифры.

— Вы не хотите взглянуть на дренажные галереи, потому что у вас тогда засвербит в заднице. Задница прямо зудеть

будет. Там вам пришлось бы карабкаться по двум сотням ступеней сперва вниз, потом обратно наверх. Там темно. Там мокро. Просто дерьмо сплошное. Хотите получить представление об этом? Ну, тогда встаньте прямо в одежде в полной темноте под холодный душ. А потом побегайте вверх и вниз по лестнице пятнадцатипятиэтажного дома с пристегнутым к заднице водомером. Вот тогда и получите полное представление об этом.

И Дункан захихикал, довольный своим образным пояснением.

— Это что же, настолько плохо, да?

— Я заслуживаю повышения в зарплате за то, что снимаю показания приборов там, внизу. Возвращайтесь в Лос-Анджелес и скажите большим боссам, что Чарльз О. Дункан заслужил прибавку хотя бы за то, что каждый месяц рискует жизнью. И еще за то, что он замечательное существо. Когда спускался в последний раз, думал, вот-вот утону. А я разве жалуясь? Не-а-а...

— Что, много воды просачивается?

— Да, много воды. Знаете, как я называю эту дамбу? Ссущая Лена. Этот год самый плохой. Бьюсь об заклад, из одной только галереи D мы откачиваем больше воды, чем проходит через турбины.

Фил достал из кармана рубашки записную книжку, щелчком раскрыл ее и нацарапал несколько слов.

— У меня не было ни малейшего представления, что настолько плохо. Я определенно порекомендую дать вам прибавку. В последний месячный отчет вы не включили показания целой группы измерительных приборов. Почему так?

— Я снял эти показания, но Джефферс сказал, чтоб не включал. Слишком глупые, сказал он. Некоторые были на нуле, а некоторые выходили за верхний предел. С каждым годом барахлит все больше и больше датчиков, и мы перестаем снимать показания. Надеюсь, они все сломаются,

и тогда я перестану ходить туда, вниз. В любом случае все эти датчики просто куча коровьего дерьма. Да вы спросите Джефферса, он скажет. Я знаю ребят, которые работают на других плотинах неподалеку. Им не приходится лазить вниз в разные норы и снимать там показания датчиков. Послушайте, я лучше вернусь обратно в салун. Бэрт там, наверное, уже запустил обе лапы Карле под рубашку.

— Подождите минутку, — задержал Фил, положив руку на плечо Дункана. — Показания этих испорченных датчиков, они что, все еще у вас?

— Конечно, они у меня.

— Я могу на них взглянуть?

— А почему бы и нет?

— И где же они?

— В багажнике моей машины.

— А где ваша машина?

— Так я на ней сижу. Думаете, стал бы сидеть на машине, которая не моя? Некоторые из парней в салуне — настоящие ублюдки.

Фил последовал за Дунканом к задней части машины и впервые заметил на дверце буквы «Р. Б. Б.» — знак фирмы. Под наблюдением Фила Дункан открыл багажник и принялся рыться в коробке, полной конвертов манильской бумаги, время от времени поднося один из них к свету и с прищуром разглядывая.

— Я все-таки хочу сходить на плотину, самолично взглянуть на датчики, — сказал Фил. — Если Джефферс и завтра не вернется, не проводите ли меня? Прямо с самого утра, а?

— Никоим образом. Суббота мой выходной. Прямо с самого утра отправлюсь на середину водохранилища рыбку половить. Может быть, в понедельник.

— Понедельник — это слишком поздно. А как насчет того, чтобы прямо сейчас?

Дункан выпрямился и изумленно посмотрел на Фила.

— Мужик, ты что, рехнулся? — спросил он, захлопнув багажник и передавая Филу конверт. — Да я и за миллион баксов средь ночи в эту дыру не полезу, хотя за миллион, может, и пошел бы. Говоришь, у тебя отпуск? Как это тебе удается: выглядишь трезвым, а говоришь как пьяный?

— А кто-нибудь другой мог бы отвести меня?

— Не в половине двенадцатого ночи. Местные людишки не дураки. Ладно, я пошел обратно в бар, оторву чертовы лапы от Карлы. Приятно было с вами познакомиться.

Фил шел за Дунканом по деревянному тротуару, пытаясь выдать еще хоть несколько обрывков информации.

— А я могу пройти в эти галереи один?

— Конечно, если сумеете пробраться мимо Уизерса.

— А кто такой Уизерс?

— Ньют Уизерс, ночной дежурный инженер на электростанции. Он рассмотрит вас на телеэкране кругового обзора и, если то, что увидит, ему не понравится, нипочем дверь не поднимет. Вы из фирмы, так что вас, может, и впустит. А с чего вдруг такая спешка? Большим боссам кажется, что здесь что-нибудь не в порядке?

— Нет, большие боссы считают, что все прекрасно. Просто я любознательный, вот и все. Полагаю, вы правы: предпринять этот поход на ночь глядя — безумие. Если Джефферс утром не появится, просто вообще забуду об этой идее.

— Я бы тоже так поступил. Пришлите этот конверт мне по почте, когда разберетесь с ним, ладно? И передайте привет старику Рошеку, когда снова попадете в Лос-Андж. Я с ним никогда не встречался, но слышал, он настоящий душка.

— Конечно, передам, Чак. И спасибо за информацию. Удачи вам с Карлой.

Далекий голос телефониста был пронзительным:

— У меня тут звонок к Джанет Сэндифер за ее счет от Филиппа Крамера. Вы берете на себя оплату?

— Да, только ему придется сильно кричать.

— Джанет! Это Фил! Я звоню из телефонной будки со своего командного пункта в самом сердце нижнего Саттертона. Я тебя ни от чего не оторвал?

— Только от душа. Я насквозь мокрая.

— Не говори никогда таких вещей. А то просочусь в микрофон и казню сам себя, как на электрическом стуле.

— Как там у тебя дела? Что-нибудь выяснил?

— Наткнулся на богатую рудную жилу, как говорили в этих краях в восемьсот сорок девятом году. Я поговорил тут с одним человеком; после того что он мне рассказал, я более чем когда-либо уверен, что здесь собираются вырваться на волю все силы ада. Беда в том, что он и туп как бревно, и накачан чем только можно, а потому мог и преувеличить. Ты послушала бы, как он разболтался, когда я сказал, что посоветую повисить ему жалованье.

— Ты ему так и сказал? — рассмеялась Джанет. — Я не сомневаюсь, что твой совет будет очень весомым.

— Он дал мне листок с данными, которых не было в последнем отчете. Я знаю, в твоей конторе есть монитор с наборными устройствами. У тебя есть ключи, сможешь туда войти? Ладно, тогда вот что мне нужно, чтоб ты сделала. Введи в программу эти новые цифры. Я дам телефонный номер компьютера компании «Рошек, Болен и Бенедитц» и кодовое слово, которое откроет доступ. Сомневаюсь, чтобы они изменили его только потому, что меня уволили.

— Бога ради. Фил, уже ведь за полночь! Я совершенно голая и готова лечь в кровать.

— Сейчас не время для секса. Набрось приличный костюм и давай волокни задницу в свою контору. Я позвоню, когда вернусь, и ты скажешь, что означают эти новые данные.

— Меня могут арестовать.

— Так ведь и меня могут. Если компьютер покажет то, что, я полагаю, он должен показать, попытаюсь пробраться в

плотину. Должен же быть какой-нибудь способ отключить сигнализацию и миновать конуру дежурного. Сейчас попробую получить комнату в мотеле и изучить схему плотины, пока ты будешь делать то, что я сказал.

— С тобой все в порядке? Голос такой, будто тебя слишком сильно просквозило. Ты что, тоже туп как бревно и накачан чем только можно?

— Мне все видится с почти мистической ясностью.

— Избавь меня от этого коровьего дерьма.

— Хорошо. Вместо него я дам тебе цифры. У тебя карандаш наготове?

Джанет вздохнула.

— Ладно, — сказала она, — выкладывай.

Глава 16

Несколько минут ехали молча. Рошек сидел рядом с Боленом и пристально смотрел прямо перед собой, брови сведены, глубоко посаженные глаза сощурены. Дважды он поднимал руки, словно готовясь объяснить что-то, а потом давал им упасть. Оба чувствовали себя неловко, и, казалось, ни один из них не знал, как начать разговор. Болен мельком взглянул на своего компаньона и был шокирован нехарактерной для него аурой растерянности и поражения.

— Не хочешь ли рассказать, что произошло? — осторожно спросил Болен. — Полиция ничего определенного не сообщила.

Прежде чем ответить, Рошек облизнул губы и сглотнул слюну.

— Не могу всего припомнить, — сказал он сдержанно. — Это все очень... выбивает из колеи. Раз или два в жизни я был пьян, ну и похмелье длилось еще несколько дней, однако всегда мог до мельчайших подробностей вспомнить, что делал или говорил. Но только не сейчас. Несколько

минут начисто выпали. — Он поднял руку ко лбу. — Бог мой! Возможно, мне нужно показаться врачу.

После паузы Болен рискнул задать еще один вопрос:

— Полиция намекнула, ты ударил ее и она, мол, убежала из дому. Это так, Теодор? Было физическое насилие?

Рошек глубоко и неровно вздохнул.

— Мы сидели в гостиной. Разговаривали о нашей совместной жизни. Взвешивали «за» и «против». Это было что-то вроде компиляции результатов исследований. Оба старались держаться спокойно и не говорить ничего, что могло бы вызвать раздражение другого. Это было страшное напряжение. Спустя час или два после такого прессинга мы оба разом более или менее надломились.

Болен свернул на въезд к своему дому. Дверь гаража автоматически открылась и так же закрылась, когда автомобиль оказался внутри. Болен выключил двигатель и посмотрел на Рошека, который сидел мрачнее тучи.

— Я не подозревал, что кто-либо из нас способен на подобную враждебность, — монотонно произнес он, — на подобную ненависть. — Он наклонил голову вперед и потер виски. — Не знаю, что заставило это всплыть на поверхность. Помню, как я взъярился из-за тона, которым она отвергла мое предложение пройти ей навстречу более чем полпути. Я взял на себя вину за то, что она несчастна. Предложил проводить с ней больше времени. Не как тактический ход, но потому, что искренне чувствовал симпатию к ней. Когда увидел, что в вопросе о разводе она уступать не собирается, щедро предложил урегулировать это, если отложить подачу заявления. Но на нее ничто не действовало. Предполагаю, она подумала, будто я собираюсь управлять ею, откупиться деньгами. Не знаю. Я почувствовал, как во мне закипает гнев, словно вода в кипятильнике. Мы оба повысили голос. Начались оскорбления, потом проклятия... Через считанные секунды уже орали друг на друга. В какой-то момент она сказала: «Не

смей мне угрожать», хотя я не помню, чтоб угрожал. Правда, помню, обозвал ее неблагодарной свиньей и швырнул бокал в стену. В нее не бросал. Я определенно его не бросал в нее. — Он поднял голову и посмотрел на Болену, удивленный собственными словами и, по всей вероятности, не находя в себе сил поверить, что в истории, которую он рассказывал, замешан он сам. — Она приказала убираться из дома, Герман. Я отказался. Сказал, что меня не удастся вышвырнуть из дома, который я сам купил и оплачиваю. Сказал, что покину его только ногами вперед в сосновом ящике или под дулом пистолета. Тогда она побежала к телефону и попросила соединить ее с полицией. Услышав это, я вышел из себя. Бросился через всю комнату, опираясь, дабы удержать равновесие, на мебель и крича ей, чтобы положила трубку. Сшиб по пути какую-то лампу. — Он отвернулся и снова глубоко вздохнул. — Я поднял костыль и опустил его, пытаясь вышибить из ее руки трубку. Думаю, попал ей по запястью. Да, должно быть, так и было. Она заверещала. Этот звук никогда не выветрится из моей головы.

Болен внимательно изучал Рошека. Лицо искажено, словно его донимала боль. Руки, бледные и тонкие, с вздувшимися венами, сомкнуты на коленях, будто когти птицы.

— Давай-ка войдем внутрь, — сказал Болен. — Выпьем бренди и поболтаем еще немного, если захочешь.

— Вот как раз в этом месте, — продолжил Рошек, — память меня и подводит. Могу припомнить, как Стелла стоит на коленях, ухватив свою руку, как раненое животное. Она смотрела на меня снизу с выражением ужаса, словно боялась, что я собираюсь убить. Не помню, как она выбежала из дома, но увидел, что застекленные французские окна во внутренний дворик открыты. Слышал издали ее завывания и то, как она колотила в дверь к соседям. А я обессиленный упал в кресло и сидел так, может, час, а

может, и больше, пока не приехала полиция. Я согласился, что мы со Стеллой не можем оставаться в одном доме. Я назвал им твое имя. — Он распахнул дверь автомобиля и по дуге переместил ноги на пол гаража. — Не могу поверить, что могло так случиться. Мы оба были невменяемы.

Болен достал инвалидное кресло с заднего сиденья и помог Рошеку устроиться в нем.

— Полиция отнеслась с большим пониманием, я так бы сказал, — говорил Болен, толкая кресло с Рошеком по огороженному тротуару к дому. — Они поняли, как важно сохранить дело в секрете. Я сам поговорю утром со Стеллой. Поползут ведь какие-нибудь слухи. Если она не выдвинет обвинения, все будет спокойненько замято. Естественно, ты можешь оставаться со мной и с моей женой столько, сколько понадобится.

— Извини, что доставил так много хлопот. Теперь я у тебя в вечном долгу.

— Ерунда. Наоборот, я у тебя в долгу.

В холле жена Болена сказала, что, пока его не было, дважды звонили по телефону. Один джентльмен не назвался, а другой, какой-то мистер Уизерс с электростанции в ущелье Сьерра, просил ему позвонить.

Джанет Сэндифер, одна среди едва различимого в темноте моря пустующих столов, стульев и пишущих машинок, открыла записную книжку и набрала номер, который дал Фил. Раздался сигнал звонка, за которым последовали два резковатых щелчка. Устойчивый тон дал знать, что она добралась до рошековского компьютера и тот подключился. Она опустила телефонную трубку на углубленные в выемку рычажки наверху корпуса монитора. На экране беззвучно появился ряд зеленых букв и цифр, а следом за ними и надпись: «Рошек, Болен и Бенедитц». Штаб-квартира. Банк технической информации. Лос-Анджелес. Пожалуйста, дайте идентификацию».

«Вот в этом месте, — сказала себе Джанет, — я пересекаю границу закона. Удивительно, чего только не сделает в общем-то порядочная женщина ради хорошей случки».

Ее пальцы проворно двигались над клавиатурой. Одна за другой на экране появлялись буквы: «Филипп Крамер. "Р. Б. Б." Секция проектирования гидросооружений. Штаб-квартира, Лос-Анджелес».

Затем она нажала ключ ввода в память, и эти слова исчезли, а на их месте появилось: «Пароль». Джанет тщательно ввела: «Грэнд-Коули». — «Неправильно, — ответила машина. — Попробуйте снова».

— Ах ты, черт, — сказала Джанет, повнимательнее посмотрев на свои записи.

Оказывается, она набрала заглавными не те буквы, надо было «ГРЭНД-КОУЛИ». Когда набрала верно, машина немедленно отозвалась: «Принято. Дана связь. Линия свободна. Жду указаний». Джанет набрала: «Дайте колонку 7. Ввод». Спустя три секунды экран заполнился заголовками программы. Она переместила движок на линию значка седьмого пункта, к крамеровской модели аварий дамб. При прикосновении к ключу ввода экран стал чистым, а потом выдал следующее:

«Поздравляем! Вы встретились с поразительной моделью дамб Крамера. Пользуйтесь ею на доброе здоровье. Только для персонала со специальным допуском! Нарушители будут удалены за шкуру».

Джанет работала как могла быстро. Она ведь нарушала закон, и ей вовсе не хотелось проводить ночь напролет за этим занятием. Какие именно законы относились к тому, что она сейчас делала, Джанет наверняка не знала. Вероятно, крупная кража. Или же, если в конце концов окажется, что программа Филя ничего не стоит, мелкая кража. Может быть, незаконное проникновение. Если выдать себя за какого-то инженера — преступление, то она, вероятно,

виновна в этом, особенно потому, что она женщина, а инженер, за которого она себя выдавала, мужчина. К счастью, подумала она, пытаюсь себя успокоить, в Калифорнии это не считается незаконным.

Джанет ввела переданные Филом показатели пьезометров, датчиков нагрузки, заполненности смотровых колодцев (а они уже были переполнены) по галерее D, после чего ввела запрос: «Модель 4. Наилучший случай. Оцените. Жду указаний». Машина тотчас ответила: «Один момент, пожалуйста. Я думаю». Джанет откинулась назад и подождала. Чтобы оценить состояние дамбы при самых оптимистичных допущениях, компьютеру понадобилось три минуты. Он ответил: «Наилучший случай: начать понижение уровня водохранилища. Провести визуальную инспекцию галерей C и D».

Джанет быстро записала этот ответ, потом склонилась над клавиатурой и ввела новый запрос: «Модель 4. Наихудший случай. Оцените. Жду указаний». Когда спустя пять минут на экране появился ответ, она не смогла не улыбнуться. Фил рассказывал, что именно он ввел в программу на случай безнадежного аварийного состояния плотины фразу: «Бегом спасайте свои жизни!»

В свою квартиру она вернулась во втором часу ночи. Телефон разрывался, это звонил Фил.

— Говорю из превосходного мотеля «Вид на дамбу», из Саттертона, штат Калифорния. Это ворота в прекрасную горную страну, — сказал он бодро. — Если провести по поверхности озера Граф Уоррен линию в юго-западном направлении, попадешь в место, где я окажусь под двумястами метрами воды.

— Видимо, это прекрасное местечко. Если твоя теория верна, ты обречен.

— Джанет, помнишь, я тебя просил не напоминать о твоём теле, не то просочусь в телефон и устрою себе электрический стул? Я хочу взять свои слова обратно. Я

обдумал это. Напряжение в телефонной сети настолько мало, что не получить и шока, не говоря уж о смертельном исходе.

— Я как-то не обратила внимания. Насколько я заметила, ты не сможешь просочиться достаточно точно, чтобы попасть в нечто такое маленькое, как телефонный микрофон. Так ты поэтому позвонил?

— Ты знаешь, почему я позвонил, моя сладенькая. Я звоню каждые десять минут. Тебе удалось изнасиловать рошековский компьютер?

— Конечно, удалось.

— И что?

— Чертовски перетрусил. Прямо в дрожь бросает, когда торчишь в пустом конторском здании. То есть я полагала, что оно пустое. Только прилепилась к монитору, как услышала какой-то шум. Подняла глаза и узрела трех пижонистых негров с дубинками и булыжниками! На самом-то деле они оказались уборщиками со швабрами и ведрами. Извинились, что перепугали меня. Оказались очень милыми ребятами. Когда уходила, самый старший, такой солидный, седоволосый, проводил до машины, удостоверился, что я в безопасности.

— Очень мило с его стороны.

— Я тоже так думаю. Поэтому и пригласила его к себе домой. Он и сейчас здесь, со мной. Ну, одно тянет за собой другое, так что через несколько минут я забеременею.

— Надеюсь, он не будет возражать, если мы секундочку поговорим о делах. Так что же выдал компьютер?

— То, что ты, уверена, и сам знал. Предложил тебе бегом спасать свою жизнь.

— Ты спрашивала его о наиболее вероятных точках аварии?

— Да. Ответил, что для точного прогноза данных недостаточно, но отважится сделать предположение. Карандаш при тебе? В верхнем бьефе между отметками 5075

и 5095, на подъеме 565. А в нижнем — между отметками 5043 и 5019, на подъеме 375.

Фил еще раз прочитал вслух эти номера, дабы удостовериться, что расслышал правильно.

— Похоже, речь идет о стыке насыпи со скальным основанием. Вода, должно быть, пробилась через бетонированный заслон под защитным блоком прямиком в галерею. Я тут изучаю планы, и если смогу пробраться на плотину, то уверен, сумею отыскать это место.

— Ну, и что дальше?

— Позвоню Болену домой. Он человек благоразумный и считает меня только полусумасшедшим. Ему будет интересно услышать, что никто не знает, где его главный инженер-эксплуатационник, а три смотровых колодца переполнены водой и инспектор, снимающий показания датчиков, говорит, будто в нижних галереях настолько мокро, что нужен акваланг. Возможно, Болен поручит проверку мне. Он понимает, об этой плотине я теперь знаю больше кого-либо другого, даже Рошека. Я не собираюсь звонить Рошеку. Он параноидальный шизофреник и самое настоящее дерьмо.

— Ну, а если Болен скажет, чтобы ты не лез не в свое дело?

— Проведу проверку в любом случае. Если не удастся туда проникнуть обманно, смогу спуститься в заборно-вентиляционный канал. Там есть небольшой лифт, этакая клетушка на одного. Проблема добраться до его верхушки, она торчит на шесть метров выше воды. Я подумываю, не стащить ли какую-нибудь яхту и не вскарабкаться ли на мачту.

Джанет застонала.

— Это звучит все хуже и хуже. Тебя поймают и швырнут за решетку, если ты до этого сам не свернешь себе шею. В любом варианте некому будет водить меня на обед.

— А почему бы не взглянуть на это с более светлой стороны? Ты очень привлекательная женщина и безо всяких затруднений подыщешь себе другого инженера.

— Не смей меня. Я ведь учусь на своих ошибках.

Глава 17

Фил свернул на дорогу, ведущую к электростанции, и мгновенно ему пришлось нажать на тормоза: обе полосы движения были перекрыты двухсекционными воротами с замком на цепи.

— Черт подери, — пробормотал он. — Дункан об этом не упомянул.

Он оставил машину с включенными фарами и работающим двигателем, чтобы осмотреть препятствие. Ворота крепились к забетонированным столбам из стальной трубы диаметром десять сантиметров, а висячий замок посередине весил не менее полутора килограммов и выглядел неприступным. Шарнирная цепь, с которой он соединялся через петлю, могла бы неделю противостоять усилиям опытного взломщика. К счастью, ни на воротах, ни на примыкающей к ним изгороди не было никаких электрических соединений. А это означало, что, если он каким-либо образом сумеет силой открыть их, сигнал тревоги по всему тихоокеанскому побережью не прозвучит.

Он вернулся в машину и сел за руль, обдумывая варианты. Вскрабкаться на изгородь и пройти километр до главного входа в туннель не составило бы труда, но инспектор из управления техники безопасности и здоровья, а именно за представителя этой федеральной службы он решил себя выдать, едва ли вправе проникать на объект таким образом. Правительство США не предписывает своим агентам пробираться посреди ночи тайком по пустынным дорогам, словно сбежавшим уголовникам. Можно попытаться отомкнуть замок куском проволоки. Нет, на это

уйдет вся ночь. Если у местной полиции есть ключи от этих ворот, то он, возможно, сумеет обманом убедить отпереть их. Нет, слишком рискованно. Нужно действовать быстро, если он собирается воспользоваться отсутствием Болена, жена которого ответила по телефону, что муж должен вернуться домой в течение часа.

Положив руки на рулевое колесо, Фил переводил глаза от ворот до массивной громады плотины, неясно маячившей позади. Это гигантское сооружение, казалось, спало, купаясь в слабом свете уже высоко поднявшейся луны. Плотины, которые Фил повидал раньше, были наиболее вдохновляющими и восхитительными символами инженерного искусства — ошеломляющими, дерзкими, вызывающими трепет. Плотина в ущелье Сьерра не такая, в ней нечто зловещее и опасное. Чем дальше он всматривался в нее, тем неуютнее себя чувствовал. «Успокойся, — убеждал он себя, — ведь нет никакой непосредственной угрозы. Беспокойство, которое ты испытываешь, всего лишь эмоциональная реакция на твое знание о внутренних процессах в плотине. Она, черт ее побери, так огромна! Какая-то исполинская кошка из джунглей, гладкая и мускулистая, притаившаяся в ущелье, выгнув спину дугой, чтобы сдерживать напор водохранилища». Но рядом с ней Фил чувствовал себя чем-то вроде комара. Если в он хоть немного приблизился, эта гигантская кошка могла бы уничтожить его одним легким ударом своей когтистой лапы.

«Но ведь и у плотин и у кошек из джунглей, — сказал себе Фил, отчаянно силясь не растерять решимости, — наверняка имеются слабые места, незаметные со стороны. Самый мощный и свирепый зверь может споткнуться о какую-нибудь колючку и погибнуть из-за рассеченной артерии». Он дал задний ход и медленно отъехал от ворот.

— Что мне нужно, — сказал он громко, — так это способ провести этот вот автомобиль через эти вот ворота. Какой-нибудь простой и элегантный, что сделает честь обладателю

докторского диплома одного из самых замечательных на Среднем Западе институтов.

Когда машина оказалась в сорока пяти метрах от ворот. Фил остановился, проверил крепость ремня безопасности, передвинулся пониже и дал полный газ. Крепко вцепившись в руль и посильнее уперевшись, отпустил сцепление. Покрышки взвизгнули.

— Что-нибудь этакое утонченное и изощренное, — пробормотал он, когда автомобиль ринулся вперед.

Скорость 65 километров в час оказалась достаточной, чтобы отшвырнуть ворота, смять решетку, разодрать передние шины, содрать передний бампер и разбить всмятку одну из фар. Чем хорош старый автомобиль, подумал Фил, приходя в себя после столкновения, так это тем, что несколько дополнительных царапин практически ничего не меняют.

В основании вертикальной стороны скалы была врезана стальная дверь входа в туннель, ведущий к электростанции. Рядом с ней находился забетонированный щит управления с заглубленными в него микрофоном и громкоговорителем. Держа рулон чертежей под мышкой одной руки, а блокнот — в другой. Фил нажал большую черную кнопку. Загорелся красный огонек, из громкоговорителя послышалось шипение, а затем голос:

— Диспетчерская.

— Это мистер Ньют Уизерс? — решительно спросил Фил.

— Да, это Уизерс.

— Я Чарльз Робинсон из управления техники безопасности и здоровья.

Это была самая крупная ложь за всю жизнь Фила Крамера. Когда штат Канзас был в 1861 году принят в состав США, Чарльза Робинсона избрали губернатором.

— Можно еще раз? — спросил Уизерс.

Фил повторил свои вымышленные имя и должность.

— Надеюсь, вы ждете меня, — добавил он.

— Как, вы сказали, вас зовут? — спросил Уизерс после паузы. — Робинсон?

— Мистер Уизерс, — ответил Фил с деланным нетерпением, — разве мистер Джефферс или мистер Болен не говорили вам, что в конце этой недели может быть ночная инспекция УТБЗ?

— Прошу прощения, но мне никто ничего не говорил. Мне не разрешается поднимать эту дверь без приказа.

— В котором часу вы заступили на дежурство?

— В десять вечера, сэр.

— И никто не оставил для вас никакого сообщения?

— Я ничего такого не заметил. Могу спросить, как вам удалось миновать верхние ворота?

Фил слегка повысил голос:

— С помощью ключа, который сегодня днем дал мне в Лос-Анджелесе Герман Болен. Ваша связь, кажется, далека от должного уровня. Это заставляет меня полюбопытствовать, что еще тут может быть не в порядке. Я говорил Ларри Джефферсу вчера, а Герману Болену сегодня утром, чтобы они проверили, извещен ли весь личный состав электростанции о новой программе УТБЗ. И они заверили, что не будет никаких проблем и меня примут в любое время дня и ночи.

— Не знаю, что и сказать, — оправдывался Уизерс. — Мои постоянные инструкции состоят в том, что...

— Если меня не впустят внутрь после того, как я известил о своем визите служащих, ответственных за это сооружение, вынужден буду предположить, что здесь что-то пытаются скрыть.

— Это не так. Инспекция УТБЗ была у нас несколько месяцев назад. Мы получили высокие оценки.

— Эти оценки были совсем не такими высокими, как вы, по всей видимости, полагаете. Встал вопрос о качестве воздуха, того самого, которым приходится дышать вам,

мистер Уизерс. Были и перегоревшие лампы в смотровых галереях. Субподрядчик, заменявший ротор в третьем генераторном соединении, не выполнял стандартных процедур безопасности. Прошу прощения, я не имел в виду обвинять вас за ошибки других, примите это к сведению. Вот что я хотел бы от вас: позвоните прямо сейчас домой Лоуренсу Джефферсу и Герману Болену. Я подожду здесь. Не тревожьтесь, если придется их разбудить. Скажите, что я велел. Они подтвердят мой с ними недавний разговор и распорядятся пропустить меня. А если этого не сделают, буду вынужден представить рапорт своему начальству в Вашингтоне, равно как и местному отделению штата, отвечающему за безопасность плотины.

— Да, сэр. Я сделаю это немедленно.

Красный огонек погас, громкоговоритель замолчал. Если повезет, подумал Фил, Болена не будет дома. По номеру Джефферса тоже никто не ответит. Уизерсу тогда придется самому решать, и, вероятнее всего, он сдастся. Фил повернулся и посмотрел вверх, на плотину.

— Нет необходимости глядеть на меня так угрюмо, — сказал он, обращаясь к ней, словно она живая. — Я всего лишь пытаюсь помочь. Если у тебя в лапе колючка, так ведь надо ее выдернуть, разве не согласна? А потом сможем и подружиться.

Через несколько минут на верху щита управления зажглись два прожектора, осветив Фила, словно певца на эстраде. Он повернулся и прищурился.

— Встаньте на середину платформы, пожалуйста, — предложил голос Уизерса в громкоговорителе, — смотрите в камеру.

Только теперь Фил заметил телекамеру, примостившуюся на скальной стене в полутора метрах над его головой. Он увидел, как объективы втягиваются вглубь, беря его в фокус.

— Могу я спросить, что за цилиндр у вас с собой?

— Вот это? Комплект чертежей плотины и инспекционных туннелей.

— Не могли бы вы развернуть их?

Фил исполнил это, понимая, что Уизерс хочет удостовериться, не припрятана ли там какая-нибудь винтовка или бомба. Он поднес листы бумаги поближе к камере.

— Вы можете разглядеть в нижнем углу печать фирмы Рошека, — сказал он.

— Да, вижу. У вас есть с собой что-нибудь металлическое?

— Только пряжка на ремне.

— А как насчет блокнота?

— Он пластиковый.

Блокнот был, по правде говоря, детским, Фил купил его в секции школьных товаров круглосуточно работающей бакалейной лавки.

— Если у вас есть при себе какой-нибудь другой металл, то, когда будете проходить через детектор, в полицейском участке Саттертона прозвучит сигнал тревоги. Я собираюсь приподнять эту дверь достаточно высоко для вас, мистер Робинсон, но не для вашего автомобиля. Вам придется пешком идти по туннелю. Если у вас есть с собой аппаратура, которую слишком тяжело нести, то вам надо будет вернуться за ней утром, когда мой босс примет дежурство.

— Весьма любезно с вашей стороны.

Тяжелая дверь, громыхая, покатила вверх, нижний край ее остановился метрах в полутора от дорожного полотна. Фил поднырнул и услышал, как дверь закрылась за ним, прогрохотав в последний раз.

— Говорит Герман Болен.

— О да, мистер Болен. Это Ньют Уизерс. Спасибо, что перезвонили. Извините за столь поздний звонок, но мне надо кое-что выяснить, а отыскать мистера Джефферса я не мог.

— У вас там все в порядке? Надеюсь, нет никаких внезапных протечек или чего-нибудь еще? — Болен коротко хохотнул.

— Все отлично, насколько мне известно. На борту без происшествий.

— Хорошо. Должен сказать, что я был удивлен, когда передали, что вы звонили. Потому что сам собирался позвонить на электростанцию. Но кое-что произошло, и мне пришлось на время уехать из дому. Пытаюсь выяснить, что же стряслось с нашим мистером Джефферсом. Вот уже больше суток, как он куда-то запропастился.

— Я знаю, что сегодня он домой не приходил. Начальник местной полиции уже звонил мне раньше и спрашивал, не знаю ли я, где он.

— Уизерс, я должен сказать вам, что немного беспокоюсь. Что могло с ним произойти? Могло случиться, что его машина где-нибудь свалилась с дороги... этого больше всего боюсь. Не исключается что-то вроде несчастного случая в нижних дренажных туннелях. Когда я разговаривал с ним в четверг вечером, он сказал, что хотел бы проверить несколько датчиков, прежде чем пойти спать. Нет никаких оснований для беспокойства, — быстро добавил Болен, услышав, как Уизерс протяжно свистнул. — Это только предположение.

— Если он внутри дамбы, то почему же здесь нет его машины? Я не видел ее на стоянке, когда входил.

— Хорошая мысль. И все же мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь повсюду посмотрел там, внизу. Чего желательно избежать, так это общей тревоги, сообщения о пропавшем человеке по телевидению. В общем, чего-нибудь подобного. Это создало бы сложности для фирмы, да и для Ларри тоже, если выяснится, что он просто бродил где-то, никого не предупредив. Вы не могли бы сделать перерыв и спуститься в нижние галереи?

— Ну, мне не положено покидать диспетчерскую больше чем на десять минут. А спуститься на самое дно, а потом вернуться — это полчаса. Инспектор из управления техники безопасности и здоровья сказал, что он намерен проверить галерею. Это было минут двадцать назад... Когда вернется обратно, я его спрошу, не...

— Что еще за инспектор из УТБЗ?

— Тот самый, с кем вы разговаривали сегодня утром. Ну, тот, кому вы дали ключ от верхних ворот. Я и позвонил вам несколько минут назад, чтобы удостовериться, есть ли у него должные полномочия. Ни вас, ни Джефферса не было, а он вроде бы начал раздражаться. Ну, я и решил впустить.

— Я не знаю никакого инспектора из УТБЗ. Мой ключ к верхним воротам заперт в моем письменном столе.

Уизерс застонал.

— О Господи, только не это. Он сказал, что его зовут Чарльз Робинсон, приехал провести ночную инспекцию и что вам, мол, все об этом известно.

— Я не знаю никого с таким именем. Это, должно быть, тот, кто пытался дозвониться до меня, когда я выходил. Он знал, что меня нет дома, потому-то и сказал, чтоб вы мне позвонили. Этот человек — обманщик.

— Если и обманщик, то здорово подкован. Знает эту плотину изнутри и снаружи. У него даже есть комплект чертежей с печатью фирмы «Рошек, Болен и Бенедитц». Мне что, позвонить ребятам из полиции?

— У него комплект чертежей? А как он выглядит?

— Высокий парень, может быть, метр восемьдесят пять. Примерно двадцати пяти лет. Волосы такие рыжеватые.

— А ходит большими шагами, словно фермер, перешагивающий через две борозды, да?

— Ну да. Можно сказать и так.

Болен негромко выругался.

— По описанию похож на Крамера. Вы можете включить свет на автостоянке с того места, где находитесь?

Посмотрите, не удастся ли нащупать его автомобиль вашей камерой.

— Так, одну секунду. Давайте-ка посмотрим... Да, это, должно быть, его машина, вот справа от меня. Подождите, пока я возьму в фокус. Так, поймал! Похоже на «мустанг». Ему этак годиков шесть-семь. Здорово помят.

— Звоните в полицию. Ваш инспектор из УТБЗ — это Фил Крамер, инженер, которого Рошек уволил часов двенадцать назад. Он убежден, что плотина в любую секунду может рухнуть. Абсолютно одержим этой идеей. Потому-то и пришлось его выставить.

— А он не агрессивен? Бог мой, я же здесь совсем один.

— Не думаю, что есть хоть малейшая опасность насилия. Насколько мне известно, вполне разумен, когда дело не касается плотины. Если не ошибаюсь, когда он поднимется снизу, захочет, чтобы вы объявили общую тревогу. Он никогда не бывал внутри какой-либо плотины и не имеет ни малейшего представления о том, насколько сильна там протечка воды. Когда увидит, как туда просачивается вода, подумает, что плотина вот-вот развалится.

— Надеюсь, полицейские доберутся сюда до его возвращения.

— Уизерс, если можно будет это устроить, я хочу, чтоб его в чем-нибудь обвинили. Лучше всего для нас, если полиция попридержит его и не даст отправиться к газетчикам, пока я сам до вас не доберусь. Собираюсь встретиться с одним инспектором из управления безопасности плотин из Сакраменто в полдень. Мы не хотим, чтобы о нашей плотине начали распространяться слухи. Улавливаете суть? Когда доберусь, возьму этого Крамера под свою опеку. Уверен, смогу втиснуть немного здравого смысла в его голову. Так что удержим это в тайне, если сможем.

Болен разговаривал по настенному телефону в кухне. Повесив трубку, повернулся к своей жене и к Рошеку,

пившим кофе за кухонным столом. Рошек явно осознал всю картину, услышав только одного из собеседников. Щеки налились краской, в глаза вернулся огонек. Стал выглядеть почти нормально.

— Мы должны притянуть этого ребеночка к ответу и попытаться упрятать за решетку до конца жизни. Он — угроза для нашей фирмы.

Болен устало кивнул.

— Поговорим утром. Попытаемся-ка немного поспать. Я тебя разбужу, Теодор, если Уизерс вдруг позвонит с какими-нибудь сногшибательными новостями.

Глава 18

Фил протиснулся мимо автомобиля, припаркованного позади шестой турбины. «Есть ли там, несмотря на поздний час, кто-либо из рабочих по обслуживанию туннелей?» — мысленно поинтересовался он. Если есть, надует его так же, как Уизерса. Он поспешил к стальному лестничному пролету и потянул на себя дверь с пометкой «Опасно, вход воспрещен!». Схватил со стеллажа фонарь и полутрусцой направился вниз по туннелю. Он не мог удержаться от улыбки, вспомнив об успехе своего актерского дебюта. Официозная, слегка раздраженная манера разговаривать совершенно сбила с толку Уизерса.

Бедняга вынужден был обороняться от огневого шквала вопросов по поводу условий труда рабочих, перил ограждения, огнетушителей, комплектов первой медицинской помощи и всего прочего, что пришло Филу в голову. Он не оставил Уизерсу ни малейшей возможности потребовать какое-либо удостоверение или самому спросить о чем-нибудь.

Туннель больше подходил для воплей ужаса, чем для лучезарных улыбок. Он был не просторней коллектора для труб под сельскими дорогами отца и так слабо освещен

расположенными с большим интервалом лампочками на потолке, что Филу пришлось включить свой фонарь. Воды было столько, что ботинки намокли сразу же. Бог мой, думал Фил, направляя луч фонаря на запачканные минеральными отложениями стены и быстротекущий ручеек в желобе вдоль дорожки, если столько воды просачивается здесь, при таком удалении от основания, то что же делается на пятьдесят метров ниже?

Воздух был спертый, а сам туннель, казалось, становился все уже и уже, хотя он знал, что это всего лишь обман зрения. В первый раз с детских лет нахлынула клаустрофобия, недостаточно сильная, чтобы заставить повернуть обратно, но ощутимая настолько, что вызвала в памяти, как его, пятилетнего, заперли в сортире мучители — хохотавшие соучастники детских игр, которых совершенно не трогал его ужас. Их в конце концов разогнала мама, услышавшая его приглушенные вопли с заднего двора. И теперь не оставляло ощущение, что овладевший им тогда страх все еще гнездится где-то глубоко внутри и может снова, если Фил позволит, всплыть на поверхность. Он заторопился вперед, с каждым шагом производя всплеск, напомнимый, как он любил шлепать по лужам после летних дождей. Захотелось оказаться вдруг в Канзасе, подальше от этого мрачного туннеля, где, казалось, давят стены, в Канзасе, где горизонты всегда удалены на километры.

На пересечении с каким-то поперечным туннелем Фил развернул схемы и положил их на свое приподнятое колено. Вряд ли была необходимость обращаться к ним снова, но вид детализированных технических чертежей, заполненных измерениями, поперечными разрезами и пояснениями, помогал контролировать разум в противоположность эмоциям. Чертежи, казалось, говорили: «В туннелях ничего загадочного, и бояться нечего. Ты не потерялся в аду или в лабиринте парижской канализации».

Справа от него находился смотровой туннель, пронизавший скалу у северного устоя дамбы, над ним — проход к основанию заборно-вентиляционного канала, а слева — как раз то место, куда он намеревался проникнуть.

Этот боковой туннель определенно меньше, подумал Фил, продвигаясь с еще большей осторожностью, наверное, не более двух метров в диаметре. Господи, теперь-то понимаю, почему Дункан так не любит бывать тут. Можно кричать во всю глотку или палить из пушки, и ни одна живая душа не услышит. В парижской канализации это по крайней мере взяли бы на заметку крысы, а может быть, и полиция. Будь я в самом деле инспектором УТБЗ, уж я бы устроил бучу из-за этих туннелей: мало света, ужасный воздух, ненадежный пол... Возможно, я это так или иначе еще устрою. Ведь необходимо заставить просачивающуюся воду литься, как положено, по дренажным и радиальным коллекторным трубам, а не через трещины и швы в стенах туннеля. Это же черт знает что такое...

Фил остановился у верхнего края главного лестничного колодца, круто уходящего вниз. Луч его фонаря мало что мог поделывать со сгустившимся под ним мраком. Слышался слабый звук быстро текущей воды, и появилась уверенность, что такое не может быть нормальным. Постоял, затаив дыхание, прислушался... Вода струилась и капала вокруг него, текла по выводному желобу вдоль дорожки, однако привлекая внимание звук был глубже и сильнее, напоминая рев круто падающего водопада. Он быстро двинулся вниз по ступенькам. Как сказал Дункан, их было двести. Если бы Фил споткнулся и упал, покатился бы вниз без остановки.

В два часа ночи с пятницы на субботу бары Саттертона закрывались. Дежурство несли два полицейских патрульных автомобиля: один расположился близ придорожного кафе «Рэнди», к югу от города, а другой — напротив салона «Колесный фургончик». Опыт показал: когда завсегдатаи

этих двух крупнейших в городе питейных заведений выходили на улицу, вид полицейских машин ускорял отрезвление.

Полицейские Джон Колла и Ли Саймон из автомобиля номер два, что стоял у «Колесного фургончика», были довольны сдержанностью и добропорядочностью поведения покидавших бар. Казалось, никто не собирался нарушать покой и потревожить кого-либо. И никому не требовалась помощь полиции, чтобы устоять на ногах или идти. В радиоприемнике-передатчике слышался шумок статистических помех, и полицейский диспетчер спросил об их местонахождении. Сидевший за рулем Колла взял микрофон.

— Автомобиль номер два находится у «Колесного фургончика». Спокойно, как на церковном пикнике.

— У нас тут двести двадцать три электростанции. Звонил дежурный инженер Уизерс. Ехать надо ВОС.

Полицейские обменялись короткими взглядами: 223 было кодовым номером, означавшим вторжение в чужое владение при помощи транспортных средств, а ВОС — что, подъезжая, следует выключить огни и сирену.

— Какой это Уизерс, Чет? — спросил Колла. — Ньют?

— Да. Полагают, нарушитель — некий Фил Крамер, который использовал вымышленное имя и лживую историю, чтобы проникнуть внутрь с неизвестной целью. Подозреваемый находится где-то внутри плотины и не знает, что нам звонили. Ньют заперся в диспетчерской и поднимет дверь, когда вы позвоните у входа.

Колла включил двигатель и отъехал от тротуара. Развернувшись, они поехали к плотине.

— Оружие? — спросил Колла.

— Детектор не показал никакого металла. Никаких сведений насчет подозреваемого в полиции нет. Может вести себя неустойчиво. Известно, он какой-то фанатик. Думает, что наша плотина вот-вот рухнет.

— А как насчет верхних ворот?

— Ваш ключ номер пятнадцать должен открыть. А если нет, на подходе люди Ньюта, они помогут въехать.

— Звучит довольно кисло. А еще какую-нибудь помощь получим?

— Дорожный патруль посылает машину.

— Понял. Конец связи.

Из отделения для перчаток полисмен Саймон достал кольцо с ключами.

— Нам, возможно, достался какой-то психопат, — сказал он.

— Да, похоже на то. Надеюсь, такой, что можно успокоить ласковыми речами.

Его надежда действовать скорее психологией, нежели силой, рухнула при виде сорванных и искореженных верхних ворот.

Пожелав Рошеку доброй ночи, Герман Болен подождал в коридоре за дверью гостевой спальни, чтобы посмотреть, ляжет ли тот спать или же будет сидеть, пытаясь заставить себя успокоиться. Когда узкая полоска света под дверью почернела, Болен вздохнул с облегчением.

По крайней мере я на какое-то время спихнул его с себя, перевел он дух, спускаясь по лестке в свой маленький рабочий кабинет. Уселся за письменный стол и набрал номер телефона электростанции. Удивительно, насколько вдруг осложнилась жизнь. Вопросы о безопасности плотины в ущелье Сьерра поднимались в самых последних инспекционных докладах: один из наиболее надежных служащих фирмы непостижимым образом исчез и виновен по меньшей мере в явной беспечности; Рошек заявил, что может оставить свой трон на несколько лет, а затем принялся терроризировать жену и выдворен полицией из собственного дома. А теперь еще и эта история с Крамером. Одно то, что Крамер возражал Рошеку и сам же добился своего увольнения, не может не удивить, но в то, что он потом

поехал в Саттертон и сумел пробраться внутрь плотины, было вообще почти невозможно поверить. Если Рошек решит настоять на своем, парень попадет в тюрьму. Болен испытывал отвращение к себе за то, что счел того ужасного типа рассудительным, и подумал: не было ли у этого молодого инженера в прошлом каких-нибудь психических заболеваний? Звонок к его родным или в клинику Меннингера, возможно, помог бы раскопать что-нибудь.

— Это снова Герман, — сказал он, когда Уизерс ответил.

— Есть что-нибудь новое?

— Полицейские уже едут, но пока сюда не добрались.

— Хорошо. Крамер снова не появлялся?

— Полагаю, он все еще внизу, в этой дыре.

— Не впускайте его в диспетчерскую. Если он там разбушует, может в самом деле причинить массу вреда.

— Вы думаете, может разбушеваться? Господи, как я рад, что эти большие окна пуленепробиваемые.

— Не знаю, что он может сделать. Я совершенно неверно оценил его. Не думаю, что следует беспокоиться по поводу каких-то пуль... хотя... если только полиция не разнервничается и не откроет пальбу... Надеюсь, они применят минимальную силу. Все думаю о своем последнем разговоре с Крамером. Он был в особенности расстроен тем, что посчитал чрезвычайно высокой протечку воды в галерею D. Можете сказать мне что-нибудь о том, какие там условия, вот прямо с вашего места?

— Галерея D? Там, я думаю, несколько дистанционно контролируемых датчиков давления в скважинах. Я, знаете ли, занимаюсь только электрической частью, а в гидравлике не силен. Не вешайте трубку, пока не подойду к другому аппарату, он на панели нижней галереи в том конце комнаты... Слушаете, мистер Болен? Здесь три циферблата по галерее. У двух стрелка на нуле, у третьей на пределе. Думаю, они неисправны. Я работаю здесь уже полгода, и эти показания никогда не изменяются. Могу проверить протечку

в настоящий момент по расходу электроэнергии... Одну секунду... поглядим... Похоже, всего треть нормального. Могу предположить, что два из трех насосов не работают.

— Два насоса не работают? Это означает, что на полу туннеля, возможно, несколько сантиметров воды. Если трещина у третьего насоса в трубопроводе высокого давления, Крамер подумает, что туда вливается озеро. Не дайте ему себя запугать.

— Я понял.

— И еще: если эти насосы не работают, немедленно отправьте кого-нибудь снова подключить их к линии. Мы не хотим, чтобы инспектор от штата обнаружил там кучу испорченного оборудования.

В самом низу этих ступеней Фил стоял в темноте, вода доходила до бедер. «Не надо волноваться, — сказал он себе, — только из-за того, что свет над головой не горит, а насосы не работают. Все это вряд ли нормально, но нет никаких признаков надвигающейся катастрофы». Оставив рулон чертежей на сухой ступеньке, он начал пробираться вперед, туда, откуда слышался шум потока воды. Луч фонаря проникал всего лишь до следующей завесы воды, капавшей со стен и потолка туннеля. В пятнадцати метрах от лестницы он обнаружил то, что показалось главным источником этого потока: воду, энергично бьющую ключом откуда-то снизу. Он попытался ступней на ощупь определить, прав ли он, что она хлещет из-под пола из пробитой трубы. Однако струя была слишком мощной, ногу отбросило в сторону, и она наткнулась на какой-то погруженный в воду, приткнувшийся к стене, похоже цилиндрический предмет, завернутый то ли в холст, то ли в сукно. Когда Фил пробирался мимо, предмет откатился в сторону.

Глубже в туннеле фонарь Филадельфии осветил прямоугольное помещение, на его левой стене полуоткрытая стальная дверь с надписью «Галерея D». Фил знал, что доказательство его правоты — там. Он сдерживал свой страх, сосредоточиваясь

на технических сторонах работы, которую предстояло сделать. Он уже чувствовал, что был вправе прорваться сюда. Это фантастическое количество воды лучше всяких словесных доводов демонстрировало, что дренаж, система насосов, инспекция и методы контроля, чем так гордился Рошек, не выполнили своего теоретического назначения. Более того, его. Фила, компьютерная программа, хоть и была, возможно, далеко не безупречной, подтвердила его предположения. Даже если подводная струя всего лишь результат разрыва выпускной трубы, совесть его чиста, он первым подал своего рода сигнал тревоги. Прежде всего, если тотчас же не начать экстренную откачку воды, ее уровень поднимется настолько высоко, что все насосы и измерительные приборы в этой части сооружения придут в негодность. У него теперь было достаточно фактов, чтобы стереть это презрительное выражение с физиономии Рошека и перебороть снисходительное отношение Болена. Но Филу хотелось также проверить свою более важную догадку, что плотина в принципе непрочна. Чтобы доказать это, он пожелал взглянуть на измерительные приборы в галерее D, которые пока еще находились над водой и действовали.

Коридор позади этой двери постепенно опускался, и всего метров через двадцать пять Фил оказался в воде по грудь. Он остановился и осветил фонарем вверх, чтобы определить, как далеко еще до датчиков. В шести метрах от себя увидел мерцающую горизонтальную плоскую струю, которая заставила его рот открыться, а плоть съежиться: вода под сильнейшим давлением била из зазубренной трещины от одной стены туннеля до другой. Водяной поток на глазах нарастал, несколько небольших кусков бетона у его основания оторвались и выстрелили через туннель с силой винтовочных пуль.

— Это не протечка, — сказал он, делая несколько шагов назад и пытаясь сглотнуть слюну, — и не прорыв трубы. Это проклятый пролом...

Он повернулся и зашагал в направлении главного туннеля как только мог быстро, соображая: а не будет ли быстрее, если поплывет? Он впервые осознал с тревогой, насколько скользок пол у него под ногами. Скользящий? Подняв фонарь одной рукой повыше, опустил другую до дорожки, для чего пришлось погрузить в воду голову и плечи. Он поскреб ребром ладони вдоль бетона и вытащил руку из воды. Свет фонаря подтвердил подозрения: сложенная чашечкой ладонь была полна глины. Поступавшая в туннель вода несла с собой часть насыпи. Он вылил эту жидкую глину в карман своей рубашки и застегнул пуговицу. В трех метрах от него внезапные волны в главном туннеле начали закрывать дверь в галерею D. В отчаянном прыжке он сумел просунуть руки в сужающуюся щель и с силой отпихнуть дверь обратно, достаточно далеко для того, чтобы протолкнуться. Его больше не волновали ни подтверждение собственных догадок, ни спасение карьеры, ни стремление сказать последнее слово Болену и Рошеку. Теперь имело значение только спасение собственной жизни. Задыхаясь, он карабкался вверх по ступеням. Путь преградил бурлящий подводный фонтан, который теперь бил до потолка туннеля раз в десять сильнее прежнего. Фил в безумном порыве нырнул вперед... прямо в холодные, заочневшие руки Лоуренса Джефферса.

А в здании электростанции стрелки на двух циферблатах, считавшихся неработающими, скакнули от нуля к самым верхним отметкам.

Теодор Рошек не мог заснуть. Он нащупал в темноте лампу на тумбочке у кровати, включил свет, спустил ноги на пол и поставил телефонный аппарат на колени. Он должен позвонить Элеоноре. Она никогда не была особенно расположена слушать, когда ему хотелось обсудить дела, которые она считала «тяжелыми». Но, возможно, когда услышит, через что ему пришлось пройти, простит за то, что разбудил, и скажет что-нибудь ободряющее. Да просто

услышав ее голос, он почувствовал бы себя лучше. К сожалению, когда он позвонил в «Лесной ручей», свою дачу на реке Сьерра-Кэньен, послышался сигнал «занято». По всей вероятности, она решила хорошенько выспаться и, как обычно, сняла трубку.

Он опустил голову на подушку и лежал, пристально глядя в потолок. А внизу, в кухне, Герман Болен стоял у плиты, подогревая себе еще одну кружку кофе и дожидаясь, когда же зазвонит телефон.

Глава 19

Когда небольшая струя воды в полу туннеля превратилась в мощный гейзер, ее возросшая сила сдвинула застрявшее у стены тело Джефферса и покатила его вверх таким необычным кувыркающимся колесом с нелепо растопыренными руками. Прежде чем это тело натолкнулось на него, Фил увидел на смертной маске остекленевшие глаза с застывшим в них выражением ужаса еще большего, чем его собственный. Фил в страхе отпрянул назад, уронил фонарь и, потеряв равновесие, упал. Его хриплый вопль был заглушен накрывшей с головой водой. Когда он сумел подняться на ноги и, оказавшись в сплошной темноте, побрел на звук поднимающейся воды и снова натолкнулся на тело, плавающее лицом вверх и загораживающее проход, Фил плотно зажал в кулаках рубашку мертвеца и начал толкать его перед собой. Глубоко вдохнув и нырнув под воду, двинулся вперед, используя труп как щит и как средство удержания равновесия. Когда миновал фонтан, стрелявший вверх подобно струе из разорванного гидранта, вода оказалась на уровне его талии — на тридцать сантиметров выше, чем когда он проходил здесь всего десять минут назад. Фил с усилием продвигался вперед, толкая перед собой тело для ориентировки, постоянно касаясь одной ступней края дорожки. У подножия лестницы

посмотрел вверх и высоко над собой увидел слабые огни. Слава Богу, подумал он, свет отключился только у дна. Он начал восхождение, преодолевая разом не больше одной ступеньки и волоча за собой неуклюжее тело. Продвинувшись метров на шесть, он ослабил хватку и уселся, чтобы перевести дух. Труп соскользнул вниз на несколько ступеней и вклинился в водосточный желоб между дорожкой и изгибом стены туннеля. Фил попытался собраться с мыслями. Была ли у него возможность вытащить тело наружу и при этом спастись самому? Какой смысл рисковать собственной жизнью ради того, чтобы спасти чей-то труп? Он ощутил растущий холод в ногах и заинтересовался: не признак ли это того, что он впадает в шок? Всмотревшись вниз, в полумраке увидел, что лестница под ним заполнена водой. Беззвучно поднимаясь, она лизала его ступни, икры, колени... Он откатился от нее и снова начал карабкаться на четвереньках вверх по ступеням к этим далеким огням.

Уизерс проклинал собственную глупость.

— Какого черта я позволил этому парню войти внутрь? Поднимай дверь только для людей, которых ты знаешь или которые имеют оговоренные заранее полномочия, — вот каковы инструкции. О Господи, ну и получу я по заднице, когда сюда доберется Джефферс, или Болен, или еще кто-нибудь из персон. Но я-то думал, что по заднице надают, если я не позволю ему войти в помещение! Откуда же я мог знать, что он обманщик? Он же знал и говорил все, что нужно. Да любой другой на моем месте сделал бы то же.

В стену были вделаны четыре телеэкрана кругового обзора. Один из них показывал площадку перед входом в туннель и автостоянку, Другой — электрический распределительный щит, третий — генераторный зал, а четвертый — щит управления турбинами. Два последних обычно были наведены на циферблаты датчиков, но их можно Дистанционно сдвинуть, чтобы осмотреть любую

часть этих помещений. Манипулируя двумя небольшими ручками, Уизерс навел четвертую камеру на дверь, ведущую к смотровым галереям. Он переводил взгляд с первой камеры на четвертую, надеясь, что полиция появится раньше нарушителя.

Прожужжал гудок, и вспыхнул огонек на телефоне горячей линии, связанной с Тихоокеанским центром распределения газа и электроэнергии в Окленде, откуда по всей северной Калифорнии растекалась энергетическая мощь.

— Ущелье Сьерра.

— Центр распределения электроэнергии. Ранчо-Секо можно отключить через несколько часов. Во время утренней пиковой нагрузки нам понадобятся от вас дополнительно двадцать мегаватт. Я полагаю, вы сможете утрясти это? У нас ваши показания равны восьмидесяти шести процентам штатной нагрузки, не считая третьего агрегата. У вас там что, какая-то утечка энергии? Какой у вас подъем после прилива?

— Ну, у нас тут растеклось с полметра, но послеприливный уровень уже понижен. Дополнительные двадцать мегаватт не составят проблемы.

На четвертом телеэкране Уизерс увидел, как Крамер вломился через дверь в конце турбинного зала и обвис на стальных перилах ограждения, явно пытаясь отдышаться. Он судорожно глотал воздух; плечи и грудь тяжело вздымались. Уж не рвало ли его? Прищурившись, Уизерс все же не смог этого определить. Куда же запропастились эти проклятые полицейские?

— Я могу вам перезвонить? — спросил он диспетчера. Голос из Центра распределения электроэнергии монотонно продолжал:

— Проверяя поступающие к нам сведения по ущелью Сьерра, мы, кажется, отмечаем частые колебания в течение

последних тридцати минут или около этого. Ничего серьезного, совсем чуть-чуть. А что там по вашим приборам?

— Послушайте, я вот прямо сейчас ужасно занят. Перезвоню примерно через полчаса и...

— Заняты в три часа ночи?

— У меня тут небольшая проблема. Позже объясню.

Уизерс положил трубку и поднялся со стула, вглядываясь в экран.

Одежда и волосы Крамера выглядели мокрыми, глаза расширены, рот разинут.

— Боже милостивый, — прошептал Уизерс, — должно быть, разорвало какую-нибудь трубу и его окатило брызгами. Он выглядит так, будто совершенно съехал с катушек.

Пока он наблюдал за Крамером, тот закрыл рот и с трудом сглотнул, оглянувшись назад, словно его кто-то преследовал. Потом сполз вниз по коротенькому маршу ступенек у основания турбины и исчез из поля зрения камеры.

А Уизерс опустился на стул и развернулся в направлении окон, окаймлявших одну из стен диспетчерской. Он должен удержать Крамера, пока не прибудет полиция. Надо держаться с ним спокойно и рассудительно. И надеяться, что не разбушуется. Уизерс закрежетал зубами при мысли о том, как много ущерба может причинить сумасшедший. Третий агрегат был отключен от линии, а генераторный щит усыпан инструментами и приспособлениями, которые могли быть использованы для разрушения с таким же успехом, как и для ремонта. Кувалда или ведро с болтами, брошенные в один из роторов, могут вызвать ущерб на дикие суммы. Если что-то подобное произойдет, осознал Уизерс, то, поскольку это он пропустил человека без разрешения, его выгонят с работы и можно будет навсегда оставить надежду снова устроиться где-нибудь оператором электростанции.

Внезапное видение, появившееся по другую сторону окна, было похоже на призрак из дурного сна. Одежда Крамера насквозь пропитана водой и разодрана, из пореза на голове по лицу текли струйки крови. А выражение лица как у того, кто отчаянно борется со своими личными демонами и весьма слабо связан с реальностью. Он пробежал по кафельному полу, словно пьяный, потом, скользя, затормозил и прижал руки к окну. По селектору к Уизерсу донесся пронзительный задыхающийся голос:

— Плотина рушится! Мы должны объявить тревогу! Плотина рушится же!

Уизерс с полным сочувствия видом кивнул, но не двинулся с места.

— Вы меня слышите? Плотина рушится! Уизерс наклонился вперед, чтобы придвинуть губы поближе к микрофону на верху стойки.

— Да, я вас слышу.

— Водохранилище прорвалось в туннели... Один человек уже погиб... Мы должны предупредить город... — Крамер безумно осмотрелся кругом, потом ринулся мимо окон и попытался открыть дверь в диспетчерскую. — Отоприте дверь! Что с вами такое? Ведь плотина рушится!

Уизерс сосредоточился на том, чтобы произвести впечатление спокойствия, хотя его пульс бешено колотился, а на лбу выступили капли пота. Он вцепился в край стола с такой силой, что кончики пальцев побелели. Крамер что же, в самом деле сказал, будто погиб какой-то человек?

— Я не могу открыть эту дверь, — сказал он. — Следует получить разрешение от...

— Да пошли они в задницу, эти правила! — заорал Крамер. — Дело крайней срочности! Мы должны сделать что-то прямо сейчас: предупредить людей, поскорее унести собственные зады... Вы что, с ума сошли? Разве одного трупа не достаточно? Может быть, плотину еще удастся спасти... Мы должны позвонить по телефону...

— Успокойтесь, мистер Крамер. Очень уж вы взволнованы.

— Конечно же, я взволнован! Господи Иисусе! — Он нахмурился. — Вы назвали меня Крамером. Откуда узнали, что моя фамилия Крамер?

Уизерс заколебался, надеясь, что не допустит еще одной страшной ошибки.

— Я разговаривал с Германом Боленом несколько минут назад. Ему удалось опознать вас. Когда вы сказали «труп», вы что же, имели в виду...

— Позвоните ему по телефону! Дайте мне поговорить с ним. Когда расскажу, что увидел... Звоните ему! Звоните всем подряд! Вы, проклятый манекен! Сделайте же что-нибудь!

— Мистер Болен будет здесь к полудню. Вот тогда и сможете поговорить с ним.

Крамер потряс кулаками.

— К полудню этой плотины уже, возможно, не будет! Возможно, и Саттертона не будет! Если не приведете все в движение, будете плавать в этом вот кресле посреди бухты Сан-Франциско. Ведь... плотина... уже... рушится! — Он закатил глаза, не веря, что его слова не произвели на Уизерса никакого впечатления. — Тут плотина рушится, а мне приходится иметь дело с каким-то роботом.

Он завертелся волчком и увидел ряд кабинетов по противоположной стороне вестибюля. Он стал бегать от одной двери к другой, пытаясь позвонить по телефону и отбрасывая аппарат за аппаратом, когда звук соединения так и не появлялся.

— Эти телефоны отключены, — сказал Уизерс. — Весь коммутатор отключается в пять часов, когда уходят сотрудники. Мистер Крамер, надо взять себя в руки. Почему бы не присесть за один из этих столов и не вздремнуть? Мы обсудим эти дела попозже.

«Где же, черт их подери, эти легавые?» — подумал Уизерс. А Крамер сжал кулаки и зашагал назад, к окнам диспетчерской.

— Вы думаете, я проклятый буйный сумасшедший, да? — спросил он. — Болен сказал вам, что я заикнулся на том, что дамба рушится, и меня не следует принимать всерьез, так ведь? Защищает репутацию фирмы.

— Вам кажется, что дамба рушится. Но вы не знаете, что она рушится. Если бы дамба рушилась, то приборы бы...

— Ваши приборы неисправны! Спросите Дункана, он расскажет. Целая батарея вышла из строя. Я знаю, что дамба рушится. Своими собственными глазами я...

Крамер шлепнул себя обеими руками по лицу, в отчаянии вонзил ногти в лоб, по всей вероятности, не ощущая крови на щеках. Его плечи тряслись. Уизерс поднялся, внимательно глядя на Крамера в надежде, что возбуждение вот-вот сменится апатией. Крамер опустил руки. Ему удалось стереть с лица напряженность. Мужчины пристально смотрели друг на друга через двойные рамы с пуленепробиваемым стеклом. Когда Крамер снова заговорил, Уизерсу показалось, что он делает огромное усилие, чтобы голос не прерывался и речь не была слишком быстрой.

— Я никакой не чокнутый, — сказал Крамер, сдержанно жестикулируя. — До вчерашнего дня работал в отделе гидротехнического проектирования фирмы «Рошек, Болен и Бенедитц» в лос-анджелесской конторе. Структурная целостность этой плотины тревожит меня уже три недели. Меня уволили, потому что я доложил свои подозрения Рошеку и вышел из себя, когда он не воспринял их всерьез. — Он сделал паузу, чтобы глубоко вздохнуть. — Я приехал сюда посмотреть, прав я или нет. Я солгал вам, чтобы попасть внутрь, потому что это казалось единственным способом. Тысяча извинений, мистер Уизерс, за мой трюк. — Его голос и лицо стали спокойными. По мере того как он

говорил, создавалось впечатление, что он совершенно расслабился. — Я только что спускался в нижние дренажные галереи и обнаружил, что мои наихудшие опасения подтвердились. Водохранилище прорывается внутрь под давлением, даже вот когда мы стоим здесь и ведем эту дружескую беседу. Я видел два пролома. Через каждый из них втекает предположительно два или даже четыре кубометра воды в минуту.

Уизерс мало-помалу осознал, что голос Крамера и выражение его лица приобрели некую покровительственность, словно он высмеивал Уизерса.

— Я уверен, мистер Уизерс, что как инженер вы осознаете, что вода, втекающая внутрь под давлением, это... как бы это лучше сказать?.. это плохие новости.

— Я... я не инженер.

— Зато я инженер. У меня докторская степень по гражданскому строительству. Область моих специфических интересов — как раз прогнозирование аварий плотин. Некоторые разводят гортензии или коллекционируют миниатюрные бутылочки из-под виски. А я вот изучаю аварии плотин. Занимаясь этим, вы узнаете, что протечка под давлением — очень дурной знак. Другой дурной знак — присутствие глины в воде, это показывает, что водонепроницаемое ядро не так уж непроницаемо, как, возможно, хотелось бы, и смывается этой вот водой под давлением, о чем я только что упоминал. — Он опустил палец в карман рубашки и протянул его к Уизерсу. — Видите? Я соскоблил это со свода в нижней галерее. Из-под более чем метра воды. — Он провел серую линию на разделявшем их стекле. — Это глина. — Он сплел пальцы рук. — И все вместе — давление, глина, быстрое нарастание потока — означает, что дамба рушится. Вот так это обстоит, говоря проще! — Он улыбнулся, словно был удовлетворен собой, поскольку отыскал слова, которые способен понять даже безнадежный тупица детсадовец. — Вот как это просто.

Дамба рушится! Итак, мистер Уизерс, что должны сделать два взрослых разумных человека, когда они сталкиваются с проблемой рушащейся дамбы? — Его лицо помрачнело, и голос начал повышаться. — Должны ли они предупредить об этой опасности власти или же они будут болтать, как два проклятых идиота? Звоните по телефону.

— Я не эксперт и не специалист по гидравлике...

— Я, я эксперт и специалист по гидравлике! — заорал Фил. — Я выдающийся, черт подери, авторитет!

— ...и я не намерен поднимать шум только из-за того, что вы рассказываете истории, которые могут быть плодом вымысла или воображения, а может быть, основываются на неверно истолкованных данных. Утром те, кому положено, смогут проверить то, что вы говорите.

— К черту этих кому положено! Может вообще не оказаться никакого утра! У нас нет времени ходить по туннелям, вы, тупой сукин сын! Знаете, сколько времени было потеряно в Болдуин-Хиллз из-за того, что первые люди, появившиеся на месте происшествия, отправились по туннелям? В нашем распоряжении, может, часы, а может, минуты. Плотина, возможно, готова расколоться, как упавший с грузовика арбуз. — Фил заколотил кулаками по окнам. — Один уже погиб, и мы можем последовать за ним! Хотите остаться здесь? Прекрасно. Тогда отойдите от внешней двери, чтобы я смог выбраться отсюда к чертовой матери. В противном случае я схвачу ломик там, внизу, на лестнице, и разнесу все в куски. Разобью эти окна и вышибу вам зубы!

Уизерс сильно вспотел.

— Какой человек погиб? Кто погиб?

Уж не могло ли случиться, что там, в смотровой галерее, с Джефферсом произошел несчастный случай? Крамер, возможно, на ощупь набрел там на поврежденный трубопровод под давлением и еще нашел Джефферса в бессознательном состоянии, когда шнырял там повсюду в

галерее D. Это любого напугало бы до полусмерти, и неудивительно, что он так возбужден.

— Откуда я могу знать? Полагаю, что парень, чья машина стоит позади турбин.

— Вы его видели?

— Да он свалился прямо мне на голову! Видел ли я его? Бог мой, да я танцевал с ним!

— Как он выглядел? Такой высокий лоб?

— Он выглядит ужасно! Он выглядит мертвецом! — Фил поднял глаза к телеэкранам позади Уизерса. — Его брови поднялись. — Эй, да вы что же, вызвали полицию?

Уизерс обернулся к мониторам и увидел на автостоянке полицейский автомобиль. Легкое касание кнопки переключило камеру, и на экране появилось лицо полисмена.

— Ньют? Это Ли Саймон. Ты там в порядке? Что происходит?

Уизерс взял второй микрофон.

— Я в порядке, Ли. Сейчас подниму дверь. Доезжай до конца туннеля и поднимайся по ступенькам в диспетчерскую.

— Ты задержал нарушителя?

Фил снова заколотил в стекло.

— Не впускайте их! Скажите им, чтобы будили город!

— Да, но пока никаких неприятностей. Он в вестибюле диспетчерской.

— Вооружен?

Уизерс посмотрел на Крамера, сжимавшего голову с боков, словно удерживая от взрыва.

— Нет, не думаю.

С этими словами Уизерс нажатием кнопки поднял дверь у начала подъездного туннеля, катящуюся на роликах по вертикальным направляющим.

— Вы совсем, видно, сошли с ума, — сказал Фил, бочком отходя в сторонку. — Мы все тут утонем...

— Послушайте, Крамер, полиция не собирается вас ни в чем обвинять. Болен просто хочет, чтобы вас попридержали, пока не доберется сюда. Оставайтесь спокойным, и все будет в порядке, идет? Окажите уж нам обоим любезность... И куда же, позвольте узнать, вы направляетесь? — Увидев, что Крамер бежит к ступенькам, ведущим на нижние уровни, Уизерс выругался, схватил микрофон и заорал в него: — Только дотроньтесь до генераторов — и проведете остаток жизни в тюрьме! Это я вам точно обещаю!

Глава 20

Автомобиль с заместителями шерифа из окружного управления прибыл на несколько минут позднее машины полиции. Уизерс сказал новоприбывшим, чтобы они разместились у входа в подъездной туннель на случай, если Крамер попытается сбежать в этом направлении, а потом повернулся к полисменам Колле и Саймону, стоявшим в вестибюле диспетчерской в ожидании дальнейших указаний.

— Он вернулся в смотровые галереи, — сказал Уизерс. — Видите эти ступеньки? Двумя пролетами ниже турбинный зал. В дальнем конце его стальная дверь. Я видел по монитору, как он вошел в нее.

— А он не вооружен? Ты уверен?

— Почти наверняка нет.

— Он может причинить какой-нибудь ущерб?

— Нет, если будете держать его подальше от генераторов. Может разбить кое-какую аппаратуру, дернуть некоторые провода. Но ничего слишком уж разрушительного.

— Мы постережем внизу, пока не подойдет кто-нибудь из твоих, кто знает эти туннели.

— Хорошо. — Внимание Уизерса привлек красный огонек, вспыхнувший на приборной панели слева. — Подождите-ка минутку... Господи, да он же в лифте!

Уизерс, хотя сам никогда там не бывал, знал, что внутри заборно-вентиляционного канала имеется лифт на одного. Ему следовало бы сообразить, что Крамер о нем знает. Красный огонек показал, что лифт в работе, а табло продемонстрировало, что его кабина находится на высоте двухсот метров и уверенно ползет к верхней площадке на отметке двести пятьдесят метров. С легкой улыбкой Уизерс перевел рычажок выключателя к надписи «Отключено». Стрелка на табло остановилась, а потом стала медленно отклоняться влево; чтобы кабина вернулась на дно шахты, требовалось примерно пять минут, когда она туда попадет, нарушителя встретят Уизерс и двое полисменов. Он открыл дверь диспетчерской и побежал к ступенькам.

— Пошли! — крикнул он, махая руками полицейским, чтобы они следовали за ним. — Он в ловушке, в лифте. Сейчас сцапаем!

Звуки прыжков троих мужчин, бегущих вниз по ступенькам, заглушили слабую пульсирующую вибрацию и жужжание генераторов. В диспетчерской загорелась серия огоньков, обозначающих усиление капли, потом они отключились, поскольку электрическую цепь замкнула влага. Затрезвонили два телефона.

Кабина лифта была просто открытой коробкой на платформе площадью в три десятых квадратного метра. Решетчатая изгородь высотой до талии отгораживала пассажира от бетонных стен канала. Одна из них была покрыта водоводными и вентиляционными трубами и пучками электропроводки. По другой стене, в вертикальной выемке квадратного сечения со стороной шестьдесят сантиметров, по всей высоте канала шли стальные скиты лестницы.

Фил прокрутил в памяти чертежи канала, которые изучал в мотеле. На верхней площадке лестничный пролет, ведущий к крышке люка. Открыв ее, он окажется снаружи, в шести

метрах над поверхностью озера и примерно в шестидесяти метрах от берега.

Поднимаясь, кабина дребезжала, стучаясь о стальные направляющие. Фил крепче прижался к перилам и смотрел вверх. Стальные затворы водозаборных труб, через которые вода из водохранилища поступала в канал, отстояли один от другого на двадцать пять метров, и каждый был отмечен огоньком. Он изо всех сил отжимал книзу рукоятку управления, силясь заставить кабину двигаться быстрее ее мучительно низкой предельной скорости. Был уверен, что достаточно опередил преследователей, чтобы доплыть до берега, отыскать телефон и протрубить тревогу до того, как Уизерс и эти полисмены выяснят, куда он делся.

Он не сводил глаз с последнего огонька, который находился в сорока пяти метрах над ним и медленно приближался. Вдруг кабина, слегка накренившись, остановилась.

— И что же теперь? — громко спросил он, дергая рукоятку. Первой мыслью было, что вода поднялась настолько высоко, что вырубил генераторы... Но нет, ведь огоньки все еще горели. Может быть, отключение только временное?

— Ну давай же, ты, ублюдок! — заорал он, ударив ногой по решетчатой загородке, дергая рукоятку взад и вперед.

Когда кабина начала опускаться. Фил сообразил, что Уизерс обнаружил, где он, и воспользовался устройством для экстренного возвращения лифта вниз. Он взобрался на ограждение, уцепился за одну из скоб лестницы, шагнул в сторону от проезжавшей мимо кабины и прижался всем телом к лестнице. Когда верхняя рама проехала вниз, начал карабкаться вверх. Скобы были мокрыми от струившейся по стенам воды, и он с трудом удерживал на них ноги, а сталь была очень холодной, и Фил боялся, что руки примерзнут к скобам, если он остановится. Он не сводил глаз с огонька

над ним и старался не думать, что произойдет, если он не удержится и сорвется.

После нескольких минут упорного продвижения на руках он наконец добрался до верхней площадки. Сошел с лестницы и протиснулся в прямоугольное отверстие в бетонной стене. Лязганье и скрип шкивов и тросов прекратились: кабина достигла дна. Снизу долетели слабые звуки взволнованных голосов. Делегация, собиравшаяся его приветствовать, явно была огорчена.

Фил взбежал по ступенькам, распахнул крышку люка и выкарабкался наружу. С чувством глубокого облегчения, ибо спасся из смертельной ловушки, опустился на колени, чтобы перевести дух и оглядеться. Он находился на краю сооружения, напоминавшего, когда он впервые увидел его со смотровой площадки, бетонный бублик, плавающий в водохранилище. Луна красовалась на западной стороне неба и скоро должна была зайти, но пока еще купала в свете долину и проложила след на воде. Небо полно звезд, воздух недвижим, не слышно ни звука. Плотина, тянущаяся низкой стеной насколько видел глаз, казалась естественной частью пейзажа.

Это была картина такого спокойствия, что Фил начал сомневаться, а не сыграл с ним его разум какой-либо шутки? Уж не вообразил ли он просто-напросто всего того, через что минуту назад прошел? В течение часа с лишним он пытался спастись от некоего сюрреалистического кошмара, кровь полна адреналина, а у губ затаился вопль. Но под звездным куполом ночного неба в тишине окрестных лесов не было ничего, кроме абсолютного покоя. Пережитые ужас, паника и надвигающееся несчастье показались почти абсурдными. Возможно, растрескавшаяся рушащаяся дамба существовала только в его сознании. Возможно, Уизерс, этот кем-то изготовленный апатичный робот, был прав, не обратив внимания на его неистовую истерику.

Если я сумасшедший, подумал он, поднимаясь на ноги, они могут запереть меня на замок. А если нет, мне лучше бы двигаться. Вода, которую я видел бьющей фонтаном в нижних галереях, не была галлюцинацией. И я не вообразил себе это мертвое тело: я все еще чувствую его холодные мокрые руки вокруг своей шеи. Я должен добраться до какого-нибудь телефона... Легавые, возможно, уже в пути, чтобы задержать меня.

Фил положил ключ зажигания от своей машины между щекой и десной справа, а слева — две десятицентовые монетки, которые обнаружил в кармане. Они должны быть под рукой, если единственный телефон, который сможет отыскать, окажется общественным автоматом. Он снял туфли, носки, рубашку и брюки, сложил все аккуратной стопкой.

— Если все обойдется, — сказал он своей одежде, — я за тобой вернусь.

Он повернулся и соскользнул с края бетона, одной рукой прикрыв кошелек, а другой защебив нос. Шок от прикосновения холодной воды возбудил прилив энергии, и он поплыл к берегу ловкими, сильными гребками.

Глава 21

Герман Болен лежал на боку в постели, хмуро глядя на телефонный аппарат. Связь была плохой, и, чтобы расслышать слова, приходилось напрягаться.

— Он сказал, что видел труп?

— Да, сэр, — донесся голос Уизерса. — Это, должно быть, Джефферс. Когда я ходил с полицейскими к лифту, видел его автомобиль за последней турбиной.

Болен рухнул на спину и уставился в потолок. Джефферс! Мертвый! Мертв потому, что я отправил его в эту дыру посреди ночи... но он ли это?

— Это Джефферс или нет? — спросил он с внезапным раздражением, отбросив одеяло и усевшись на край кровати. — Есть там тело или его там нет? Вы не спускались вниз, чтобы удостовериться?

— Дела заварились такие, что у меня не было ни единой возможности.

— Так пошлите тогда кого-нибудь другого! Вызвали Купера и Риггса?

— Они прискакали только что. Помогают снаружи полицейским...

— К черту все, Уизерс! Хочу, чтобы кто-нибудь спустился вниз немедленно! — Болен прикрыл ладонью микрофон и повернулся к жене, стоявшей по другую сторону постели, натягивая халат. — Тупость этого парня совершенно невероятна. — Он снова взялся за телефон и спросил Уизерса, что еще говорил Крамер.

— Он сказал, что вода, мол, отовсюду бьет струями и разносит дамбу. Он достал пальцем какую-то грязь из кармана своей рубахи и провел ею полосу поперек стекла, будто это должно было что-то доказать.

— О Господи!

— Я не позволил себе растревожиться из-за всего этого. Вы же предупредили, что он собирается сказать, будто дамба рушится. Мои датчики показывают, два насоса вышли из строя, поэтому я и так знал, что там накапливается вода. Когда он увидел труп или подумал, что его увидел, он, как я смекаю, впал в истерику. Вам надо бы посмотреть, как он вопит и размахивает руками. Определенно ненормальный. Я не думаю, что его версия может реально соотноситься с тем, как в действительности обстоят дела.

— Ради всего святого, Уизерс! Надеюсь, у него просто были галлюцинации. А какова ваша версия насчет того, как в действительности обстоят дела?

— Похоже, что все три насоса в нижней галерее вышли из строя. Я не получаю никаких новых данных по колодцам-

накопителям. Дистанционные датчики в галерее тоже отключились. Предполагаю, галерея залита водой.

— Великолепно, — сказал Болен с едким сарказмом. — Ну просто великолепно. А что же Крамер? Вы говорите, полиция загнала его в угол?

— Они видели, как он бежал через дорогу у левой смотровой площадки и на нем не было ничего, кроме трусов. Прячется в одном из зданий на строительном дворе. Они думают, что через несколько минут его поймают.

— Что еще за строительный двор?

— Братья Митчеллы заключили контракт с округом на расширение дороги.

— Свяжитесь с Леонардом Митчеллом и дайте задание откачать воду из нижних туннелей. Мы должны привести эти три насоса в действие, и немедленно! Бог мой, к нам же к полудню приедет парень из безопасности плотин! Скажите Куперу и Риггсу, чтобы они оставили Крамера полицейским. Мне от них нужен отчет о том, что происходит там, внизу. Я собираюсь выехать из Беверли-Хиллз прямо сейчас. — Стоявшие у кровати часы показывали 5.30 утра. — Думаю, смогу быть у вас через три часа. До восьми утра никаких коммерческих рейсов, а в Саттертоне нет аэродрома для самолета нашей компании «Лиэр», так что полечу на собственном самолете. Сяду прямо на плотину. — Болен повесил трубку и начал торопливо одеваться, сказав жене: — Постараюсь вернуться сегодня в конце дня. Когда Теодор проснется, скажи ему, что мне пришлось отправиться в ущелье Сьерра из-за ситуации с Крамером. Позвоню оттуда, как только смогу. Ты можешь позвонить Стелле? Посмотри, не удастся ли уговорить ее не выдвигать обвинения.

В гостевой спальне внизу Рошек осторожно опустил отводную телефонную трубку. Он перетащил себя из постели в кресло и уставился в темноту. Его челюсти напряглись, а губы сжались в тонкую линию.

Поднявшись по скалистому склону от водохранилища к дороге, дрожащий от холода Фил остановился, соображая, в какую сторону повернуть. До Саттертона минимум полтора километра вниз по холму направо. Смотровая площадка ближе, вверх по дороге влево, но он не заметил там телефона-автомата. По другую сторону дороги высились топливные и водяные цистерны. Похоже, это асфальтовая фабрика с несколькими строениями из гофрированного металла. На фоне неба виднелись провода, веером тянущиеся к этим строениям от столба неподалеку. Один из проводов мог быть телефонной линией. Фил рысцой потрусил через дорогу, чертыхаясь сквозь напряженное дыхание, когда в голые ступни врезалась галька.

Он почти добрался до тени на другой стороне дороги, но тут из-за ее изгиба вынырнула какая-то машина, и на мгновение Фил оказался в лучах фар. Он кинулся между двумя припаркованными гусеничными тракторами, надеясь, что его не заметили, и подергал ближайшую дверь. Она оказалась крепко запертой. Он побежал к задней стороне строения, почти прижатой к крутому утесу, увидел там ряд широких окон с верхним креплением на петлях, разбил одно из них камнем. Едва успел осторожно забраться внутрь, как услышал шум затормозившего на гравии автомобиля. Потрескивание двустороннего радиопередатчика и обрывки разговора подтвердили его опасения: это была полиция.

— Подозреваемый находится на строительном дворе на Стерлинг-роуд. У него нет шансов. Утес слишком крутой, не вскарабкаться. Возможно, он в одном из строений. Слушай, да ты просто пошли всех туда наверх, ладно? А мы постережем здесь, чтобы не улизнул.

Фил ежился и обнимал себя руками от холода, глаза его постепенно привыкали к темноте. Над ним смутно вырисовывались силуэты двух грузовиков-вездеходов с бульдозерными ножами. Скаты высотой два с половиной метра, а в кабину можно забраться только по лестнице. Один

из них стоял на мощных блоках, задние колеса сняты. На рабочей скамье под окнами лежала куча замасленных тряпок. Он сгреб их и вытерся, разглаживая кожу на предплечьях. То, что при первом взгляде показалось стоявшим у стены и уставившимся на него человеком, превратилось в два белых рабочих комбинезона, висевших на вешалке. Он надел один из них, налетев при этом на стойку с инструментами. А снаружи подъехал второй автомобиль, потом третий. В мгновенную вспышку света фар Фил успел разглядеть, что его окружают. В дальнем углу находился какой-то кабинет, отгороженный от основного помещения стеклянными стенами и фанерой. Фил пробрался туда, перед каждым шагом ощупывая пол пальцами ног.

— Никакой стрельбы, — услышал он чей-то властный голос. — Там всюду емкости с топливом, а может, и с взрывчаткой.

— Да, — прошептал Фил, на ощупь пробираясь вперед, — давайте уж обойдемся без стрельбы. Подозреваемый ненавидит стрельбу.

В кабинете был письменный стол, а на столе телефонный аппарат. Фил поднес трубку к уху и облегченно закрыл глаза, услышав звук подключения. Спустя минуту отозвалась Джанет Сэндифер.

— Фил, Бог мой, ведь пять часов утра! Ты где? Ты попал на плотину?

— Попасть туда оказалось легко, а вот выбраться наружу чертовски трудно. За мной гонится полиция, загнали в какой-то гараж. Плотина рушится, теперь я в этом уверен. Вода вливается в туннели под давлением. Ты должна протрубить тревогу...

— Что-что?

— ...и устроить такую суматоху, какую только сможешь. Плотина рушится, и я никого не могу заставить поверить в это. Меня вот-вот арестуют за вторжение в чужое владение или еще за какую-нибудь хреновину. Говори всем, что

плотина рушится. Звони в города ниже по течению, звони шерифу, звони своей матери. В штате должно быть что-то вроде службы катастроф... и туда позвони.

— Плотина рушится? Ты хочешь сказать, вот прямо сейчас, да?

— Прямо сейчас. Плотина в аварийном состоянии.

— Ты меня разыгрываешь. Это звучит как-то забавно. Твой голос...

— Я тебя не разыгрываю! Если мой голос и звучит забавно, то это, возможно, потому, что я перепуган до смерти. Я окружен полицейскими с пистолетами! Здесь тысячи людей спят под этой плотиной, и я единственный, кто знает, что она рушится...

— А разве полицейские не могут увидеть, что она рушится?

— Здесь нечего видеть, если не знаешь точно, куда надо смотреть. Вода с грязью просочилась, по всей вероятности, со стороны нижнего бьефа как раз там, где и определил компьютер. Но сейчас еще темно, и я не могу добиться, чтобы кто-нибудь меня выслушал. Ты моя единственная надежда... И это единственный телефонный звонок, который мне удастся сделать. Возможно, мой голос звучит забавно, но я уверен, черт подери, что ничего забавного тут нет. Мне не смеяться хочется, а плакать, если желаешь знать правду. Джанет, еще есть время, чтоб эвакуировать город. Ты должна поверить мне! Я знаю, я прав! И не шучу! Ты должна сделать все, что сможешь... пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

— Я верю тебе. Я сделаю все, что смогу. Многого ли смогу добиться из Санта-Моники, не знаю, но сделаю все, что только смогу. Фил! Я беспокоюсь. Насчет тебя. Не делай больше никаких попыток. Ты и так уже сделал достаточно. Хорошо?

Фил облегченно закрыл глаза.

— Вот так! Я знал, что могу на тебя рассчитывать. Все, я вынужден повесить трубку. Удачи тебе!

— Не делай больше никаких попыток! Обещаешь?

— Только еще одну. А потом — все. Потом это ляжет на тебя. Могу попробовать еще один трюк... Завтра прочтешь в газетах.

Когда начальник полиция Хартли прибыл на строительный двор, один из полицейских доложил обстановку. Обнаружили следы босых ног, идущие к задней части главного строения, там разбито оконное стекло. Заместитель шерифа попытался было с фонарем заглянуть внутрь, но в него едва не попал гаечный ключ, брошенный подозреваемым.

— Дайте мегафон, — сказал Хартли, — попытаюсь уговорить. — Затем вместе с несколькими помощниками он пригнулся к земле позади своей машины и поднес мегафон ко рту. — Говорит Уилсон Хартли, — сказал он, и голос прогремел в тихом ночном воздухе, эхом отразившись от утеса позади строения. — Я начальник полиции Саттертона. Вы вполне можете сдать нам, мистер Крамер. Просто спокойно выходите в эту дверь с поднятыми руками, и вам не причинят никакого вреда. Не заставляйте нас бросить внутрь шашку со слезоточивым газом. Вам это совсем не понравится.

Он опустил мегафон и прислушался, ожидая ответа. К своему удивлению, он его получил. За тридцатилетнюю карьеру полицейского мирного времени он шесть раз участвовал в поимке сбежавших подростков, беглецов из тюрем и грабителей, которые прятались в тех или иных сооружениях. И ни один из них ни разу не ответил на первый призыв сдать.

— Вы обещаете не стрелять? — раздался голос изнутри здания. Хартли расширившимися глазами посмотрел на стоящего рядом заместителя.

— В округе Каспар мы не стреляем в лиц, вторгшихся в чужое владение, — ответил Хартли через мегафон. — Мои люди не станут стрелять, если только я не отдам им прямого приказа.

— Отлично, — донесся приглушенный ответ, — потому что у меня нет никакого оружия. У вас в этом передо мной большое преимущество. Я ненавижу оружие и стрельбу. Оружие и стрельба опасны для жизни.

— Что он сказал? — прошептал Хартли своему заместителю.

— Я не расслышал. Что-то насчет жизни.

— Если удастся их разговорить, — продолжил начальник полиции шепотом, — обычно уже не делают ничего безумного. Установить контакт — вот главное.

— Я расслышал это, — произнес голос изнутри здания. — Контакт обоюдный. Сумеешь разговорить полицейского, и он тоже, как правило, не делает ничего безумного. А как вам нравится работа в полиции? Ваша жена не тревожится?

Хартли неодобрительно посмотрел на мегафон и щелчком несколько раз попереключал рычажок туда-сюда.

— Мы поговорим об этом попозже, — сказал он, удостоверившись наконец, что понял, как включается мегафон. — А сейчас мы хотим, чтобы вы вышли, прежде чем кому-нибудь будет причинен вред. Вокруг множество тех, кто жаждет вернуться к своим обычным обязанностям.

— Так и я того же хочу, — произнес голос. — Знаю, можем поговорить и попозже, но должны поговорить сейчас. Плотины рушится, вам никто этого не говорил? Я это знаю, потому что я гражданский инженер. Из штата Канзас. Вы и ваши люди должны разбудить город, вместо того чтобы терроризировать гражданского инженера, который пытается оказать всем услугу и уверен, что прав. Он не может вам не понравиться, несмотря на застенчивость, доставшуюся ему в наследство Бог знает от чего в детстве.

— Господи, — прошептал Хартли, — этот парень в самом деле чокнутый.

— И это я уже слышал, — сказал голос. — Никакой я не чокнутый. Меня это обижает.

Хартли рассерженно потряс мегафоном.

— Как же все-таки, черт подери, работает эта штукавина? Как надо эту хреновину отключать?

— Должно быть, что-то заело, — сказал заместитель.

— Я так много говорю потому, — сказал голос, — что тяну время. Проверяю кое-что. Еще не совсем готов выйти, но уже почти. Ну вот, теперь, полагаю, готов. А вы готовы, шериф?

— Я не шериф, я начальник полиции. Мы готовы. Выходите спокойно и медленно. Держите руки над головой.

— Я не стану держать руки над головой. Получится, что я сам себя обвиняю, а это уменьшит мои шансы на справедливый суд. Я намерен обратиться с этим делом от начала и до конца к руководству Американского общества гражданских инженеров. Видите дверь гаража, шериф? Я нажму кнопку, которая ее открывает. А потом выйду отсюда. Хочу сказать: я выхожу вон.

И прежде чем Хартли смог что-либо ответить на то, что, по его разумению, было в каком-то смысле отвержением его ультиматума, подвешенная к рельсу дверь, громыхая, откатилась, открыв проем, достаточный для прохода самых огромных строительных машин. Хартли, вглядывавшегося в темноту внутри строения, напугали две замигавшие фары. Послышался рев дизеля, и из двери показался пятнадцатитонный самосвал. Одно из гигантских колес коснулось автомобиля начальника полиции и отшвырнуло его в сторону, будто пластмассовую игрушку. Прежде чем кто-либо опомнился, самосвал выехал со двора и свернул влево на шоссе. Заместитель поднял винтовку.

— Дайте приказ, — прошептал он, прицеливаясь.

— Никакой стрельбы, — скомандовал Хартли, прыгая в свой автомобиль. — Он может потерять управление и врезаться в какой-нибудь дом. Попытайтесь обогнать и поставить свою машину поперек дороги. А я прикажу по радио, чтобы ее там впереди заблокировали. В этом драндулете далеко не уедешь.

Хартли с силой нажал на газ и умчался, взметнув гравий. Включил мигалки на крыше, электронную сирену и менее чем через минуту нагнал самосвал. Когда попытался протиснуться слева, грузовик свернул прямо на узкую дорожку, пересекавшую плотину.

— Куда же, черт подери, он рассчитывает попасть? — сказал Хартли, тормозя и вывертывая рулевое колесо резко вправо, чтобы вписаться в поворот. — Ему нипочем не преодолеть крутые изгибы дороги на той стороне.

Сидевший рядом заместитель опустил свое стекло и снова начал целиться из винтовки.

— Позвольте прострелить ему шины, босс.

Хартли в нерешительности поджал губы.

— Господи, готов побиться об заклад, что эти огромные хреновины стоят по пять тысяч баксов каждая! Ну ладно, давай... Подожди, он останавливается! Поднимает кузов...

Хартли ударил по тормозам и плотно прижался к рулю, пока машина, буксуя, останавливалась. Ее капот замер под задней частью грузовика.

— Пошли, — сказал Хартли, — давай поймаем его. Но прежде чем они успели открыть двери, их автомобиль яростно встряхнуло. Десять тонн раскрошенной скальной породы высыпались из наклонного кузова на капот полицейской машины и завалили ее с боков. Когда оба выбрались через задние окна, позади застыла колонна из семи машин полиции и шерифа. А самосвал уже неуклюже катил прочь, и его поднятый кузов прорисовывался на фоне сереющего неба.

Глава 22

Фил остановил грузовик, когда увидел цифры «50+00», выведенные по трафарету на бетонном выступе дороги, идущей по гребню холма. Согласно данным, которые Джанет сообщила, когда он звонил из мотеля, наиболее вероятное место аварии со стороны нижнего бьефа находилось между отметкой 592 метра и этой вот точкой. Он сошел по лесенке из кабины на землю. На нем были найденный в гараже белый рабочий комбинезон, плохо сидящий, и резиновые сапоги по колено. Увидел приближающиеся в полукилометре фары, услышал сирену. Значит, одному из полицейских автомобилей удалось объехать кучу скального грунта.

Фил перебрался через перила и посмотрел на фасад плотины, ее крутой склон, исчезающий далеко внизу в тених и тумане. Единственным звуком был грохот со дна водослива. Вдалеке, слева от основания плотины, на другой стороне реки находилась автостоянка для сотрудников распределительного устройства и электростанции.

Теперь там притаились уже шесть машин, включая его собственную. Несмотря на две спущенные передние покрышки и смятую переднюю часть, любимая развалюха выглядела обнадеживающе. Его язык коснулся ключа зажигания, все еще зажатого между щекой и десной.

Гребень плотины находился в трехстах двадцати метрах над уровнем моря, а предсказанная точка аварии — на высоте сто четырнадцать. Длинный спуск. Издалека фасад плотины выглядел совершенно гладким, точно поверхность стола, но в действительности состоял из грубых обломков скал, вырубленных в каменоломнях. Длина их со стороны, примыкавшей к утрамбованному земляному ложу, составляла несколько десятков сантиметров. Фил перепрыгнул через перила, свесился на мгновение с края бетонной дорожки и спрыгнул на верхнюю часть склона. Он

услышал, как над ним остановился автомобиль, и открылись двери. Он начал спускаться вниз так быстро, как только мог, чтобы при этом не потерять равновесия.

— Возвращайся сюда наверх, — прокричал чей-то голос, — а не то наберешься неприятностей на целый горшок для дерьма.

— Я уже в целом горшке для дерьма, полном неприятностей, — ответил Фил, бросившись бежать вниз по скалам.

— Стой или буду стрелять!

Фил остановился. Два полисмена смотрели на него с шестиметровой высоты.

— Вы не станете стрелять в безобидного, невооруженного инженера. Начальник полиции приказал не стрелять без особого приказа. А вы не собираетесь последовать за мной? Я хотел бы этого. Покажу, где протекает плотина. И тогда узнаете, что я не такой чокнутый, как вы воображаете. Идет?

— Ах ты, сукин сын! Джон, сообщи по радио, что он спускается вниз по плотине примерно в ста восьмидесяти метрах от водослива. Пускай отправят кого-нибудь туда, вниз. А я пойду за ним. Оставайся здесь на случай, если кинется обратно.

Полицейский перепрыгнул через перила. Сложив руки рупором, крикнул:

— Даю тебе последний шанс остановиться. Если заставишь меня карабкаться вниз по всей проклятой плотине, сверну тебе шею, когда поймаю.

Ответа не последовало.

Звонили снова из Центра распределения электроэнергии.

— Ванчо-Секо придется снять напряжение большее, чем мы думали, — сказал диспетчер. — Нам нужно сорок дополнительных мегаватт из ущелья Сьерра, а не двадцать, как просили раньше.

— Никаких проблем, — сказал Уизерс, добавив голосу уверенности. — У нас здесь уйма воды.

В диспетчерскую вошли прибывшие Риггс и Купер.

— Секундочку, — сказал Уизерс, прикрыл микрофон ладонью и сообщил Риггсу и Куперу, что Болен уже в пути.

— Здорово психует. Хочет, чтобы вы визуально обследовали галерею и имели наготове доклад, когда он сюда доберется. Риггс, который был постарше и посolidнее, застонал.

— Нижние галереи?

Уизерс кивнул.

— Галерея D. Поищите там труп. Этот парень говорил, будто видел его. Возможно, это Джефферс. Отправляйтесь, у меня на линии диспетчер из Центра распределения электроэнергии.

Упоминание о Джефферсе взбудоражило Риггса и Купера. Они взглянули друг на друга и бегом кинулись к туннелям.

— Отлично, — сказал Уизерс в трубку, — стало быть, вам нужно немного дополнительной энергии. Сорок мегаватт, да? Ну, это нетрудно. Хотите получить ее разом?

— Пустите половину на линию через полчаса, а остальное — еще через полчаса.

— Идет. Будет сделано.

— У вас там вроде бы какие-то неприятности, а? Говорили, перезвоните мне, да так и не позвонили.

— Неприятности? Нет никаких неприятностей. Ну, была маленькая неприятность с одним из наших служащих. По сути, с бывшим служащим. Он заболел, и я сказал, чтобы он отправлялся домой, но он не ушел, принялся носиться вокруг. Ну и устроил, доложу я вам, кутерьму! Теперь ушел, и все спокойно.

Уизерс посмотрел на один из телеэкранов и сузил глаза. В полуоткрытой двери в конце турбинного зала что-то блестело. Неужто вода?

— Хорошо, — сказал диспетчер. — Рад слышать. И еще одно: у нас тут проблема с усилением частоты в предгорном секторе энергетической системы. Возможно, это связано с ущельем Сьерра, а возможно, с одной из автоматических подстанций ниже по течению. Какие у вас показания? Продиктуйте по каждому вашему агрегату.

Уизерс развернул свое кресло вправо и взглянул на ряды измерителей частоты. Все стрелки были на нуле.

— Что за черт его поде...

— Прошу прощения?

Уизерс привстал, наклонившись к циферблатам.

— Не могу точно разглядеть отсюда. Перезвоню через минуту. Проверю заодно и графики за последнюю пару часов.

— Да, пожалуйста.

Он повесил трубку и бросился к блоку датчиков генератора. Постучал пальцем по стеклянным крышкам циферблатов, а потом несильно ударил ребром ладони и по всей панели. Все циферблаты в пределах поля зрения Уизерса показывали ноль.

— Это все этот проклятый сукин сын, — сказал он, бегом возвращаясь к своему креслу. — Он, должно быть, отключил все детекторные прерыватели или устроил еще какую-нибудь хреновину.

Чертыхаясь, он проверил серию соединений, пытаясь выяснить, на какую часть системы это повлияло. Лампы над головой потускнели, а потом, когда заработал дублирующий дизель-генератор в соседней комнате, загорелись ярче прежнего. На телевизионном мониторе позади него серебристая полоса, которую он увидел в двери турбинного зала, выросла в небольшой водный поток, заструившийся по короткому маршу бетонных ступеней. Через окна он увидел, как Риггс бежит к нему, размахивая руками.

Фил стоял на плоской скальной площадке, оглядывая всю местность. Насколько он мог определить, это была как

раз та точка, в которой, согласно оценке компьютера, наиболее вероятна авария. Но ничего подобного здесь не было. Даже никакой течи. Небо достаточно посветлело, и фасад плотины стал обозримым на триста метров в любом направлении. Нигде ни малейшего следа сырости. Сухо, как в Долине смерти.

— Так, черт подери, — сказал Фил, глядя на полицейских, пробиравшихся к нему сверху и снизу. — Вот тебе и математическая модель.

Он устало сел, положив руки на колени. Почувствовал боль в ногах. Начали сказываться два часа лазания вверх и вниз по ступеням и лестницам, бегания по туннелям, плавания через водохранилище и карабканья вниз по плотине. Ему ни в коем случае не следовало бросать бег трусцой.

Преследовавший сверху полицейский добрался первым. Мгновение постоял рядом с Филом, успокаивая дыхание и глядя на него с отвращением, искривившим углы рта.

— Я полисмен Ли Саймон, — сказал он, — нагрудный знак тысяча четыреста шестьдесят три, и арестую вас от имени управления полиции Саттертона. Закон обязывает меня предупредить, что любое заявление, которое вы сделаете, может быть использовано против вас. И так, черт подери, будет, раз уж я должен об этом сказать. Не могли бы вы подняться наверх вместо того, чтобы заставляя меня спускаться туда, вниз, разорвав при этом свои брюки, черт бы вас подрал?

Фил проникновенно вздохнул и с отчаянием посмотрел вверх.

— Я вынудил вас спуститься сюда, вниз, чтобы показать протечку в плотине. Как видите, здесь никакой протечки нет, и это выставляет меня... в невыгодном свете. В компьютерной индустрии есть старая поговорка: «Мусор внутрь и мусор наружу». Это означает, что...

На его плечи опустились руки. Теперь его окружили трое полицейских. Только что прибывшие двое тяжело дышали и выглядели вовсе не дружелюбно.

— Видишь это? — спросил первый полицейский. — Наручники. А такое видал? Это дубинка для ночных дежурств. Давай свои лапы, чтобы я мог защелкнуть наручники, не то познакомлю свою дубинку с твоей башкой.

— Хорошо сказано, — заметил Фил, — только вот в наручниках нужды нет. Сдаюсь. Сожалею, что доставил вам так много хлопот.

— Да уж доставил, — сказал полицейский, пристегивая запястья Филадельфии одно к другому. — Я, кажется, так стер ноги, что неделю не смогу ходить. Ну-ка, пошли.

Филадельфия рывком поставили на ноги. Он сморщился от боли в икрах и бедрах.

— Предположим, я захромаю, — сказал он. — Отнесете меня до автомобиля?

— Если захромаешь, мы покатаем тебя пинками, как футбольный мяч.

У подножия плотины они шли гуськом по тропе на стыке насыпи и естественного склона холма.

— Глядя на плотину, купающуюся в свете утренней зари, — сказал Фил, — нипочем не предположить, что она вот-вот развалится на части, не так ли? Выглядит неуязвимой.

— Господи, ну что за работа, — сказал один из полицейских, не обращая внимания на замечания Филадельфии. — Я сегодня собирался рыбку половить. А теперь пиши пропало, придется несколько часов потратить на отчет, как мы задерживали этого проклятого засранца.

— Видимость может быть обманчивой, — продолжал Фил. — Плотина кровотоцит, это факт. Можно ли ее спасти быстрыми действиями, не знаю, но то, чего добился, пытаюсь предупредить людей, что-нибудь да значит... Даю восемь против пяти, что к полудню плотины здесь не будет.

— Уж не ты ли смахнешь ее, паренек? Ладно, объяснишь это в понедельник в суде. Мы поместим тебя в замечательную тюрьму. Самую замечательную тюрьму, которая у нас только есть. В ней сможешь рассказывать о плотине новым приятелям, с кем там познакомишься.

— Вы не должны сажать меня в тюрьму. Это будет напрасной тратой денег налогоплательщиков. Лучше просто высадите на автобусной остановке.

— Ну, тюрьма как раз там, так что мы и ею можем воспользоваться.

— Вы выглядите разумными. Внутри плотины вырываются на свободу все силы ада. Водохранилище вот прямо сию минуту просачивается в смотровые галереи. Рано или поздно оно пробьет себе дорогу к фасаду, обращенному к нижнему бьефу. Тогда можете начать отсчет по минутам. Надо трубить тревогу, а не волочь меня в тюрьму.

— Вот и расскажешь это судье.

Полицейский, возглавлявший шествие, предупредил остальных, что тропа неровная.

— Вы не можете посадить меня в тюрьму, — сказал Фил голосом, в котором начинала зарождаться тревога. — Я там утону. Я же ничего не сделал. Это мое первое нарушение. Обещаю, больше никогда не буду врываться на эту плотину. Я же ничего не украл и не причинил никакого ущерба.

— Никакого ущерба, говоришь? — сказал полицейский, идущий позади Фила и подталкивавший его в плечо. — Да ты уничтожил спецмашину шефа, похоронив ее в камнях. Вот что ты сделал.

— Я сделал? Это несчастный случай. Нажал не ту кнопку. Я пытался включить радио. Бог мой, не сажайте меня в тюрьму сейчас!

— А он побольше, чем когда мы поднимались вверх, — сказал идущий впереди полицейский, перепрыгивая через какой-то ручеек. — Черт подери, мои ботинки промокли.

Фил остановился.

— На какой высоте тюрьма? Она что, ниже линии затопления при катастрофической аварии дамбы?

Он посмотрел на свои резиновые сапоги, утонувшие в грязи. Перед ним тропинку пересекал поток бурой воды шириной в несколько десятков сантиметров и глубиной сантиметров от двух до пяти. Фил взглядом проследил за ним до той точки, откуда он вытекал из-под нижнего края скального блока на фасаде плотины. Полицейский за спиной снова принялся толкать его в плечо, говоря, чтоб не останавливался. Но Фил стоял, словно пригвожденный, переводя взгляд от своих сапог к плотине. Выражение лица изменилось от отчаяния к торжеству.

— Подождите минуту! Вот оно! Вот где протечка! Плотина рушится! — Он подпрыгнул. — Аллилуйя, ведь плотина рушится! Я же говорил, что не чокнутый, а вы не желали слушать! — Улыбка сошла с его лица, и он медленно прикрыл рот скованными руками. В благоговейном трепете прошептал: — Боже милостивый, плотина рушится!

Его сграбастали за обе руки и грубо пихнули вперед.

— Весенняя вода, — сказал один из полицейских. — В горах в это время года много ручьев.

— Но это никакая не гора, это плотина, — возразил Фил, пытаясь выкрутиться из чужих рук. — Вода в ручьях чистая, а эта грязная. — Его так быстро гнали толчками по тропе, что ноги едва касались земли. — Знаете, что скоро произойдет! Щель будет расширяться и расширяться, пока ее не перестанет что-либо сдерживать... Мы должны сообщить это властям... Позвольте мне сходить в...

— Мы и есть власти.

Они дошли до группы поджидавших полицейских автомобилей. Фила бросили на заднее сиденье. Он ринулся к дальней двери и попытался открыть ее, но там не оказалось никакой ручки. Он перекатился на спину и увидел полицейского Саймона, нацелившего на него свою ночную дубинку.

— Ты сейчас попадешь кое-куда, где быстро успокоишься, — сказал Саймон. — Если наткнемся на какого-нибудь инженера, мы ему расскажем, что видели какую-то струйку.

— Да я и есть инженер, — завопил Фил, — и я вам говорю, что эта струйка скоро станет потоком! Город необходимо эвакуировать! Вы что, не понимаете этого? Вы что, совершенно тупые?

Ему пришлось мгновенно пожалеть о том, что он произнес слово «тупые». Саймон плечом вперед протиснулся в машину и концом дубинки нажимал на Фила, пока его голова не откинулась назад и не прижалась к спинке сиденья.

— Занимайся своим делом, а мы уж займемся своим, хорошо? Твое дело — вторгаться в чужие владения и уничтожать собственность городских властей. Никакой ты не инженер, насколько мне известно. Для меня ты просто кусок дерьма. Итак, либо ты извинишься за то, что ты только что сказал, либо я поставлю тебе несколько фиолетовых синячков.

— Я искренне сожалею о том, что только что сказал.

Саймон сердито посмотрел на него, потом задом выбрался из машины и захлопнул дверь, Фил повернул голову, откинулся лицом в обивку спинки и за десятиминутную поездку до городской тюрьмы Саттертона не издал ни единого звука. Он был в отчаянии не только из-за неудачной попытки убедить хоть кого-нибудь, что приближается катастрофа, и не только из-за ноющих ног и сильно болевшей губы. Когда дубинка полицейского Саймона зажала нос, он проглотил ключ от машины и двадцать центов.

Джанет Сэндифер налила стакан апельсинового сока и отнесла его вместе с телефонным аппаратом на обеденный стол. Села за него и положила два остро отточенных карандаша рядом с листом бумаги, на который выписала

названия и номера телефонов учреждений, куда следовало позвонить. Прежде всего властям штата Калифорния. Ведь если рухнет самая высокая в стране плотина, они наверняка должны первыми узнать об этом.

Набрав номер 411, услышала записанный на пленку покровительственный голос, всегда приводивший ее в бешенство:

— Вы смогли бы реальным образом помочь сократить стоимость телефонных переговоров, если бы воспользовались вашей справочной книгой. Если нужный вам номер там не указан, оператор даст его вам. Пожалуйста, имейте это в виду.

— Почему я должна иметь это в виду, скотина, — сказала Джанет. — Я же не собираюсь сообщать о катастрофах с плотинами каждый день!

В трубке возник женский голос:

— По какому городу вам нужна служба справочной помощи?

— По всей вероятности, Сакраменто, но, может быть, и Лос-Анджелеса.

— Для связи со службой справочной помощи в Сакраменто наберите номер 916-555-1212.

— Я это знаю. Возможно, у управления штата, которое мне нужно, есть какой-нибудь филиал здесь.

— О каком управлении речь?

— Я не знаю наверняка. Я хочу сообщить о надвигающейся катастрофе плотины. О неминуемой катастрофе плотины.

— Как бы это звучало по буквам?

— Ну, в любом случае это начинается с «Н». Кому передать это сообщение?

— Из служб штата, начинающихся на букву «Н», у меня есть «Невосприимчивость к болезням» и «Наследственное налогообложение».

— А как насчет буквы «К», катастрофа? У штата нет чего-нибудь такого, что называлось бы службой катастроф?

— «К», как в имени «Карл»? У меня есть «Комитет школ по диагностике детей с неврологическими заболеваниями» и «Комитет штата по контролю над стоматологами».

— Я полагаю, мне лучше попробовать позвонить в Сакраменто.

— А эта плотина в Сакраменто?

— Нет. Благодарю вас за вашу помощь. Не знаю, откуда только телефонная компания добывает таких прекрасных людей для работы в такое раннее время.

— Если вам не удастся найти службу штата, которая вам нужна, наберите номер 916-322-9900.

— Это номер справочной службы штата?

— Он тут просто записан с пометкой: «Если вам не удастся найти службу штата, которая вам нужна».

— Огромное вам спасибо. О, Бог мой!

Оператор в Сакраменто напомнила Джанет, что большинство служб штата в конце недели закрыты, но даже и в будни они в половине шестого утра еще не работают.

— Но должно же быть что-то открыто в учреждениях штата, кроме вас.

— Очень немногое.

— Назовите хоть одно.

— Комната ночных сторожей.

— Не годится. Что еще?

— Служба экстренных ситуаций.

— Это оно! Это именно то, что нужно. Я хочу сообщить об экстренной ситуации. Большая плотина рушится, и я полагаю, кому-нибудь там у вас, быть может, захочется что-либо предпринять по этому поводу. К примеру, унести ноги.

— Вы, кажется, говорите несерьезно.

— Я чертовски серьезна! Я еще и раздражена. Я уже пять минут звоню по телефону и все еще не могу пробиться хоть к кому-нибудь. Самая крупная плотина в стране в ужасной

опасности, и я не могу выяснить, кому об этом надо сообщить.

— Так, хорошо, я свяжу вас со службой экстренных ситуаций.

— Превосходно.

— Тут есть номера по угрозе радиации, землетрясениям, внезапной войне, ну, и так далее.

— Все что угодно! Быстрее!

Послышалось жужжание, а следом за ним серьезный голос, быстрый и чрезвычайно деловой:

— Служба экстренных ситуаций. Хоукинс.

— Я звоню, чтобы сообщить о разрушающейся плотине. Я туда попала?

— Разумеется, да. Вы на горячей линии по утечке бензина.

— Прорвалась плотина в ущелье Сьерра. Саттертон должен быть немедленно эвакуирован.

— Вы звоните с плотины?

— Нет, из Санта-Моники.

— Это Южно-калифорнийский центр контроля над катастрофами?

— О Господи! Я порой думаю о себе что-то в этом роде, это так, но в данный момент я просто частное лицо, пытающееся предупредить вас о протекающей плотине.

— Все плотины протекают, леди. Как вы попали на горячую линию утечки бензина?

— Вы не могли бы забыть об этом. Бога ради?

— Вы находитесь на большом расстоянии от ущелья Сьерра. У вас был какой-то вещий сон, что ли?

Джанет вдохнула и выдохнула сквозь стиснутые зубы, прежде чем ответить.

— Один инженер с этой дамбы позвонил мне и попросил, чтобы я поставила на ноги власти штата. Он сказал, что вода прорвалась в дренажные галереи и теперь только вопрос времени, когда она проложит себе путь через всю насыпь.

— Было очень мило с его стороны позвонить именно вам. Забавно, что он не позвонил нам. Или в полицию.

— Он не позвонил в полицию, потому что... потому что полиция позвонила ему. Там у всех руки сейчас заняты, как вы не понимаете? У этого инженера было время только для одного звонка, поэтому он и попросил меня поднять тревогу.

— Извините, но эти вещи так не делаются. Я не собираюсь давать приказ об эвакуации и мобилизовывать службы контроля над катастрофами по предложению домохозяйки из Санта-Моники, которой плохо спится. Я полагаю, вы неудачно шутите, и вежливо прошу вас отключиться от горячей линии по утечке бензина.

— Я никакая не домохозяйка, и насрать мне на вашу горячую линию по утечке бензина! Хотите сказать, что не собираетесь вообще ничего предпринять? Для какого тогда хрена нужна ваша служба экстренных ситуаций? Дождетесь, что об этом узнают газеты!

— Скажите вашему инженеру, чтобы он известил местные официальные власти, а в данном случае это управление полиции Саттертона или управление шерифа округа Каспар. Местные власти оценят эту просьбу и предпримут необходимые действия. Возможно, свяжутся с нашей службой, чтобы усилить функции штата по предупреждению и координации действий.

— Мой инженер не известил местные официальные власти, — рассерженно закричала Джанет, — потому что местные официальные власти хотят зубами вцепиться ему в задницу! Что до вашей задницы, то ее придется бинтовать, если хоть что-нибудь не предпримете!

— Мне не нравится, когда такими выражениями пользуется дама.

— Тогда ты просто свинья сраная и тупой кретин заодно, и пошел ты вообще в задницу!

Джанет швырнула трубку и в ярости принялась носиться по квартире, проклиная власти штата Калифорния, службу

экстренных ситуаций и жестокий рок, который подсунул в ее жизнь Фила Крамера. После нескольких минут неистовства села и набрала следующий номер из списка, дав себе зарок никогда больше не связываться с мужчиной, который все принимает так близко к сердцу. Прислушиваясь к сигналам звонка, решила несколько переменить тактику, поскольку чистая правда, по всей видимости, была недостаточно убедительна.

Глава 23

Уизерс пристально наблюдал, как Риггс пробегает мимо окон диспетчерской и останавливается у дверей, возясь со своими ключами. Зазвонил телефон, и Уизерс автоматически ответил на звонок. Это был Леонард Митчелл, подрядчик.

— Да, мистер Митчелл, спасибо, что перезвонили. Вы не могли бы подождать секунду?

Риггс, задыхаясь, ворвался в комнату.

— Вода... вода просачивается из входа в галерею D... Надо ее перекрыть... Вода бежит в турбинные колодцы. Перекрывай все...

Он побежал к главному щиту управления и принялся дергать выключатели. Уизерс прыгнул за ним и сграбастал его руку.

— Ты что же делаешь? Мы не можем перекрыть... Я же должен начать давать дополнительные сорок мегаватт для...

— Вода...

— Ну, что вода? О какой воде ты говоришь?

Риггс показал на телеэкраны мониторов.

— Об этой воде. Я надеюсь, мы еще сможем спасти генераторы...

Когда Уизерс посмотрел на экраны, настала его очередь задохнуться. Поток воды толщиной сантиметров в тридцать лился из дверного проема, растекаясь по полу турбинного

зала. Пока он ошеломленно наблюдал за этим, начал ритмически подавать голос какой-то гудок.

— А вот и предупредительная сирена, — сказал Риггс, манипулируя рычагами управления, которые должны были остановить массивные роторы генераторов. — Помоги мне, что ж ты?

— А где Купер?

— Он в туннелях, смотрит, не удастся ли определить, откуда поступает вода.

Уизерс тяжело сглотнул.

— Плотина рушится. Вот это-то Крамер и говорил.

— Послушай, — резко отпарировал Риггс. — Вода просачивается в турбинный зал. Это все, что мы знаем. Возможно, какое-то повреждение в линии стока. Возможно, какая-то трещина в защитном блоке со стороны верхнего бьефа. Вроде той, что была у нас лет пять назад. А может, в граните береговых опор. Да может быть десятков причин, которые вовсе не означают, что плотина рушится. Мы должны все перекрыть и разобраться, в чем причина. Давай-давай, надо работать.

Уизерс кивнул и поднял трубку телефона.

— Мистер Митчелл? Нам нужны от вас двенадцать человек и насосы. Подтяните все, какие есть на вашем строительном дворе, к нам сюда через южную сторону смотровой площадки. Можете это сделать?

— У нас есть несколько небольших. А у вас там много воды? До меня дошли слухи, что вроде плотина рушится, а?

— Нет-нет, с плотиной ничего не случилось. Вода поступает на электростанцию, и нам надо справиться с нею, пока она тут чего-нибудь не испортила. Думаем, дело вот в чем: все три наших насоса остановились одновременно... Что? Сирена? Так это предупреждение о том, что что-то не в порядке с дренажной системой. А вода у нас поступает со скоростью... Ух ты... ноль три кубометра в секунду. Сможете с этим справиться?

— Ну, я пригоню к вам нескольких человек и оборудование, и мы с этим разделаемся. А как собираетесь оплатить?.. Стоимость работы плюс пятнадцать процентов... или как? Я же должен оформить по расценкам работы в выходные дни, вы ведь знаете.

— Пока просто ведите записи, мистер Митчелл, держите это в секрете, пока не узнаем, с чем столкнулись. Мы не хотим паники.

— Понимаю. Ну, я начинаю действовать.

Уизерс показал Риггсу на ряды бездействующих измерительных приборов. Все соединенные с отсеками насыпи ниже уровня генераторного зала явно отключились.

— Господи, — мрачно произнес Риггс, — да мы так и в самом деле ничего не узнаем. И никакой возможности определить, что там творится. Вода, должно быть, просочилась в силовой узел турбинного водовода и все там отключила.

Их разговор перебил Купер. Он сильно покраснел, тяжело дышал, одежда промокла насквозь.

— Я добрался до пересечения с главной магистралью, — сказал он, упав в кресло. — Потом свет отключился, потому и вернулся. Не смог разобрать, вода поступает из заборного канала или из колодца в нижней галерее. А может быть, и нижние туннели, и лестничный колодец тоже затоплены? Хотя это и кажется невозможным.

Риггс снял со стеллажа комплект инженерных чертежей и развернул их на столе. Он переворачивал листы, пока не добрался до поперечного разреза насыпи, включая заборно-вентиляционный канал.

— Бьюсь об заклад, этот сопляк сделал что-то, когда носился там без присмотра. Может быть, ухитрился открыть затвор одного из водовозов и запустил водохранилище внутрь?

— Может быть и так, — кивнул Купер, а потом тревожно покачал головой. — Если так, нам придется понизить

уровень водохранилища до этого водовода, чтобы закрыть затворы. Это займет целую неделю. Водным округам и службе ГЭС здорово понравится.

— Мы же тогда будем все выглядеть как компания затраханых клоунов, — застонал Уизерс. — Особенно я.

— Ты не мог бы выключить эту проклятую сирену? — спросил Купер. — Она меня с ума сводит.

Уизерс отсек ток от сирены. В диспетчерской повисло тяжелое молчание. Когда прекратилась выработка электроэнергии, и генераторы замерли, не слышалось даже обычного стрекота работающих электроприборов.

— Так, — сказал Уизерс, глядя на Риггса и Купера, — а вы не считаете, что мы обязаны сообщить шерифу и начальнику полиции о свалившейся на нас беде?

— Пока не стоит, — возразил Риггс. — Может быть, с насосами Митчелла сумеем осушить, и все будет спокойненько.

— Но как же нам удастся это спокойненько, — спросил Купер, — если мы отключили всю станцию? Думаю, надо предположить самое худшее.

— Позвони Рошеку, — предложил Риггс, — и спроси, что он хочет, чтобы мы сделали.

— Только не я, — отказался Уизерс. — Не собираюсь подставиться, чтобы он сожрал меня с потрохами.

— Ну, тогда Болену.

— Он сейчас летит в своем самолете сюда, чтобы взять под опеку Крамера.

Риггс пошел к двери.

— Включи телефоны в кабинетах. Я позвоню в Окленд, в Центр авиасвязи. Не смогут ли они связаться с Боленом по радио.

— Давайте позвоним и в полицию, как раз будет кстати, — сказал Купер.

Риггс с этим не согласился, настаивая, что решение должен принять Болен. Когда Риггс вышел из комнаты, Купер снова принялся убеждать Уизерса известить полицию.

— Нам ведь надо начинать понижение водохранилища, — сказал он.

— Хочешь, чтобы я открыл ворота водослива? Ни за что, пока мне этого не прикажет кто-то с большими полномочиями, чем твои. Сейчас там переливается через верх сантиметров шестьдесят воды. Если я открою ворота, будет около семи метров. Это вызовет вполне приличное наводнение. Для начала смоем мост на Главной улице Саттертона. Подождем, что скажет Болен. Если связь с ним не получится, тогда и решим.

Купер вскочил на ноги и широко зашагал к двери.

— Я не намерен сидеть здесь и ковырять в носу. Объеду вокруг на машине и там, снаружи, осмотрю со всех сторон. И если я, Ньют, замечу, что не все стопроцентно в норме, протрублю тревогу, хотя этого твои хозяева или нет. В гробу я видел репутацию фирмы.

Зазвонил телефон. Уизерс ответил, помахав Куперу на прощанье. Звонил Билл Хоукинс из службы прогнозирования чрезвычайных ситуаций в Сакраменто. Не без веселья в голосе он сообщил:

— Нам только что звонила какая-то женщина из Санта-Моники и сказала, будто плотина у вас там рушится. Как полагаете, откуда она взяла это? Алло? Вы там?

— Какая-то женщина?.. Откуда?.. Что сказала?

— Какая-то женщина из Санта-Моники сказала, что бедная старая плотина в ущелье Сьерра скоро протянет ножки. Какой-то ее приятель якобы позвонил оттуда и сообщил, что вода, мол, вливается в плотину со всех сторон. Какой-то чокнутый, да? Во всяком случае, я передал вам этот звон. Удивительно, как начинают распространяться слухи.

Уизерс присвистнул.

— Крамер, должно быть, добрался-таки до телефона...

— Что-что?

— Да был тут у нас недавно один сумасшедший, пришлось даже напустить на него полицию. Это, должно быть, его подружка пытается выставить нас глупцами.

— Значит, все в порядке? Вода не вливается со всех сторон?

— Да нет, только на электростанцию.

— Только на электростанцию? Вода вливается на электростанцию... — Хоукинс медленно повторил эти слова, будто клал их на стол для изучения.

— У нас тут есть кое-какой поток, возможно, не совсем в норме. Уже едет бригада, чтобы ликвидировать. Мы отключили электростанцию.

— Если воды поступает столько, что пришлось отключить электростанцию, это, черт подери, конечно, ненормально. Слушайте, я рад, что позвонил! Так поступает только служба прогнозирования чрезвычайных ситуаций. Если ваша плотина рассыплется, мы услышим об этом в одиннадцатичасовых новостях.

— Ну, некоторая проблема у нас есть, в этом я с вами согласен. Но мы не думаем, что серьезная. Узнаем точно через несколько минут. Я вам перезвоню. Знаю, что полагается делать при чрезвычайных ситуациях. Ваш номер у нас в списке, висит на стене. Вы сразу после местных властей.

— Да, давайте уж не забывать и о местных властях.

— Извините, мне звонят по другому аппарату. Мы еще поговорим.

По другому аппарату звонила разгневанная диспетчер из Центра распределения электроэнергии.

— Что у вас происходит? У нас только что резко упала частота тока. Вы готовы начать подавать дополнительную мощность? Почему не перезвонили по поводу показаний датчиков?

— Как раз собирался звонить. Слушайте, насчет этой дополнительной мощности. У нас тут небольшое просачивание... ну вообще-то даже больше, чем просачивание. Просто настоящий поток... Он идет в турбинные колодцы, и нам пришлось выключить всю станцию. Потому и понизилась частота.

— Вы что сделали? Бог мой, да насколько же?

— Не могу сказать. Придется откачать воду из дренажных галерей, чтобы выяснить, в чем там дело.

— И плотина в опасности?

— О, черт подери, нет. Нет, дьявол, нет! Послушайте, как только получу отчет, тут же перезвоню.

— Если вы не подключитесь к сети через тридцать минут, нам придется, черт подери, уменьшить освещение.

— Тридцать дней звучит правдоподобнее.

— Да вы шутите! Скажите, что пошутили!

Уизерс повесил трубку и ответил на очередной звонок. А монитор показывал, что поток в турбинный зал ослабел. Возможно, эта течь или разрыв сами собой закупорились.

— Ньют? Это Люби Пеллетьер из службы катастроф округа Бутт, из Оровила. Ты меня помнишь? Мы познакомились в прошлом году на конференции по общественной безопасности.

— Да, Люби, помню.

— Ну, как у вас там все в этот замечательный день?

— И замечательно, и ужасно. Слушай, ты не мог бы...

— Плотина не разваливается на куски или там еще что-нибудь, а?

— Ну...

— Только что был загадочный звонок от одной женщины из Санта-Моники...

— Господи! Она, должно быть, трезвонит всем подряд в этом проклятом штате!

— Ты ее знаешь? Сказала, что она телепат и только что было видение, как ущелье Сьерра исчезает, а все вокруг

кишит голыми людьми, разбегающимися по лесам. Кто она такая?

— Точно не знаем. Ее приятель работал здесь.

— Полагаю, от него-то она и узнала так много об этой плотине. Упомянула заборный канал, дренажные туннели, ну, и всю эту чепуху. Якобы к ней это пришло, как вспышка озарения. Я с трудом удерживался от смеха.

— Послушай, Люби...

— Сказала, пророчество — это, мол, ее основной дар и у нее особая любовь к катастрофам. Суший бред! Я ответил, что не очень-то верю в этот бред, но проверю ее сообщение.

— Как выясняется, у нас в самом деле небольшая проблема. Во всяком случае, мы надеемся, что небольшая.

Уизерс внимательно смотрел на телеэкран. Поток, кажется, снова начал усиливаться.

— Ну, конечно, я на самом-то деле не говорил «дерьмо». У людей, выдающих себя за ясновидящих, кошмарные средние результаты. Одно удачное предсказание на пятьсот ошибок. Но об ошибках никто не помнит.

— Люби, я ужасно занят и вынужден повесить трубку. Нам, возможно, придется эвакуировать город.

С другой стороны вестибюля Риггс кивал ему, держа в руке трубку телефона. По всей видимости, он пробился к Болену.

— Взгляни на все философски, — хихикал Люби Пеллетьер. — Если что-то предсказываешь, то можешь быть уверен, что этого не произойдет. А что ты, собственно, предсказал? Понимаешь, что имею в виду? — Он помолчал, а потом добавил: — А что ты сказал насчет эвакуации города?

— Перезвоню попозже. Не строй никаких планов на сегодня.

Следующий звонок раздался, как только Уизерс положил трубку. По селектору Риггс прокричал, что контролеры воздушного движения засекли самолет Болена над Фресно.

Уизерс приветствовал эту новость взмахом руки, а звонил Ли Саймон.

— Твой дружок Крамер устроил нам веселенькую погоню, — сказал полицейский, — но теперь мы посадили его под замок.

— Здорово. Держите подальше от других, пока сюда не доберется мой босс.

— Он не навредил там внутри дамбы?

— Еще не знаем. Возможно, открыл кое-какие вентили. Нам пришлось вырубить электростанцию, пока все не проверим.

— Ну да? Этот тощий сукин сын — отличный довод в защиту жестокости полиции. Слушай, Ньют, мы видели там только что мокрое пятно внизу дамбы. Я подумал, что лучше бы сообщить тебе об этом. Возможно, какой-нибудь ручеек. В последнее время было ведь много дождей.

— Мокрое пятно? Где?

Как от поглаживания перышком, по плечам Уизерса поползли мурашки.

— Да примерно в сотне метров от берега реки, с северной стороны. Твой дружок Крамер ужас как разволновался, когда увидел это пятно. Но он ведь психует по любому поводу.

— Это просто мокрое пятно или там течет вода?

— Ну, что-то вроде струйки. Примерно как в водосточном желобе, когда кто-нибудь наверху моет машину. Думаешь, это что-нибудь означает?

— Купер сейчас ездит вокруг. Вызову по радио и скажу, чтобы взглянул на это. Ли, ты сейчас дома? Знаю, работал всю ночь, но спать пока не ложись. У меня ужасное ощущение, будто на нас свалилась большая беда. Оставайся у телефона, я перезвоню.

Уизерс взял радиопередатчик и связался с Купером, тот как раз направлялся проверить измерительные приборы в дальней клапанной камере. Уизерс приказал направляться на

пункт наблюдения рядом с автостоянкой при распределительной станции. А телефон снова зазвонил, но прежде чем ответить, Уизерс быстро записал имена тех, кому обещал перезвонить.

— Электростанция, говорит Уизерс.

— Это из отдела новостей сакраментской газеты «Би». Мы тут разбираемся с одним слухом, будто плотина в ущелье Сьерра заминирована бывшими сотрудниками иранской тайной полиции. Согласно нашему источнику информации, взрывные устройства должны сработать через полчаса, так что Саттертон должен быть эвакуирован.

— Ваш источник информации — женщина из Санта-Моники?

— Вы ее знаете? Можете прокомментировать то, что она говорит?

— Я вам перезвоню.

Из громкоговорителя радиопередатчика послышался голос Купера, объявившего, что он прибыл на смотровую площадку. Уизерс наклонился к микрофону.

— Тебе видно подножие склона оттуда, где ты находишься? На северной стороне? Ничего странного не видишь?

— А что мне надо видеть-то?

— Мокрое пятно. Струйку воды примерно в сотне метров от берега реки. Посмотри вдоль шва между естественной почвой и подошвой насыпи.

— Обзор у меня хороший, только до этого места ведь около полукилометра. Подожди, наведу бинокль.

В наступившей после этого тишине Уизерс постукивал ребром ладони по стойке синхронно с биением, сердца. Мельком взглянул на настенные часы: было уже десять минут восьмого. В диспетчерскую вошел Риггс и начал было докладывать о только что состоявшемся разговоре с Боленом, но, услышав голос Купера из радиопередатчика, оцепенел.

— Это прорыв, Ньют... Господи Иисусе, должно быть, там расход пятнадцать или даже тридцать кубометров в секунду... Мы теряем ее, мы теряем всю эту проклятую штуку... Господи всемогущий плотина гибнет...

Часть третья

Катастрофа

Глава 24

У Германа Болена разболелся зад. Он повертелся туда-сюда в специальном сиденье своего самолета ручной сборки, чтобы переместить центр тяжести на левую ягодицу. Боль в заду это ослабило, но зато усилилась боль в шее. Жара в кабине самолета не спадала. Он стянул с себя защитные очки модели Эдди Рикенбэкера и шарф, чтобы обмахивать вспотевшее лицо. Через боковое окно тоскливо смотрел на пелену тумана, заполнившего Центральную долину. Солнце теперь стояло над Сьерра-Невадой, и его отраженный свет слепил.

Чтобы отвлечься от неприятных ощущений, попытался точно определить свое местонахождение. Начальная скорость приблизительно четыреста километров в час... Последним контрольным пунктом был... Скорость ветра и пеленг были... Через полминуты он осознал, что все эти цифры и подсчеты из сознания улетучились, и мысли снова вернулись к боли в заду. Он находился где-то около Фресно, а это уже достаточно близко. Во всяком случае, в полутора километрах над Фресно, а не внизу, в самом Фресно, и за одно это надо было быть благодарным. Захотелось быть где угодно, в любом месте, только не в своей тошнотворно дорогой игрушке в полутора километрах над Фресно. Возможно, погруженным в горячую ванну, пока его объемистый живот будут ласкать струйки пенного шампуня «Якуззи», а может быть, распростертым подобно орлу на каком-нибудь нудистском пляже в Бразилии.

Пять лет — целых пять лет! — он угробил на проектирование и сооружение личного самолета с помощью

друзей, инженеров, механиков, ортопедов и летчиков. И все-таки машина была далека от идеала. По сути дела, какая-то камера пыток. Кресло, кабина и самолет в целом спроектированы по размерам, формам и весу его тела. И вот здесь-то мечта и лопнула. Самолет был отличным, но тело не смогло придерживаться первоначальных параметров. Можно распустить швы на костюме, но нельзя расширить самолет. Он скроен на того Германа Болен, которого больше не существовало. А сиденье напоминало о нем.

— Самолет номер 97307, вас вызывает центр в Окленде. Вы меня слышите?

Болен настолько углубился в свои мысли, что не прореагировал на голос из радиоприемника. Сознание блуждало по тем тысячам часов, которые он провел в своей домашней мастерской, хлопоча над форсунками системы Позы, хромово-молибденовыми трубами, кадмированными сочленениями разных тяг, изготовленным по спецзаказу мощным двигателем, который мог мчать самолет по небу со скоростью почти пятьсот километров в час. Маневренность не важна, ему нужна была скорость. Конечно, теперь из самолета и вовсе не выжать пятисот километров в час, потому что масса его собственного тела слишком уж превысила заложенную в проект.

— Номер 97307, говорит центр в Окленде. Вы меня слышите? Ответьте.

Возможно, следовало бы начать все снова. Использовать фюзеляж типа Эмероуда, элероны Фризе и закрылки Фоулера. Это притягивало бы взоры дам на разных соревнованиях и слетах. Если бы только его собственный «фюзеляж» выглядел попикантнее и содержал поменьше жира! Увы, любые женские глазки, вспыхнувшие при виде его самолета, неизбежно отвернутся, взглянув на грушеподобную тушу, с трудом выбирающуюся из кабины. Есть, правда, косметическая хирургия... Он подумает над

этим. Возможно, удастся отыскать какого-нибудь знахаря, который уберет поистине гигантские складки живота.

Что-то на периферии сознания раздражало Болен. Он взял микрофон.

— Извините меня, оклендский центр. Вы сказали, номер 97307? Я слушаю.

— У нас тут звонок с плотины в ущелье Сьерра.

— Вы можете подсоединить меня напрямую?

— Нет, но можно говорить через меня.

Болен заколебался. Если там какая-нибудь экстренная ситуация, нужно ли ему, чтобы об этом узнали все в оклендском центре, равно как и радиолюбители, которые могут случайно подстроиться к волне? Уизерс такой идиот, что у него, вероятно, не хватит ума говорить обиняками.

— Скажите ему, чтобы перезвонил мне через передвижного оператора.

— А у них есть ваш номер?

— Не хочу выдавать его так вот, в воздухе. Передайте, что номер записан в справочной книге фирмы под моим именем.

Болен взглянул на часы. Интересно, к кому или к чему относится это сообщение? К Джефферсу, Крамеру или к самой плотине? Должно быть, нечто серьезное, если не могли подождать еще сорок пять минут, пока он доберется. Изящная секундная стрелка сделала четыре оборота. Ровно без пяти минут семь на приборной доске загудел сигнал.

— Здесь Герман Болен.

— Мистер Болен, говорит Бэрт Риггс, один из инженеров по эксплуатации в ущелье Сьерра. У нас, кажется...

— Вы нашли Джефферса? Вы проверили галерею?

— До галереи не смогли добраться. Вода течет из подходного туннеля в турбинные колодцы. Возможно, нижние галереи уже затоплены. Джефферса, возможно, там, внизу, этим-то и накрыло.

Пока он выслушивал описание вливающейся внутрь воды, неработающих датчиков и отключенной электростанции, защитные очки и шарф соскользнули из рук на пол. Болен прервал Риггса, не дав договорить.

— Вы сообщили полиции, что Саттертон должен быть эвакуирован?

— Нет. Думали, что лучше предоставить решить это вам.

— Господи Иисусе, слушайте, каких еще доказательств вы ждете? Вы что, не видите, с чем все это связано? Я думаю, прорван защитный блок. Слушайте. То, что вы сделаете в следующие несколько минут, может спасти тысячи жизней. Позвоните в полицию, шерифу, в окружную службу контроля над катастрофами и в службу штата по прогнозированию чрезвычайных ситуаций. Номера там, на стене. И скажите всем, что есть вероятность того, что мы потеряем плотину. Отведите столько воды, сколько сможете, от турбин прямо в выпускные ворота. И откройте ворота водослива.

— Уизерс говорит, что это приведет к очень сильному затоплению...

— Меня не интересует, что говорит Уизерс! Делайте то, что говорю вам я!

— Да, сэр. Мистер Болен, отсюда, где сижу, мне видны телемониторы. Похоже, что прибыла бригада от братьев Митчеллов с насосами, они возле автостоянки.

— Если удастся откачивать воду быстрее, чем она поступает, отлично... Это позволит проникнуть в туннели, чтобы обнаружить источник. Возможно, немного повезет, и мы сможем закупорить течь. Может сработать заливка быстросхватывающимся химическим раствором... Спросите, что думает об этом Митчелл. Но если прорвана насыпь, то, вероятно, все кончено. Вы меня слушаете? Поставьте как минимум шесть человек к фасаду у нижнего бьефа, чтобы они следили, не появится ли вода. Если там прорвет, пусть все выйдут из туннелей. Если придется оставить

электростанцию, заберите с собой все показания приборов, какие только сможете, потому что потом, когда все это кончится, придется разбираться, что же произошло.

Болен заставил Риггса повторить эти распоряжения, а потом отключил связь. Он снова пристально посмотрел в боковое окно. Туман под ним выглядел мягким и таким плотным, что казалось, на него можно прилечь и поспать. Довольно далеко, на северо-западе, виднелись округлые вершины гор Гамильтон и Дадебло, а справа шел заснеженный хребет Сьерра-Невады. Голубой небосвод, аркой изогнувшийся от горизонта до горизонта, был ясным и безоблачным. Зрелище волшебное, но холодное и отстраненное, словно вид какой-то планеты с орбиты космического корабля. Устойчивый рев двигателя успокаивал. Он отрегулирован настолько совершенно, что на лице каждого механика, который слышал его работу, появлялся румянец почтительности. За контрольными приборами своей самодельной машины Болен чувствовал себя изолированным от забот человечества, которые с такой высоты казались несуществующими, и ему хотелось по возможности оставаться там навсегда.

Изящный доктор Дюлотт протискивал свой фургончик мимо огромного грузовика, непонятным образом припаркованного на самой вершине плотины. Не успел его миновать, как пришлось снова замедлить ход, на сей раз подчинившись указующему жесту полицейского. Машина технической помощи извлекла какой-то полицейский автомобиль из кучи гравия.

— Что случилось, полисмен? — спросил он, опуская окно.

— Не останавливаться, — отрывисто ответил тот, помахав, чтобы он проезжал.

Дорога, оставив плотину позади, поднялась еще на несколько десятков метров, прежде чем влиться в окружающую дорогу у пересечения в форме буквы «Г». Дюлотт

удовлетворенно кивнул, когда увидел стрелки и знаки, отмечающие вход марафонской трассы в лес. Маршрутная комиссия отлично выполнила свою работу. Только самые тупоголовые и ненормальные бегуны могли здесь заблудиться. Он припарковался. Было двадцать минут восьмого. Пробег должен начаться ровно в восемь, и спустя примерно час или около того его парень Кент Спэйн, если все пойдет, как задумано, первым пробежит поверху и скроется в лесу. Он окажется, шатаясь от усталости, на грани того, чтоб отказаться, но запах денежек погонит его вперед.

Дюлотт вытащил из задней части фургончика трехколесную ручную тележку, именуемую «тележкой-волокушей Дюлотта», права на которую он уже почти решил продать управлению штата по паркам и отдыху, не говоря уже о службе лесов и администрации шахт. Загрузил в нее складной столик, режиссерское кресло, четыре восемнадцатилитровые бутылки с водой, формуляры для записи результатов, секундомер, аптечку первой помощи, упаковку с апельсинами и ведро с завтраками. Спустя десять минут он быстрым широким шагом шел через лес по четко очерченной тропе и катил перед собой тележку. Благодушно улыбался соснам, мху на скалах и полевым цветам на открытых склонах. Откуда-то издалека долетали беспорядочные звуки сирен и церковных колоколов.

Тенниска еще висела на ветке. Позади нее был спрятан готовый покатить велосипед. Дюлотт шагал и шагал, мурлыча под нос мелодию «Несбыточной мечты». Тропа была ровной, тележка катилась легко, и все же он вскоре начал задыхаться. Ущипнул себя за обвислость посреди живота и покачал головой. Да, в самом деле следовало начинать худеть.

А в Стоктоне, в полутора километрах к югу от дамбы, Эмиль Хассет наслаждался отражением собственной персоны в зеркале, готовясь отправиться на работу. Подергал за козырек кепку, пока она не утвердилась на

голове как положено, поправил галстук, повязанный вокруг короткой толстой шеи, и похлопал по кобуре с пистолетом. Сзади, с одной из двуспальных кроватей, молча наблюдал за ним сын Фредди. Эмиль повернулся кругом и раскинул руки.

— Ну и как я выгляжу?

— Да так же, как всегда, — ответил сын. — Глупо.

Эмиль рассмеялся.

— Разве так разговаривают с отцом?

Фредди Хассет повернулся лицом к стене. Серая простыня соскользнула с пятнистой спины.

— В униформе службы перевозок в долине любой будет выглядеть глупо. Ты всегда так говоришь и еще всегда говоришь: «Охранники Лумиса смотрятся щеголями», — а я знаю, они выглядят так же глупо. А почему кто-то должен работать легавым или охранником — этого понять не могу.

— Охота пожрать заставляет людей делать глупости. Поймешь это, когда слезешь с моей шеи. — Эмиль взялся за ручку двери и посмотрел на кровать. — Не пора ли тебе ехать в аэропорт? Разогреть там самолет, ну и так далее, а?

— Еще уйма времени.

— Не разговаривай с одеялом во рту. Сколько раз я должен это говорить? Я чувствовал бы себя спокойнее, если в ты поднялся и продемонстрировал немного энергии. Это большой день для нас.

— Отвали, папаша. Я сказал, что сделаю это, значит, сделаю. Мое слово твердое.

— Вот это уже лучше. Ладно, до встречи. В безумно голубом далеке.

Фил Крамер вцепился в прутья двери своей камеры. Неподалеку ночной дежурный сержант Джим Мартинес сидел за своим столом, углубившись в какие-то бумаги. Судя по выражению лица, это занятие не вызывало особого энтузиазма.

— Выпустите меня отсюда! — кричал Фил. — Это экстренная ситуация! Выпустите нас всех отсюда! На счету каждая минута!

— Заткнись, — произнес кто-то сзади.

Фил посмотрел через плечо. В камере было четыре койки, на трех из них высилось под одеялом нечто похожее на кучу. От одной из коек протянулась голая нога, костлявая и морщинистая, будто кусок вяленой говядины.

— Я не заткнусь, — сказал Фил, обращаясь к койкам. — Я пытаюсь спасти ваши шеи, а заодно и свою. — Он повернулся к Мартинесу. — Возможно, вы не обратили внимания на то, что я говорил, когда меня волокли сюда, поэтому пройдуь по этой теме снова. Я всемирно признанный авторитет по авариям плотин, можете спросить любого. Я только что осмотрел плотину в ущелье Сьерра. Ту самую, которую вы, сержант, можете увидеть за окном, если потрудитесь взглянуть.

— Заткнись, — повторил голос за спиной. Аналогично отозвались из соседних камер.

— Слушайте все, что я говорю, — сказал Фил, снова принимаясь трясти дверь. — Плотина рушится. Туннели внутри нее полны воды... Я это видел собственными глазами. Водохранилище просочилось на сторону нижнего бьефа. Вы понимаете, что это означает? Это означает, что огромная масса воды вот-вот обрушится вниз, на наши головы, потому что стоит только воде пробиться через насыпь, как вы можете поцеловать ее на прощание.

— Эй, мы тут пытаемся немного поспать, — хрипло произнес кто-то. А из соседней камеры сказали:

— Потихе вы там, хорошо?

— А что, если плотина в самом деле прорвется? — произнес третий голос. — Мы здесь окажемся в ловушке, как крысы.

На это кто-то ответил:

— Только не называй меня крысой, ты, ублюдок.

— Именно так, — сказал Фил. — Мы окажемся здесь в ловушке, как крысы. Вода будет продолжать сверлить все более и более крупную дыру, пока не прорежет щель до самой вершины. А тогда — плюх! Вот так и случилось в Болдуин-Хиллз в шестьдесят третьем году и в Тетоне в семьдесят шестом.

У дверей камеры напротив той, где был Фил, появился какой-то арестант, в темном костюме, украшенном засохшей блевотиной.

— Эй, Мартинес, — сказал он с ноткой раздражения, — ты не мог бы что-нибудь сделать с этим парнем? Здесь ведь сидят люди с кое-какими очень крутыми наследственными привычками.

Сержант Мартинес вздохнул, отложил карандаш и поднялся на ноги. Прошел по коридору и принялся разглядывать Филадельфию, стоя на расстоянии вытянутой руки.

— Это экстренная ситуация, — сказал ему Фил. — Вы должны забрать нас отсюда, равно как и самого себя. Да просто выпустите нас на волю, на улицу, если придется... в противном случае мы все тут станемдохлыми утками.

Грохот сзади заставил Филадельфию обернуться. Огромный, заросший седыми волосами мужик слез с одной из коек, отбросив ее в сторону вместе с картонной коробкой, служившей прикроватной тумбочкой. Сделал два больших шага, опустил внушительную лапу ему на грудь, сгребая рабочий комбинезон спереди в кулак, и приподнял Филадельфию над полом. Его дыхание отдавало чесноком, табаком, шоколадом, марихуаной, виски, пивом, спертый воздух и скотным двором.

— Я, кажется, сказал, чтобы ты заткнулся, — произнес он.

— Поставь его на место, Копна, — приказал Мартинес. — Я сейчас это улажу.

Человек по кличке Копна свирепо посмотрел на Фила с расстояния в пять сантиметров, потом опустил его, поправил свою койку и рухнул на нее, почти мгновенно захрапел.

— Крамер, вы должны вышибить из своей башки эту чушь насчет плотины, — сказал Мартинес. — Вы всех взбудоражили. У нас тут может завариться бунт.

— Отлично! Это может помочь. Я пытаюсь спасти наши шкуры.

— Я могу проделать следующее, — глубокомысленно вымолвил Мартинес. — Перевести вас в окружную тюрьму, где есть изолированные одиночки. Отколотить вас дубинкой. Приказать Копне, чтобы он силой накормил вас кое-какими маленькими таблетками, которые мы держим наготове для всяких смутьянов.

Телефон на столе Мартинеса зазвонил.

— Плотина рушится, — сказал Фил.

— Плотина не рушится. Если бы она рушилась, я знал бы об этом.

— Плотина рушится, — повторил Фил.

— Я должен ответить по телефону, — сказал Мартинес. — Когда вернусь, если ты не перестанешь болтать и не дашь этим хорошим людям снова заснуть, произнесу определенное кодовое слово, которое приведет Копну в бешенство. Подумай об этом.

Копна перестал храпеть и уселся на краю койки. Он был небрит, глаза затуманены.

— Если я такое дерьмо удавлю, — сказал он, — это будет убийством при смягчающих обстоятельствах. Губернатор пригласит меня на завтрак.

А Мартинес подошел к своему столу и взял трубку телефона. Фил внимательно следил, как менялось выражение его лица, пока он говорил:

— Ну да? В самом деле? Сейчас? Мы должны? Ты не шутишь? Ты имеешь в виду всех до одного? Ты уверен? Хорошо. Ладно. О Господи! Он медленно повесил трубку.

— Что такое? — закричал Фил. — Что случилось? Мартинес запустил пальцы в волосы и покачал головой.

— Они думают, что плотина может обрушиться, — сказал он. — Сюда едет школьный автобус, чтобы отвезти нас всех повыше.

Он нажатием кнопки включил раздражающий уши сигнал тревоги. А Фил с ухмылкой поглядел на сокамерников.

— Пакуй свои вещички, Копна. Сматываемся из этого притона.

Глава 25

Мазэрлодский марафон начался со свалки локоть к локтю. По выстрелу стартового пистолета почти полторы тысячи бегунов устремились вперед фантастической красочной кучей рук, ног и подпрыгивающих голов. Кент Спэйн находился в группе из пятидесяти сильнейших участников, которым была предоставлена привилегия стартовать впереди всех, но едва начался забег, как он почувствовал себя поглощенным людской толпой, словно бежал сзади, с любителями, решившими скоротать время, в выходной, с ребяташками-школьниками, старичками и маньяками в инвалидных креслах. Кент ненавидел этих дилетантов, хотя и знал, что именно они обеспечили доктору Дюлотту возможность так щедро заплатить за подлог. Их многочисленность вкупе с неуклюжестью, неумением и энтузиазмом угрожала жизни и конечностям профессиональных бегунов. Нипочем нельзя было угадать, когда один из этих проклятых кретинов вдруг рухнет прямо тебе под ноги или набежит сзади тебе на пятки. Как-то раз, еще в начале карьеры, Кент Спэйн потерял три минуты из-за того, что в рассеянности последовал за каким-то едва ползущим растяпой и сошел с размеченного маршрута на заросшую сорной травой тропу, где этот парень остановился, присел на корточки и принялся справлять большую нужду.

Первые три километра больше напоминали бег с препятствиями, чем марафон по пересеченной местности. Приходилось перепрыгивать через лающих собак, увертываться от снятых с дистанции недотеп, бредущих с пепельными лицами к своим автомобилям, постоянно выискивать возможность обогнать скопление тяжело пыхтящих увальней. На протяжении нескольких сотен метров он состязался в беге широкими шагами с длинноногой черноволосой молодой женщиной, к ее взбугрившейся рубашке был пришпилен номер 38. Он неохотно отказался от дальнейшего его созерцания и обогнал ее.

— Тридцать восемь — это ваш размер или еще что-нибудь? — спросил он, пробегая мимо.

— Да, — ответила она, не взглянув, — это калибр пистолета, который я всегда ношу с собой.

У трехкилометровой отметки, где трасса сворачивала с шоссе, бегуны растянулись длинной вереницей с интервалом метров в пять. Кенту ни разу не удалось охватить взглядом тех, кто впереди, но он предполагал, что их было по меньшей мере двенадцать. На следующих двадцати километрах он должен обойти всех, поскольку, если плану Дюлотта суждено осуществиться, ему необходимо первым пересечь плотину. Большинство конкурентов, по всей вероятности, откажутся от борьбы у холма Кардиак, на пятнадцатикилометровой отметке, если не раньше. Опасны только двое — Том Райан, бежавший непосредственно перед ним, и Наби Юсри из Эфиопии, марафонец мирового класса, появившийся в последнюю минуту. Если Юсри следует своей обычной тактике, подумал Кент, он, вероятно, уже ведет забег и его черная лысая голова поблескивает на солнце, словно полированный шар, а мускулистые ноги так и мелькают. Его обычная тактика — быстро стартовать и удерживать лидерство до конца, чтобы выиграть. Обогнать его можно только с большим трудом.

Райан — бегун другого типа. Этаким хитрющий калькулятор с мощным спуртом. Тащиться за Райаном и позволить ему задать темп было надежным способом показать хорошее время, но никоим образом не победить, поскольку на последней тысяче метров никто в мире не смог бы продержаться рядом с ним, а тем более обойти его. Отчаянным усилием Кент подтянулся к Райану на полтора метра. Пробежав за ним как бы привязанным с километр, Кент опустил на пятки и сказал:

— Пусти, пусти.

Райан беспечно сдвинулся к левому краю тропы и взглянул на Спэйна, когда тот пробежал мимо.

— А что за спешка? Вроде еще рановато.

— Тороплюсь на самолет.

— Сумасшедший. Ну, тебе виднее. Сгоришь.

— Может быть.

На следующих десяти километрах Кент обогнал десятерых незнакомых бегунов. На них уже сказался очень мощный старт. В таком быстром темпе он сам никогда еще не бежал. Уже ощущалась острая боль в икрах и угрожающая напряженность в области желудка. Надо бы тренироваться поусерднее, особенно на двадцатипятикилометровой дистанции. Вот что ему предстояло в этой гонке: израсходовать девяносто пять процентов сил на дистанции, которая на семнадцать километров короче той, где он привык так выкладываться. И если только это удастся, он первым доберется до велосипеда.

Холм Кардиак представлял собой подъем длиной полтора километра, ведущий к хребту над озером Граф Уоррен. Юсри удобнее всего настигнуть именно здесь, поскольку на этой вершине, где тропа изгибается вправо, имеется трехкилометровый ровный отрезок, идеальный для эфиопа. Юсри просто не мог ожидать, что кто-то бросит ему вызов на самом коварном участке трассы.

Кент провел несколько секунд на контрольном пункте пятнадцатикилометровой отметки и на станции первой помощи у начала этого подъема. Обтирая лицо и шею холодной водой, спросил стоявшего за столиком, сколько человек впереди него.

— Четверо, — ответил тот, передавая бумажный стаканчик, — впереди Юсри, примерно минуты на полторы перед вами.

— Собираюсь настигнуть его, — Кент набрал в рот содержимое бумажного стакана, но тут же выплюнул зеленую жидкость. — Господи! Не надо подсовывать это сладкое дерьмо так рано... Дайте-ка немного воды.

Он выпил на ходу, набирая скорость и вбегая под полог леса. Тропа резко поднималась среди высоких вечнозеленых деревьев. Очень сильная боль в икрах, напряженность в области желудка превратилась в осязаемый клубок.

— Ты можешь это сделать, старина, — натужным шепотом говорил он своему телу. — Сделай это для меня еще один раз, всего один разок. Я знаю, это трудно, эх как трудно! А потом мы с тобой вдоволь отдохнем, только мы с тобой, вдвоем. Нет, не говори, чтобы я остановился, нет, нет, нет. Подумай о деньгах. Деньги, деньги, деньги. Давай, давай, давай, давай...

Он соразмерял слова с прикосновением своих туфель к земле. За полкилометра до вершины склона обогнал всех, кроме Юсри, которого все еще не было видно. Первый бегун, кого он миновал, сидел на камне, задыхаясь. Второй посопротивлялся, пробежал немного шаг в шаг, потом сдался и отстал. Третий почти на месте делал крошечные шаркающие шажки. Кент временно выбросил Юсри из головы, сосредоточившись на том, чтобы прорвать своего рода «стену» — полуфизический, полупсихологический барьер, возникающий при пиковой нагрузке. Никогда прежде он не сталкивался с этой «стеной» на таком раннем этапе гонки. Икры он ощущал, словно раскаленные докрасна

кочерги, а желудок — как скопление проводов, натянутых почти до разрыва. Это было худшее, что он когда-либо испытывал, и мелькнула мысль: если не остановиться и не походить немного, может себе серьезно навредить, возможно, даже доведет до рокового сердечного приступа, но продолжал бежать, отказываясь прислушаться к своему телу. Секрет был в том, чтобы не обращать внимания на боль и не останавливаться, пока тело не перестанет посылать болевые сигналы и не высвободит свои скрытые запасы энергии.

— Давай, давай, давай, — бормотал он, стиснув зубы и кулаки, — деньги, деньги, деньги, деньги.

За спиной послышались шаги, которые становились все ближе и ближе. Он бросил взгляд назад и увидел подростка-блондина, приближающегося к нему со скоростью, казалось, восемьдесят километров в час. Ноги работают без видимых усилий, на руках и лице лишь слабые следы пота. На груди номер 1027, означавший, что он не из официальных участников. Наклонив голову, Кент бросил себя вперед, стараясь найти что-то дополнительное, чтобы отбить угрозу этого проклятого недоростка, выглядевшего так, словно гнался за укравшим его доску для виндсерфинга. Паренек пронесся мимо, потом сбавил бег и дал Кенту подтянуться вровень с ним.

— Извините, сэр, — сказал 1027-й номер, дыша почти без затруднения, — где тут холм Кардиак?

На лице Кента Спэйна отразилась смесь муки и отвращения.

— На вершине... этого склона... тропа сворачивает влево, — сказал он в отчаянном усилии избавиться от новой угрозы, — и дальше, через Папоротниковое поле. А еще через километр... увидишь Международный клуб парашютистов. Там и есть начало холма Кардиак.

Говорить было трудно. Кенту, казалось, не доставало воздуха в легких.

— Большое вам спасибо, — сказал подросток, удаляясь прочь с глаз. Он посмотрел назад с признательностью и добавил: — Двигай туда, ветеран, ты сможешь.

Через две минуты Кент выбрался на узкий, поросший деревьями луг на верху хребта и свернул по тропе вправо. Место, называвшееся Папоротниковым полем, осталось слева, а позади него, на склоне холма, он увидел, как номер 1027-й мощными широкими шагами бежит по тропе, которая, как знал Кент, вела всего лишь к заброшенному лагерю бродяг.

Впервые с начала забега Кент испытал удовольствие, и он усилил собственный бег. Сквозь деревья просвечивало водохранилище. Вписываясь в поворот, едва не врезался в Наби Юсри, который стоял на одном колене и зашнуровывал туфлю. Африканец подпрыгнул и поскакал прочь, как перепуганный заяц, его ноги демонстрировали упругость, чем и были знамениты. Кент зловеще улыбнулся и перешел на свою самую высокую скорость. У него не было сокрушительного спурта, но он мог поддерживать быстрый темп на короткой дистанции, в особенности если из сорока километров убрать двадцать. Подгоняя себя с неистовством сумасшедшего, он постепенно свел разрыв на нет.

Юсри не хотел уступить сразу. Когда Кент попытался обойти его справа, сдвинулся вправо, а когда Кент переместился влево, тоже сдвинулся влево.

— Пропусти меня, черт тебя подери...

— Нет прохода, — сказал Юсри. — Неправильно это для тебя. Ты силу потерял.

— Дай мне пройти!

— Нет. Оставайся сзади. Потом скажешь мне спасибо.

— Отодвинься, ты, проклятый урод, дерьмо иностранное! В ответ негр усилил темп бега и попытался оторваться. Кент Спэйн с маниакальным выражением лица, стиснув зубы, следовал за ним шаг за шагом. Метров двести они пробежали синхронно, на расстоянии метра один от

другого. За этой изнурительной дуэлью наблюдали только проносящиеся мимо деревья и кусты. Оба знали, что, если затянуть это надолго, упадут, и их обгонит волочащееся следом стадо. Кент уставился на туфли, мелькавшие впереди, словно маятник очень быстро идущих часов. Аккуратно рассчитав движение, Кент прыгнул вперед и так ударил по ступне Юсри, что Великий Наби Юсри, отлично смазанная машина для бега, которой все в мире боялись, рухнул на землю, взметнув ветки, гальку и какие-то непонятные проклятия.

Наконец-то, на двадцатом километре, Кент Спэйн возглавил гонку. Теперь он бежал по склону холма мимо молоденьких дубков, направляясь к гребню плотины. Через несколько минут он появится из леса у правой смотровой площадки... при условии, что не перерасходовал себя. Кружилась голова, земля колебалась под ногами, словно пол в домике смеха. Шумело в ушах. Хватая широко открытым ртом воздух, он дышал как паровоз.

Теодора Рошека, заснувшего в кресле рядом с кроватью, разбудил настойчивый стук. Дверь открылась, и миссис Болен просунула голову в комнату.

— Теодор? Тебе звонят из ущелья Сьерра. Какой-то мистер Уизерс. Можешь поговорить вон с того телефона, на тумбочке.

Рошек, слушая Уизерса с недоверием и нарастающей тревогой, требовал подробностей.

— Сколько воды протекает внутрь? Вы сами это видели?

— Нет, но я только что получил отчет по радио от одного из наших инженеров по эксплуатации. Он оценивает это как пятнадцать или даже тридцать кубометров в секунду. — Поколебавшись, Уизерс добавил: — Думает, плотина потеряна. Я решил, что лучше позвонить вам. Ваша жена сказала, где вы находитесь.

Рошек взорвался.

— Вы сбросили бульдозерами камни в место прорыва выше и ниже по течению? Открыли ворота водослива? Сообщили в полицию?

— Мы открыли ворота, и полиция уже эвакуирует город. Но что касается бульдозеров... Ну, здесь как раз сейчас никого нет, кто знал бы точно, что надо делать. Мистер Болен еще в пути, а мистер Джефферс, он, мы думаем... ну, что он умер.

— А где Крамер?

— Кто?

— Крамер! Тот инженер, который пытался сообщить, будто что-то не в порядке...

— В тюрьме. Под замком.

— Выпустите его.

— Выпустить его?

— А кто еще у вас там знает больше его о том, что происходит? Может быть, у него родились какие-нибудь еще оригинальные идеи.

Рошек повесил трубку и набрал номер «Лесного ручья». Элеонора в опасности. Если немыслимое произойдет, если плотина... Да возможно ли это? В мозгу толпились призраки хорошо построенных плотин, потерпевших аварии. В одной только Калифорнии Сент-Фрэнсиз и Болдуин-Хиллз, Малпассант во Франции, Вега-де-Тера в Испании, Тетон в штате Айдахо... В 1963 году оползень, обрушившийся в водохранилище, образованное плотиной Вайонт в Италии, погнал вниз, в долину, такую волну, что был разрушен город Лонгарон и погибли двадцать пять тысяч человек. Эти катастрофы виделись ему так же ярко, как и страдания, выпавшие на долю ответственных за это инженеров, многие из которых были его друзьями. «Воля Божья», «обычная промышленная практика», «неотвратимость непознанного» — подобные фразы снова и снова возникали в заключениях следовавших за каждой катастрофой расследований. Разумеется, невозможно устранить все непознанное и

пригвоздить к месту все неустойчивое. Разумеется, природа способна на ужасающие сюрпризы, но все же... Рошек не мог избавиться от чувства, что если уделено достаточное внимание деталям, если хватает силы характера, чтобы противостоять компромиссам, то тогда... Сигнал «занято» напомнил, что трубка все еще снята с рычага. Элеонора либо заснула, либо забыла повесить трубку, когда проснулась.

Могла ли рухнуть плотина в ущелье Сьерра? Уж не повернулось ли в обратную сторону тайное презрение, которое он испытывал к проектировщикам несоизмерных сооружений, обратившись на него самого? Возможно, степень протечки у нижнего бьефа преувеличена. Бурный поток оценить трудно. Возможно, он был порядка трех, а не тридцати кубометров в секунду, а в таком случае можно остановить размывание насыпи. А если этого не сделать, то никакая сила на земле не остановит неизбежное, и имя Теодора Рошека будет всегда вызывать не грезы, а кошмары.

Если плотина разрушится, Элеонора станет ему еще дороже, чем теперь. Ее красота, ее способность творить красоту, сладость ее привязанности к нему — вот это, и только это, сможет сделать его жизнь стоящей того, чтобы жить. Он поедет к ней и предупредит об опасности. Когда она увидит, что он приехал к ней раньше, чем на плотину, ставит ее выше технического достижения, которое во многих отношениях определило его жизнь, ее привязанность, безусловно, превратится в любовь.

Он набрал номер Карлоса Хэллона, летчика фирмы. Чтобы добраться до «Лесного ручья», достанет времени даже в самом худшем из возможных случаев. Большая часть пятнадцати километров ущелья, отделявших плотину от дачи, была неровной и изломанной. Вода, влекущая тяжелый груз ила и обломков, будет приближаться со скоростью не более пятнадцати — двадцати километров в час. А если плотина продержится хотя бы часа полтора — довольно скромная оценка с учетом плотности насыпи и массивного

защитного бетонного блока, — тогда он сможет добраться до Элеоноры задолго до...

— Карлос? Это Теодор. Возникла экстренная ситуация в северной Калифорнии, и тебе придется доставить меня туда как можно скорее. Наш «Лизэр» готов к полету? Я немедленно выезжаю в аэропорт. У меня это займет больше времени, чем у тебя, поэтому хочу, чтобы ты организовал какой-нибудь вертолет, который встретил бы нас в городском аэропорту Юбы...

Рошек соскользнул из кресла на пол и на руках поспешил через комнату в туалет. Брюки натянул, лежа на спине.

— Мэрилин, — крикнул он жене Болена, — одевайся. Тебе придется отвезти меня в аэропорт...

Глава 26

Полная, седовласая, с приятным лицом, предпочитающая старушечьи очки и пристойную обувь Элизабет Лехман походила больше на дикторшу, рекламирующую замороженные пирожки, чем на офицера управления контроля над катастрофами округа Каспар, но она была именно такой и гордилась этим. Сбросив халат, который был на ней, когда позвонил шериф, торопливо натянула черные брюки, синюю блузку с бантом и черную куртку с широкими лацканами. Темное никогда не выглядит грязным. Половина одежды из синтетики, чтобы не мялась. Если плотина в самом деле рухнет, она, возможно, несколько дней не попадет домой, а ей не хотелось выглядеть старомодной старушенцией. Добиться того, чтобы мужчины подчинялись приказам женщины, — было вопросом как внешнего вида, так и реальной деловитости и профессионализма в равной мере.

В ванной она набросилась на свои волосы и лицо с искусным умением, выработанным сорокалетним опытом, а потом смела все полки столика в сумку на случай ночевки

вне дома. Ее мысли заметались, когда она вбежала на кухню, чтобы в последний момент подкрепиться чем-нибудь из холодильника. Теперь уж она выяснит, чего стоят все эти практические учебные занятия. Раз в месяц она заставляла ворчащих местных официальных лиц проводить вторую половину дня в операторской комнате управления контроля над катастрофами, учась реагировать на гипотетические ядерные взрывы, химические атаки, землетрясения, ураганы, бунты в тюрьмах, крушения поездов, мятежи, а также нападения террористов. Прежде всего она хотела удостовериться, знает ли каждый, что следует предпринять и кто именно это должен предпринять. Разумеется, невысказанно заранее заготовить детальный план на случай любого бедствия, но можно по меньшей мере определить общий порядок действий, необходимые материальные средства и приоритеты.

Допивая чашку кофе, она старалась представить себе проблемы, которые могут возникнуть, если всю долину ниже плотины придется эвакуировать, в частности проблемы связи и транспорта, на которые, чтобы полностью отработать, никогда не находилось времени. А времени не хватало потому, что Элизабет Лехман была офицером управления контроля над катастрофами округа Каспар только по утрам, а днем работала старшей стенографисткой в торговом управлении. В администрации некоторых калифорнийских округов делами, связанными с катастрофами, пять-шесть человек занимались полный рабочий день. В других же, как и в округе Каспар, где самодовольная администрация экономит каждую монетку, полагались на совместителей из стенографического бюро. По мнению тамошних властей, прогнозирование катастроф — напрасная трата денег из бюджета округа, поскольку Господь в своей мудрости никогда не объявляет, какая именно катастрофа из сотен, имеющих в его распоряжении, будет низвергнута с небес и

на какой клочок или клочки земли и когда он ее обрушит. Не говоря уже о чуме и прочих мировых эпидемиях.

Авария на плотине в ущелье Сьерра была, конечно, чем-то таким, о чем Господь, по мнению Элизабет Лехман, возможно, и размышлял, так что она потратила много времени, готовясь к этому. Одна серьезная неприятность мигом вышибает из колеи. Окружное управление контроля над катастрофами было расположено в цокольном этаже здания, где издавна размещалось хозяйство шерифа, в шести кварталах от центра Саттертона. Когда совету инспекторов напоминали об этом, поступало распоряжение: поскольку перемещение этой конторы куда-нибудь повыше обойдется в неизвестно сколько долларов, давайте не делать этого сейчас. Таким образом катастрофа, которая, вероятнее всего, должна была приключиться с городом, поставила бы перед людьми, пытающимися связаться с этой службой, такое препятствие в виде ста пятидесяти метров воды.

Пока вопрос о перемещении ее конторы на ежемесячных заседаниях проваливался, Элизабет за два года отчаянной борьбы сумела добиться достаточных ассигнований, чтобы смонтировать радиооборудование округа в автофургоне. Теперь штаб, куда сходились все нити, можно было оперативно перемещать в любое место, где он мог бы действовать наиболее эффективно. Элизабет гордилась своим штабным автомобилем, оснащенным мощным двусторонним радиопередатчиком, медикаментами, дорожными сигналами и, что самое важное, «картотекой резервов», где указано местонахождение всего, что может понадобиться, начиная от врача и кончая мешками с песком, включая перечень развертываемых полевых кухонь, госпиталей и лагерей беженцев. Это был своего рода Пентагон на колесах, откуда она могла откликаться почти на каждое происшествие в округе. «Слава Богу, что это произошло в конце недели, — сказала она себе, сбегая по ступенькам крыльца и заталкивая в рот ломтик

поджаренного хлеба. — Во всяком случае, не придется возиться со школьниками».

В темноте гаража она потянулась к двери своего штабного автомобиля, но его там не оказалось. Гараж был пуст, равно как и подъездная дорожка. И у мостовой ничего не припарковано. Она схватилась за голову, но тут вспомнила, что машина стоит у конторы. На предыдущей неделе совет инспекторов, столкнувшийся с ежегодным падением доходов, принял решение запретить служащим забирать к себе домой транспортные средства, принадлежащие округу. Это касалось и офицеров управления контроля над катастрофами. Иными словами, с того момента катастрофам надлежало происходить в течение обычного рабочего дня.

Проклиная Говарда Джарвиса, Элизабет выбежала на улицу и посмотрела в обе стороны, не поможет ли кто. За два дома от нее на заросшем сорняками дворе, возле выброшенной кухонной плиты, юный бездельник Норман Кингвелл, стоя на коленях, наводил лоск на свой мотоцикл. Это занятие было смыслом его жизни. С ним и с его отвратительными родителями она не разговаривала целых два года, с того дня, как Норман в день своего пятнадцатилетия снял с мотоцикла глушитель. Но теперь она побежала к нему, размахивая руками, и закричала:

— Заводи свою красавицу, Норман, малыш! Повезешь меня покататься.

К югу от Монтерея, в глубине национального леса Лос-Падрес, человек, чей темный костюм никак не вязался с окружающим пейзажем, бежал по засыпанной листьями тропе, ведущей в центр дзен-буддизма в Тассаджара-Хот-Спрингс. На очаровательном мосту в японском стиле напугал монаха в черной рясе и сбежал по каменным ступеням к огороженным ваннам с минеральной водой на открытом воздухе. Опустившись на одно колено, всмотрелся в пар, поднимающийся над поверхностью темной воды, и

нашел того, кого искал, — худого голого мужчину с лицом Христа на Туринской плащанице, погрузившего в воду все, кроме глаз, носа и рта.

— Вам придется уехать, — настоящим шепотом произнес коленопреклоненный. — В округе Каспар экстренная ситуация.

Губернатор Калифорнии поднял голову, моргая и сдувая воду с губ.

— В округе Каспар?

— В плотине в ущелье Сьерра появилась течь. Дело выглядит скверно.

— А они не могут ее закупорить?

— По всей видимости, нет. Саттертон уже эвакуируют.

— Трудно поверить, что в таком большом штате, как этот, который расходует такую уйму денег на университетское образование, нет специалистов, знающих, как ликвидировать какую-то течь.

Исполняющий обязанности помощника губернатора пожал плечами.

— Я просто довожу до сведения эту новость. Если выедете немедленно, вы сможете попасть туда как минимум к финалу того, что обещает стать катастрофой высшего разряда.

— Хорошо, — сказал губернатор со смиренным вздохом, извлекая себя из воды. — Я пока оденусь, а вы посмотрите, не сможете ли раздобыть «плимут» на ходу.

— Вас должен забрать вертолет. Совершите облет, объявите пару округов районами бедствия и побеседуете с прессой. Можно биться об заклад, что пресса прибудет туда составом с батальон.

Губернатор быстро натянул махровый купальный халат, надел сандалии, на ходу прикладывая к лицу полотенце.

— Какую тактику мне следует занять с прессой: корпоративная жадность, экологическое бедствие, управляющие Большой Энергией чиновники, влияние

космических полетов или что? Нельзя ли возложить вину на республиканцев?

— Плотина построена во время правления вашего отца.

Губернатор слегка растянул губы, что было самой широкой улыбкой.

— Он убил бы меня, если бы я упомянул об этом. Боже, неужто все наши плотины начнут рушиться на нас справа и слева? Право, и без того более чем достаточно проблем со средствами массовой информации.

— Вряд ли начнут. Ну, а прессе внушайте, что вы глубоко сочувствуете тем, кто погиб или остался без крова. Покажите, что вы тревожитесь о них, и администрация штата тоже тревожится.

— И она сделает все возможное, чтобы оказать помощь в рамках финансовых и установленных законами лимитов. Да, это хорошо звучит. А как насчет нападков на плотины? Может быть, это неплохой предлог прорекламирровать солнечную и ветровую энергию? Настолько, мол, это безопаснее, поможет вырваться из тисков иностранных нефтедобытчиков, ну и все такое.

Мужчины быстро взошли по ступенькам.

— Просто тревога о пострадавших — это реклама на первые день-два, — наставлял исполняющий обязанности помощника. — Вы глубоко тронуты как личность. Понимаете, что имею в виду? Вы сочувствующее, заботящееся человеческое существо. Не становитесь формальным. Продемонстрируйте какие-нибудь общие проникновенные эмоции.

— Вы правы, — сказал губернатор после некоторого раздумья. — Я это сделаю. По сути мне это нравится.

Два рывка шнура, и подвесной двигатель заработал. Держась одной рукой за румпель, Чак Дункан вывел свое плоскодонное суденышко из укромной бухточки, где оно было у него обычно привязано. В эти ранние утренние часы ветер был слабым, поверхность воды зеркальной. Дункан

держал курс на самую широкую часть водохранилища, километрах в восьми от плотины. Добравшись туда, он выключит двигатель и проведет беспечный день, попивая пивко, покачиваясь, глотая слюнки, разглядывая фотографии в «We», половит рыбку, а заодно и позагорает... Дункан считал, что после зубов самым плохим в нем было телосложение. Загар здорово помогает компенсировать это, и нынешним летом он намеревался загореть дочерна.

Он лег навзничь, поднял лицо к небу и закрыл глаза. Солнце еще не было достаточно жарким для хорошего загара. Он устал, и с похмелья ему хотелось расслабиться. Болели мышцы. Большую часть ночи он боролся с Карлой, — Господи, ну и сильна же она! — безуспешно стараясь содрать с нее одежду. Она хихикала, словно все это занятие было всего лишь своеобразной дьявольской игрой. Возможно, в следующий раз вымотается. А пока он предвкушал, как набросится на пиво и хорошенько отоспится, дрейфуя туда, куда его понесет течение.

Глава 27

Четыре стальные фермы пересекли реку, покоясь на устоях из добытого в каменоломнях гранита. На ближнем подступе к городу бетонная пирамидка, на ней начертано:

Мост на Главной улице. Саттертон, воздвигнут в 1933 году.

Это сооружение никогда еще не выдерживало такого давления, даже во время Великого наводнения в 1956 году, когда мостовая была залита водой на метр. Теперь глубина широкого быстрого потока уже достигла полуметра и продолжала увеличиваться.

Желтый школьный автобус с арестантами из городской тюрьмы с ревом остановился возле пирамидки.

— О Святой Толедо, — сказал водитель, — посмотрите-ка на реку! Как думаете, ее переехать можно?

Сидящий рядом охранник с автоматом нагнулся, чтобы посмотреть через ветровое стекло.

— Похоже, что нет. Но я же не какой-нибудь проклятый инженер.

— Я проклятый инженер, — сказал Фил Крамер, идя по проходу в своем белом рабочем комбинезоне и резиновых сапогах, — и я тоже считаю, что нет. Посмотрите, насколько быстро поднимается вода. Как только ударит по этим вот горизонтальным балкам, мосту конец.

— Садись-ка, — приказал охранник.

Остальные арестанты, съежившиеся на маленьких для них сиденьях, вытягивали шеи, с беспокойством озираясь. Копна растянулся в хвосте автобуса, храпя, словно сигнальная сирена.

— Дерьмо, — сказал водитель, ударяя по рулевому колесу ребром ладони.

Подъехали два полицейских автомобиля. Один перерезал автобусу дорогу на мост, другой остановился в сторонке. Внезапно повсюду оказались полицейские, воздвигающие баррикады на подходе к мосту, заворачивая машины, которые уже начали выстраиваться позади. Все вокруг заполнили вспышки огней и шумы радиопередатчиков. Из одной машины вылез Уилсон Хартли, подождал, пока водитель автобуса откроет окно.

— Ну, и куда теперь, шеф?

— В среднеобразовательную гимназию, это в Стерлинг-Сити. Поедешь по Сто девяносто второму шоссе. Не возвращайся по Главной улице. Слишком большое движение, да и люди повсюду шныряют. Нет ли у тебя там Фила Крамера?

Водитель повернулся на сиденье.

— Ребята, тут среди вас...

— Я Крамер, — сказал Фил, пробираясь вперед.

Раздвижная дверь открылась, и охранник отступил в сторонку, пропуская Фила, а потом угрожающе навел

автомат на остальных пассажиров, ибо кое-кто уже привстал, явно намереваясь двинуться следом. А Филу, когда он увидел поджидающего его полисмена Саймона, стало не по себе. Он протянул ему руку:

— Я хочу снова извиниться за...

Саймон, ухватив за запястье и подмышки, поволок его вокруг передней части автобуса.

— Эй, что это вы? — запротестовал Фил.

Но прежде чем успел сказать что-нибудь еще, ощутил пожатие руки какого-то седовласого полисмена с весьма мощной лапой и знакомым голосом.

— Уилсон Хартли, начальник полиции. Нам следовало выслушать вас прошлой ночью.

— Ну, я же...

— Все обвинения против вас сняты. Нужна ваша помощь.

— В самом деле?

— Мне сказали, что, пока важные особы не доберутся сюда, вы больше всех знаете, что происходит.

— Но ведь я...

— Для начала необходим ваш прогноз. Как долго еще может продержаться плотина?

Фил в изумлении покачал головой, а затем попытался говорить в профессиональной манере:

— Я должен посмотреть, насколько течь стала хуже. Вы можете доставить меня на место, откуда я смог бы увидеть это? Как насчет автостоянки при электростанции?

Его перебили громкий хлопок и скрежет со стороны реки. Все повернулись в ту сторону. Вода докатилась по обеим сторонам Главной улицы до нижней части моста, и сила ее давления разрушила опорные балки двух центральных пролетов и устоев, на котором они покоились. Проезжая часть наклонилась влево, и весь мост начал содрогаться. В этот момент какой-то мотоцикл с ревом влетел на его дальний конец.

— Посмотрите на этого чокнутого ублюдка! — закричал кто-то. — Ему же нипочем не переехать!

Поток воды толщиной в несколько сантиметров уже переливался через тротуар второго пролета. Мотоцикл пересек его, словно глиссер, отбросив волны в обе стороны. Мост уже накренился на тридцать сантиметров в сторону течения, когда мотоцикл достиг четвертого пролета, почти свалившись на него, но мотоциклист, резко выбросив ноги, сумел удержать равновесие. Выскочив на твердую почву, он резко свернул, тормозя, и врезался в баррикаду.

— Ты, идиот проклятый! — заорал Хартли. — Ты что, не видел дорожных ограждений на той стороне? Ты совсем со своего проклятого ума сошел?

Норман Кингвелл посмотрел на начальника с полуулыбкой.

— Этот дьявол заставил меня, — сказал он, тыча большим пальцем через плечо.

Позади Кингвелла сползала с сиденья офицер управления контроля над катастрофами округа Каспар.

— Вот это да! — сказала она.

— Миссис Лехман!

— Все в порядке, Уилсон. Это я приказала перевезти меня. Все, что нужно, в моем автомобиле, так что надо было до него добраться. А вот и мост поехал...

Вода накатывалась на проезжую часть моста от одного устоя до другого, перехлестывая через перила. С низким щемящим звуком два центральных пролета начали соскальзывать с опор. Почтенный старый мост, казалось, изо всех сил старался удержаться, но все же сдался, когда по нему ударило скопление плывущих деревьев и обломков. Центральные пролеты в замедленном движении сложились вместе, потянув за собой боковые пролеты и скатываясь под воду. За одну минуту все исчезло из виду, и единственным указанием на то, что здесь когда-то стоял мост, были три

расположенные на равном расстоянии выемки от верхнего крепления каждого устоя.

Элизабет Лехман снова водрузилась на мотоцикл позади своего подростка-водителя.

— Мне надо переместить повыше автофургон с радио, — сказала она Хартли. — На правой смотровой площадке будет безопасно, а?

Хартли посмотрел на Фила, который заверил их обоих, что правая смотровая площадка на прочной скале в полном порядке. Миссис Лехман в первый раз обратила внимание на Фила, внимательно разглядывая его рабочий комбинезон и сапоги.

— А вы кто?

— На данный момент, — ответил на ее вопрос Хартли, — технический эксперт по тому, что происходит. Надо исполнять все, что он скажет.

— Ну, тогда, значит, правая смотровая площадка. Поехали, Норман! Нам предстоит кое-что сделать.

Кингвелл толчком ноги привел мотоцикл в действие и с шумом врубил двигатель, а женщина за его спиной обхватила его за талию. Норман сорвался с места с ревом, улыбаясь и подняв большой палец. Впервые в жизни он выполнял поручение в качестве официального лица.

«Сессна» быстро взлетела с шоссе и накренилась вправо.

— Полечу западнее города, — сказал Фредди Хассет. — Чтобы сбить с толку любого, кто, может быть, наблюдает, а потом развернись вокруг подножия холма.

Сидя на заднем сиденье, его отец показывал через открытую дверцу на бронированный грузовичок, который он бросил на обочине шоссе.

— Грузовичок, конечно, выглядит маленьким, словно жук. — Он улыбнулся, обнажив ряд квадратных, пожелтевших от курева зубов. — Посмотри-ка, и нигде никакой машины! И никто за мной не гонится. Удрал чистеньким, без всякого хвоста! — Он захихикал. — Тебе

надо было видеть Ллойда, когда я покатил прочь, бросив его у пристани! Сказал, надо, мол, выполнить одно поручение, через минуту вернусь. О Господи! Я видел в зеркало заднего обзора: он пробежал несколько шагов туда-сюда. Думал: не бредит ли? А потом остановился, расставив ноги и раскинув руки, будто готовился поймать мешок с помидорами. Господи, ну и потеха была! Я так сильно хохотал, что люди с тротуара пялились. Бьюсь об заклад, этот тупой ублюдок все еще ждет там меня или думает, куда еще, черт подери, я поехал на грузовике, набитом деньгами. — Он повернулся и похлопал по двум серым холщовым мешкам, которые принес с собой. — Там, должно быть, сотни тысяч внутри, Фредди, мальчик мой, а может, и больше. Там главным образом двадцатки и мельче.

И он принялся петь, выводя нечто совершенно не похожее на правильный мотив:

— «Я денежки достал! Я денежки достал!» Извини, Фредди, надо ведь петь так: «Мы денежки достали! Мы денежки достали!» Как там дальше-то, а? Какой следующий куплет? «День хорош, чтобы легавых подразнить, день хорош, чтобы чего-нибудь попить».

Он шлепнул сына по колену. Фредди не разделял радости отца. Он держал руки на рычагах управления, глядя прямо перед собой.

— Что случилось? Ты должен быть так же счастлив, как и я. Мы богаты! Мы это сделали! Мы удрали!

— Никуда мы пока не удрали. Не удрали совсем, — мрачно сказал Фредди. — Надо еще отыскать эту чертову лачугу с воздуха, надо сперва сбросить тебя, потом надо надеяться, что самолет полетит сам по себе еще хотя бы сто шестьдесят километров. Потом надо надеяться, что никто не заметит парашютов и не станет задавать вопросы, а потом еще надо надеяться, что мы кое-как проживем вместе несколько месяцев, не пристукнув друг друга. А ты думал, что мы уже удрали? Черта с два!

— Ну, будь повеселее, повеселее. Все окончится просто замечательно. Не бойся, со мной не будет трудно жить, я теперь другой. Деньги переделывают людей. И оттого, что разбогател, я люблю всех, даже тебя, моего собственного сына, который никогда не доставлял мне ничего, кроме неприятностей. Ха-ха! Конечно, я тебя немножко шлепал в прежние дни, но ты же этого заслуживал! Ну, давай улыбнемся! Ладно, не хочешь, не улыбайся. Тебе все равно не испортить мне этот день. А знаешь что, Фредди? Я никогда не был так счастлив за всю свою проклятую жизнь. Это правда! И не только из-за денег. Больше из-за того, как я наколол эту чертову компанию. Ох, как это здорово!

Эмиль Хассет расстегнул воротничок и снова разразился чем-то отдаленно напоминающим песню:

Хорошие деньки настали снова,
И пиво нам на небе уж готово,
Давай же веселиться, право слово!
Хорошие деньки настали снова.

— Господи, как бы мне хотелось знать слова всех этих знаменитых старых песенок, потому что мне здорово хочется петь.

Самолет завершил длинный поворот на восток и взял курс прямо на утреннее солнце. Глаза пилота сощурились, руки твердо сжимали штурвал.

Фил Крамер стоял вместе с группой мужчин на углу автостоянки при электростанции, рассматривая в бинокль нижнюю часть плотины. Место прорыва было заметнее, чем когда Морт Купер стоял на этом самом месте часом раньше. Теперь струя превратилась в поток, бьющий из отверстия диаметром десять метров. Поток прорыл канавку по склону холма, к реке.

Фил отрегулировал фокусировку.

— Часа два назад это было едва ли больше грязной лужицы, а теперь взгляните-ка. Должно быть, оттуда извергаются десятки кубометров в секунду.

— Сколько у нас еще времени до того, как вся эта штука рассыплется? — захотел узнать Ли Саймон.

Фил передал бинокль стоявшему рядом подрядчику Леонарду Митчеллу.

— Нет никакой возможности сказать наверняка. Согласно учебнику Рошека, плотины так же отличаются друг от друга, как и люди.

— Я только что разговаривал с Рошеком, — вмешался Ньют Уизерс. — Он сказал, может быть, этот поток можно уменьшить, сбросив туда скальный грунт.

Фил отрицательно покачал головой.

— Слишком поздно. Кабы три-четыре часа назад, прежде чем начали рваться трубы... Если сбросить разный хлам со стороны верхнего бьефа, поток немного замедлится, но плотина рухнет, чего бы мы ни сделали.

— Должно же быть что-нибудь такое...

— Нет ничего такого.

— Сколько еще у нас времени? — снова спросил Саймон. — Это все, что я хочу знать. Нам же надо эвакуировать город.

— Если вода пройдет под защитным блоком, — сказал Фил, размышляя вслух, — через скальное основание и бетонный защитный экран, это одно. А вот если над защитным блоком...

— Сколько это в минутах? — настаивал Саймон.

— Толщина насыпи у основания тысяча двести метров, так что на это уйдет некоторое время. Эта дыра будет вгрызаться внутрь, пока не перережет плотину до самого гребня. Вот тогда-то водохранилище и хлынет огромной волной.

— Так сколько же времени у нас, черт подери! — Саймон уже выходил из себя, его лицо покраснело.

— Могу только предположить. Я видел фильмы об авариях плотин, только вот...

— Так предположите тогда!

Уизерс положил руку Саймону на грудь.

— Остынь-ка, Ли, — сказал он. — Он же не Господь Бог.

— Но предположить можно или нет? Ведь его предположение будет лучше, чем мое, не так ли? Или чем твое... Он же, черт подери, книгу об этом накропал, не так ли?

Фил поднял руку.

— Да, докторскую диссертацию. Я сделаю предположение. То место, где мы сейчас стоим, может оказаться под десятками метров воды примерно через сорок пять минут.

Саймон отшвырнул руку Уизерса.

— Сорок пять минут!

— Ну, может, раза в два-три дольше. Сорок пять минут — это минимум. Вот в Болдуин-Хиллз, к примеру...

— Черт тебя подери, за сорок пять минут нам нипочем не успеть постучать в каждую дверь в городе, что мы попытаемся сейчас сделать. Хорошо, если мы успеем проехаться по боковым улицам на грузовике с радио...

И Саймон потянулся в окно своего автомобиля, чтобы достать микрофон.

— А если я, предположим, буду все время следить за этим прорывом и постоянно выдавать самые свежие оценки?

— Отличная мысль. Мы отвезем вас на правую смотровую площадку, где должен быть автофургон с радиоустановкой.

— Я возьму вас в свой пикап, — предложил Филу Митчелл. Риггс, Купер, Уизерс и группа чиновников из Объединения округов водопользования побежали к электростанции, чтобы успеть вынести картотеки и записи, которые позднее могли бы раскрыть причину аварии. Через несколько минут Митчелл свернул с окружного шоссе на

гребень плотины. Дорога по этому гребню протянулась поперек долины, словно туго натянутая белая лента.

— Господи, — сказал Митчелл, указывая на ветровое стекло, — ты только погляди на это! Какой-то кретин пытается посадить самолет на плотину!

Фил проследил за взглядом подрядчика и увидел приближающийся издалека небольшой самолет. Его догонял полицейский автомобиль, а несколько других машин отъезжали к обочинам, чтобы обеспечить самолету как можно большую посадочную полосу. Самолет быстро терял высоту, чуть подпрыгнул, чтоб не врезаться в брошенный Филом среди ночи самосвал, а потом точно приземлился.

— Надеюсь, что он видит гравий, — сказал Фил.

— Какой еще гравий?

— Я украл прошлой ночью один из ваших грузовиков и, чтобы задержать погоню, опрокинул на дорогу груз гравия. Митчелл скосил глаза на своего пассажира.

— Ты украл один из моих грузовиков?

— Ну, одолжил.

Небольшой спортивный самолет, ярко-красный, разукрашенный волнистыми полосами и языками пламени, стремительно мчался прямо на них, но тут шасси ударилось о кучу гравия, хвост взлетел вверх, фюзеляж секунду побалансировал на носу, а потом самолет перевернулся. Когда Фил и Митчелл добрались туда, двое патрульных из дорожной полиции вызволяли пилота из пристежного ремня, на котором он висел вниз головой.

— Со мной все в порядке, — сказал пилот, крупный лысеющий мужчина, хотя это было явно не так. Шишка размером с кулак уже вскочила на лбу в месте, которым он ударился о ветровое стекло. — Со мной все в порядке, — повторил пилот, пока его переворачивали в сидячее положение. Из-за боли он вытянул губы и плотно закрыл глаза.

— Мы не можем отвезти его в больницу в нижнем городе, — сказал один из патрульных. — Его уже эвакуируют.

— А как насчет правой смотровой площадки? — предложил другой патрульный. — Старушка Лехман уже разворачивает там медицинскую палатку.

Когда летчика усадили, Фил узнал его.

— Мистер Болен! Бог мой, да это же мистер Болен! — Он выпрыгнул из пикапа.

— Кто?

— Герман Болен из фирмы «Рошек, Болен и Бенедитц», один из тех, кто проектировал эту плотину. Ох, мистер Болен, как же я рад видеть вас!

Болен с усилием приоткрыл один глаз и посмотрел на сапоги Фила, на рабочий комбинезон, а потом и на лицо.

— Я вас откуда-то знаю, да?

— Я Фил Крамер. Рошек вчера меня уволил. Вспоминаете?

Болен закрыл глаз.

— Это была ошибка, — сказал он, морщась от боли. — Вы нам нужны, но только в Лондоне. — Он попытался встать, но быстро сел обратно. — Возможно, мне не совсем хорошо.

— Мы проследим, чтобы вам оказали первую помощь, — сказал патрульный. — Если через полчаса не придете в норму, отвезем в больницу, в Чико, сделаем там рентген. У вас, возможно, трещина в черепе.

Подъехали новые автомобили, и возник кружок зевак. Патрульный спросил, не желает ли кто-нибудь отвезти Болена на правую смотровую площадку. Вызвался мужчина, сидевший за рулем какого-то фургончика. Фил и Митчелл помогли Болену подняться на ноги и медленно повели его по шоссе. Ему дали марлевый тампон, чтобы прижать его к ране на лбу.

— Крамер, — сказал Болен, — за вчерашнее извинюсь позже. А сейчас вы должны меня выслушать. Заблокируйте эту дорогу и пропускайте только машины экстренной помощи. Когда прорыв достигнет отметки двести тридцать метров, уведите всех прочь от плотины, потому что с этого момента все пойдет стремительно.

Задние двери фургончика были открыты, и двое мужчин помогли Болену забраться внутрь. Он сел к стене, вытянув ноги и прижав марлю к голове.

— Уберите всех с электростанции, — продолжил Болен напряженным голосом. — Закройте дверь входного туннеля и подоприте ее с обеих сторон грузовиками. Это может на время сдержать воду.

Глаза Митчелла метались между Боленом и Филом.

— Выходит, вы думаете, что плотина определенно собирается обрушиться?

Болен отвернулся, чтобы скрыть текущие из глаз слезы.

— Плотина погибла.

— Но должны же быть какие-то способы спасти ее, — настаивал Митчелл. — Предположим, мы сбросим скальный грунт в водохранилище выше точки, где просачивается вода, а? На пристани при каменоломне у меня стоит на приколе груженная баржа, и я мог бы за полчаса прибуксировать ее на место...

— Бесполезно, — сказал Болен, — как ни верти. Примерно через полчаса начнет формироваться водоворот. Вы потеряете и баржу и тех, кто на ней будет. И понапрасну. Теперь уже слишком поздно. Слишком поздно, слишком поздно...

Патрульный закрыл одну из дверей.

— Мы стащим ваш самолет с плотины, — сказал Фил. — По крайней мере, спасем хоть его. Болен слабо поднял руку.

— Забудьте о самолете. Я слишком стар, чтобы летать. Отбросьте его в сторону, чтобы расчистить дорогу. — Он жестом попросил Фила наклониться к нему поближе. —

Если появится Рошек, присмотрите за ним. Может оказаться, что он не способен будет всего этого вынести.

Фил кивнул.

— Сделаю.

— Вы все еще работаете у нас, — сказал Болен. — Получите повышение. Достаточно, чтобы купить приличную одежду. А что он там сказал: трещина в черепе? Я, кажется, теряю сознание.

Вторая дверь закрылась, и Фил смотрел вслед фургончику. Потом забрался в пикап. Теперь слезы были в его глазах.

Глава 28

Вертолет едва не касался верхушек деревьев на дне долины, километрах в пятнадцати за плотиной, Рошек высмотрел зеленую лужайку, окружавшую «Лесной ручей», и показал летчику, тот кивнул и слегка скорректировал курс.

Река выглядела не очень хорошо. Вышла из берегов, усеяна обломками деревьев. Рошек надеялся, что Элеонора слушала передачу новостей и успела уехать. А если нет, он был готов пожертвовать собой ради нее. Прикажет пилоту отвезти женщину в безопасное место, а потом вернуться за ним. Если за это время волна доберется сюда, будет очень плохо. Но пусть лучше выживет она, чем он, если уж дело дойдет до такого выбора. Физически он был уже стариком и распадался довольно быстро. Его карьера, всего несколько дней назад почти взлетевшая до грани достижимого, тоже рушилась. Но в общем-то шансов, что ему придется принести себя в жертву, было не так уж много. На несколько километров вверх по ущелью не было видно никаких признаков волны. Вертолет без труда сможет проделать два рейса на твердую землю.

А вот и дача. На подъездной дорожке автомобиль, но это не машина Элеоноры. Если он не ошибается, машина

принадлежит Расселу Стоуну, танцовщику, с которым она была близка, когда в ее жизнь вошел Рошек. Господи, подумал он, конечно же, они не вместе там, в доме. Она же поклялась, что покончила со Стоуном. Просто Стоун приехал один. Да, конечно же, так и было, а она одолжила ему свой ключ.

— Сажать машину? — крикнул пилот, когда они оказались над лужайкой, возле дома.

— Зависни, — крикнул в ответ Рошек.

Открылась входная дверь. Стройный мускулистый молодой мужчина в трусах вышел на крыльцо и прикрыл рукой глаза. Это был Стоун. Да, точно. Теперь Рошек был уверен, и на него нахлынул приступ гнева. Ему претила мысль, что соперник провел ночь в «Лесном ручье», пусть даже с разрешения Элеоноры... Особенно если с ее разрешения...

В затененном дверном проеме показалась женщина.

— Только бы не Элеонора, — прошептал Рошек, — пожалуйста, пожалуйста...

Но это была Элеонора в шелковой пижаме, подаренной им на Рождество. Она выскользнула на солнечный свет и обвила рукой талию Стоуна. А он положил свою руку ей на плечи и подтянул к себе. Оба внимательно смотрели на вертолет. Рошек увидел, как ее рука поднялась, чтобы защитить глаза от солнца, словно птичка, возносящаяся в небеса. Даже простейшие ее жесты были так изящны и элегантны, что он...

— Вверх, — резко приказал он летчику, показывая вверх, — давай поднимай машину вверх!

Пока вертолет набирал высоту, Рошека душили конвульсивные рыдания. Он прикрыл лицо носовым платком и усиленно старался вернуть самообладание.

— Эй, — сказал летчик, — с вами все в порядке?

Рошек кивнул, нарочито шумно высморкался и сделал несколько глубоких вдохов. Поднявшись на четыреста

пятьдесят метров, вертолет слегка накренился и ринулся вперед, прямым курсом на северо-восток. В отдалении уже была видна сверкающая поверхность озера Граф Уоррен. Заострясь, оно как бы узким пальцем нависало над Саттертоном. Виднелась и крошечная коричневая тропка — это была плотина, сдерживавшая водохранилище, словно пробка в бутылке.

Правая смотровая представляла собой покрытую асфальтом площадь примерно в полгектара, на которой со стороны ущелья выстроились телескопы-автоматы, работающие от опущенной монетки. Площадка находилась на тридцать метров выше гребня дамбы, и в летние уик-энды ее заполняли автомобилисты, порой до двухсот. Фил, вооруженный двусторонним радиопередатчиком и биноклем, устроился в самой дальней точке, где два пролета оградительных перил сходились на верху голой скалы, напоминавшей нос корабля. Это был наилучший наблюдательный пункт. Слева от него темно-зеленая вода спокойно перетекала через открытые ворота водослива, опущенные под острым углом. А у нижнего бьефа, далеко справа от Фила, вода бушевала беспрестанными взрывами брызг, ударяясь о поле массивных бетонных блоков. Гасители энергии были спроектированы так, чтоб нисходящий поток попадал в реку, не выдалбливая в русле промоин и трещин.

На дальнем берегу реки находилась автостоянка при электростанции, теперь опустевшая, если не считать помятого и почти невозстановимого «мустанга», который Фил решил бросить. Как и предлагал Болен, электростанцию эвакуировали, а перед дверьми во входной туннель установили защитную стенку из грузовиков в надежде сохранить дорогостоящие генераторы от полного затопления.

У подножия насыпи плотины за водосливом блестела от влаги круглая площадка диаметром девяносто метров,

выглядевшая рыхлой и пористой. С ее нижнего зазубренного края длиной двадцать пять метров вниз по холму неукротимым каскадом обрушивался мощный поток коричневой бурой воды.

Держа микрофон радиопередатчика близко ко рту, чтобы его слова можно было расслышать сквозь рев воды. Фил сообщал о развитии катастрофы:

— Верхний край прорыва сейчас находится на высоте сто пятьдесят. Расход потока за последние пять минут удвоился. Насыщенная водой область возрастает, прорыв возможен. Теперь я оцениваю время до полного разрушения в тридцать пять минут.

Справа, в отдалении, лежал Саттертон, его нижняя часть уже была сильно размыта поднимающейся водой. Три кирпичных товарных склада времен «золотой лихорадки», выдержавших бесчисленные наводнения, теперь были смяты и скрылись под водой. Фил наблюдал в бинокль, как дюжина деревянных домиков сорвались с фундаментов, перевернулись крышей вниз и распались на куски. Какое-то большое, увенчанное куполом белое здание было волшебным образом приподнято над фундаментом и унесено вниз по течению без малейшего крена или разворота, словно величавое экскурсионное судно викторианских времен отправилось в неторопливое путешествие по Темзе. Но у поворота реки к югу от города купол обвалился вертикально вниз, ибо здание рассыпалось в разные стороны и быстро затонуло.

Фил чувствовал себя корректировщиком огня в какой-то фантастической войне, передающим боевые сводки генералам в полевую штаб-квартиру за линией фронта. В данном случае полевая штаб-квартира была от него всего в нескольких метрах, поскольку смотровая площадка превратилась в нечто вроде резервного места дислокации властей. Одной из первых прибыла миссис Лехман, управляющая автофургоном, настолько загруженным

разным оборудованием, что днище почти скребло по земле, а за ним следовал вагончик, оцетинившийся радиоантеннами. Затем прибыли автомобили шерифа, начальника полиции, руководителя пожарной службы, а также главы местного Красного Креста. Патрули шоссейной полиции держали один участок свободным для посадки вертолетов официальных лиц из Сакраменто, хотя самым первым прибыл вертолет с бригадой из телевизионной программы новостей.

Миссис Лехман открыла свою «лавочку» на карточном столике позади вагончика с радио, развернув перед собой карты местности и разные бумаги. Она принимала неиссякаемый поток информации, растекавшийся от нее к населенным пунктам ниже по течению. Передавала сообщения о состоянии движения транспорта, как только получала их от патрульно-шоссейной службы. Проверяла, знают ли служащие учреждений города и округа, где разворачиваются лагеря беженцев, и следила, чтобы они были укомплектованы персоналом. Ее сильный до рези в ушах голос перекрывал какофонию ревущей воды, работающих двигателей, криков и треска громкоговорителя, так что Филу было слышно почти каждое ее слово. Она явно была хорошо подготовлена и на свою работу набрасывалась с неумемной энергией и эффективностью. На замечание Уилсона Хартли, что она, кажется, почти наслаждается тем, что делает, она, как расслышал Фил, ответила:

— Если бы это хоть чуть-чуть помогло, я зарыдала бы.

Распространился слух, что Фил не только предсказал эту катастрофу, но был крупнейшим в мире специалистом по авариям плотин. С ним считались, как с непререкаемым авторитетом. Например, именно к нему первым делом направились телерепортер и его оператор.

Услышав за спиной хорошо поставленный баритон. Фил обернулся и обнаружил, что смотрит прямо в объектив телевизионной мини-камеры. Рядом с оператором стоял

мужчина в светло-коричневой спортивной куртке, который пылко говорил в микрофон:

— На ваших экранах Билл или Фил Крамер, героический молодой инженер, который целую ночь поднимал тревогу. Теперь он сообщает для полиции длину волны и поминутный отчет о гибели могущественного Голиафа, в течение десяти лет умирившего некогда неистовую реку Сьерра-Кэньен, которая — так во всяком случае кажется — снова начнет неистовствовать, на сей раз ради возмездия, что еще хуже. Говорят, инженер Крамер, предупредив, предоставил местным официальным властям достаточно времени, поэтому потери из-за этой катастрофы, если она произойдет, будут значительно меньше, чем могли бы быть, во всяком случае, в том, что касается невинных жизней.

Он сунул микрофон Филу под нос и попросил дать телезрителям «самые последние данные на нынешнюю минуту». Фил раздраженно отмахнулся.

— Господи, мистер, вы не отошли бы отсюда? Я ужасно занят. Здесь же плотина рушится.

— Постепенно, насколько я понимаю, — сказал репортер, — вода будет вытекать все быстрее и быстрее, пока долина не будет затоплена. Примерно так?

— Нет. Примерно через полчаса эта плотина будет смыта, и стена воды ринется вниз по долине подобно бульдозеру.

— Бульдозеру какой высоты?

— Это зависит от ширины долины. Сто пятьдесят метров в узких местах и тридцать — в широких.

— И будет двигаться со скоростью восемьдесят или сто шестьдесят километров в час, да? Какое зрелище передадут наши так оперативно размещенные здесь камеры!

— Ну, волна может со скоростью сто шестьдесят километров мчаться по прямому бетонированному каналу, но ведь это долина с изгибами и поворотами. Турбулентность и груз, который вода захватит по пути,

уменьшат эту скорость до пятнадцати — двадцати пяти километров в час. Теперь извините...

— Мне сказали, что минувшей ночью вы провели некоторое время в тюрьме. Что вы испытываете в связи с этим?

Фила спасла миссис Лехман, пронзительно заоравшая двум полицейским:

— Убрать этих клоунов прочь от Крамера!

Фил повернулся и стал рассматривать водохранилище в бинокль.

— Похоже, все лодки ушли к берегу, — сказал он в свой радиопередатчик. — Хотя погодите, кажется, вижу еще одну примерно в полукilометре от водослива. Он, должно быть, не расслышал предупреждения. Есть какой-нибудь вертолет или моторный катер, который мог бы до него добраться? Пока что нет никаких признаков формирования водоворота. — Он повернул бинокль вниз, на долину. — На краю ущелья, ниже города, где изгибается река, вижу человек пять-шесть. Их надо убрать оттуда. Ударив по этому склону холма, волна может взлететь до самой его вершины.

Уилсон Хартли положил руку на плечо Фила.

— Я правильно расслышал, поток будет двигаться со скоростью только пятнадцать — двадцать километров в час?

— Это лишь предположение, но я не могу себе представить, чтобы он двигался намного быстрее. Там есть парочка узких мест и несколько крутых поворотов.

— Черт подери, человек может ехать на машине вдоль ущелья много быстрее. Чтобы проверить, все ли убрались оттуда.

— Да, я полагаю...

— Это, правда, риск не такого рода, чтобы я мог кому-то приказать. Сделаю сам. Возьму наш самый лучший автомобиль, тот, которым мы пользуемся, когда гонимся за превышателями скорости.

Фил с недоверием уставился на полицейского.

— Вы это серьезно? Я же не знаю точно, насколько быстро пойдет вода. Она же может...

Хартли повернулся, чтобы идти.

— Вы просто продолжайте говорить вот в этот микрофон, и я буду знать, сколько времени у меня еще осталось...

Громовой удар привлек внимание Фила к дамбе. Гигантское давление снизу прорвало круглую промокшую площадку. Фонтан воды с силой взрыва ударил вверх и тут же опал. Вязкая бурая вода хлынула из этой раны, словно кровь.

— Главный прорыв, — взволнованно сообщил Фил в микрофон, — поток прорвался насквозь под максимальным, по-видимому, давлением. Бьет фонтаном. Есть выходы над прорывом, примерно у отметки двести. Ширина прорыва сейчас примерно пятьдесят метров, длина сто. Теперь уже недолго, возможно, минут двадцать. Если кто-то еще остался в городе, они должны убраться немедленно и молниеносно.

На поверхность озера, примерно в трехстах метрах от водослива, прорвался столбик пузырей, и вокруг него начала медленно вращаться вода...

С вертолета Рошека и город, и водохранилище, и плотина выглядели великолепно, как на почтовой открытке. Саттертон казался столь же сонным и безмятежным, как и любая новоанглийская деревенька, и только всмотревшись пристальнее, можно было разглядеть колонны машин, удирающих из города по всем мало-мальски доступным дорогам. Водоохранилище сверкало, склоны от него к заснеженному высокогорью казались огромным зеленым одеялом. По мере приближения вертолета очертания плотины прорисовывались все четче и крупнее. Колоссальная стена простерлась от одного края долины до другого. Слева, словно серебряный браслет на загорелой руке, виднелся водослив, а рядом с ним струилась уродливо бурлящая масса бурой воды, наполовину меньше водослива

по высоте и вдвое больше его по ширине. Рошек уставился на этот прорыв так, как он мог бы смотреть на прекрасную женщину с лицом, изуродованным шрамом, или на картину, порезанную ножом сумасшедшего. За несколько минут до этого он ощущал себя раздавленным горем и болью из-за предательства Элеоноры, его глаза все еще были воспалены от слез. При виде агонии плотины в ущелье Сьерра слезы полились снова. Это огромное сооружение, которое было такой же частью его самого, как сердце или мозг, неуклюже раскинулось под ним, израненное и кровоточащее.

Рошек поднял глаза и невидяще уставился на горизонт. Хотелось вернуться к самолету «Лиэр», дожидавшемуся его в городском аэропорту Юбы, — бессмысленно наблюдать вблизи, как умирает то, что ты любил, — но он был не в силах отдать такое распоряжение. Не мог ни говорить, ни издать хоть какой-нибудь звук, ни просто поднять руки. Пока вертолет садился, тревожили силы, давившие на тело, а когда машина остановилась и двигатель замер, продолжал сидеть неподвижно. Слова пилота долетели, словно издалека, и он не смог сосредоточиться, чтобы понять их.

Дверца открылась, его подняли и опустили на землю. Рошека окружили мужчины со знакомыми лицами, но имена и должности он не мог припомнить. Он машинально положил руки на свои костыли и прошел в центр какой-то небольшой группы. Ощутил дуновение ветра и приостановился, чтобы поглубже натянуть шляпу.

У оградительных перил плечом к плечу стояли люди. Они расступились, освобождая ему место, что-то говорили, но он ничего не слышал. Он смотрел. Мощный поток зеленой безжизненной воды стремительно вырывался из водохранилища через опущенные ворота водослива и с шумом обрушивался вниз по гладкому бетонному ложу пластинчатым потоком, превращаясь внизу в белое пенящееся неистовство в точности так, как предсказывали формулы гидравлики и эксперименты с масштабными

моделями. Это было прекрасным и гипнотическим зрелищем: мощь воды направляется и регулируется точно рассчитанными углами и изгибами водослива, это была иллюстрация для учебника по инженерному делу.

Позади водослива, где не должно быть ничего, кроме гладкого рыжевато-коричневого края сожженной солнцем насыпи, бесновался какой-то бурый зверь из ночного кошмара, свирепо рычащий, прогрызающий роковую впадину в одном из рукотворных чудес света. Чудовище напрягалось и извергалось, хлестало, словно хвост взбесившегося зверя, пытающегося выбраться из своей норы. Когда удастся вырваться на свободу, его немедленно поглотит невообразимых размеров поток.

Все было неправильно с самого начала, подумал Рошек, качая головой, а слезы все текли и текли по щекам. Плотина в ущелье Сьерра была спроектирована отчасти для того, чтобы поднять его престиж и порадовать душу. Подвергать ее такому отвратительному испытанию было безумием, преступлением, гротескной несуразицей. С внезапной ясностью он вспомнил гнев и раздражение, которое он, в ту пору молодой инженер, испытал, когда написанная им научная статья была изуродована техническим журналом. Сложный анализ заканчивался одним-единственным уравнением, результатом тысячи наблюдений в этой области. И все это было безнадежно изувечено. Из-за глупости людей, которых он никогда и в глаза не видел, вывод огромной ценности превратился в нечто смехотворное. Он хотел тогда поехать в Нью-Йорк и задушить издателей голыми руками. Сейчас он испытывал то же самое.

Плотина в ущелье Сьерра исчезала у него на глазах. Сдиралось гладкое покрытие, силы природы вершили свою работу. Он не мог остановить их, бесполезно его эмоциональное участие. Он отстраненно наблюдал за происходящим, словно из звуконепроницаемой будки

смотрел какой-то фильм. Руки наглого молодого танцора с почти совершенным телом ласкали Элеонору Джеймс, и она улыбалась в ответ, но что ему до этого? Элеонора уже ушла из его жизни, скоро это же сделает и плотина. Он выполнил свою работу так хорошо, как только мог, а другие разрушили его создание. Элеонора оказалась не той, которую он любил, и сейчас перед ним была не его плотина. Он боготворил совершенство. Плотина в ущелье Сьерра, которую он спроектировал и построил, не могла бы развалиться, словно песчаный дворец, чтобы послужить развлечением для банды вампиров.

Ветер теребил его одежду, шляпу сорвало с головы и катапультной взметнуло в воздух, словно бумажного голубя. Рошек наблюдал, как она парит высоко в небе, а потом падает по длинной дуге, вертясь и уменьшаясь в размерах, пока не превратилась в безвозвратное пятнышко, спустя какие-то, как показалось, минуты скрывшееся в недрах реки, каскадами текущей по фасаду дамбы.

Он ослабил кисти рук, и костыли со стуком упали. Чтобы не свалиться, сомкнул пальцы вокруг холодной стальной трубы перил ограды. Если бы не иссохшие ноги, он мгновенно перепрыгнул бы через эту ограду. Потом расслышал чей-то вроде бы знакомый голос и медленно повернулся вправо. В трех метрах от него какой-то мужчина в белом рабочем комбинезоне пристально смотрел в бинокль и держал у губ микрофон радио. Рошек где-то видел это лицо раньше.

— Вижу формирующийся на водохранилище водоворот, — говорил этот мужчина. — Определенная впадина в воде и вращение по часовой стрелке примерно в трехстах метрах к северо-востоку от водослива. Это на сто метров ближе, чем предсказала математическая модель. Верхушка прорыва сейчас на отметке двести десять метров.

Голос был слишком бесстрастным. Плотина в ущелье Сьерра рушилась, нужны были рыдания и вопли боли. Рошек

внимательно всматривался, пытаюсь определить, кто же это. Почему его вид и звук голоса возбудили ненависть в его сердце? Он потащился поближе к нему, скользя руками по перилам и не обращая внимания на людей, которым приходилось сторониться, чтобы дать ему пройти.

— Главный прорыв произойдет всего через десять минут или около этого, — сказал мужчина в свой микрофон. — Я все еще вижу людей на хребте ниже города. Они могут погибнуть, если останутся там.

Мужчина повернулся, опустив радиопередатчик и бинокль.

— Мистер Рошек! — воскликнул он в изумлении. — О Господи! Бог мой, мне так жаль... — Он протянул руку к плотине. — Это... это великое сооружение, великолепное сооружение. В проекте не было ничего неправильного... Исследования докажут это, я уверен...

— Это Крамер, не так ли? — сказал Рошек, подтягиваясь поближе.

— Да...

Молодой человек слегка отступил назад, словно боясь, что в него вот-вот плюнут или его ударят.

— Вам повезло, — сказал Рошек дрожащим голосом, — неслыханно повезло. Был один шанс из миллиарда, что эта плотина рухнет. — Рев воды оглушал, и Рошеку пришлось повисить голос: — Ваша идиотская компьютерная программа не имеет к этому никакого отношения... Глупейшее везение. — Он отпустил перила и вцепился в плечо Крамера. — До того как вы появились, не было никаких проблем. Вы заставили это случиться! Да, вы каким-то образом дали воде прорвать дамбу... только не отрицайте этого! Саботаж... чтобы доказать вашу безумную теорию, чтобы привлечь к себе внимание, чтобы уничтожить меня...

Рошек кричал, надеясь быть услышанным, несмотря на грохот вокруг, но его голос был слабым и надтреснутым. Возникло сильнейшее побуждение попытаться перебросить

Крамера через перила и вместе с ним рухнуть в этот поток внизу, но он заставил себя не поддаться ему, понимая, что попытка закончится неудачей. Молодой сильный парень просто отгонит его, да и столпившиеся вокруг мужчины помогут. Нападение не принесло бы ничего, разве что еще один спектакль для наблюдающих во все глаза шакалов.

Рошек почувствовал чью-то сильную руку на своем плече. Обернулся и увидел какого-то человека, голова которого была обернута повязкой, он выкрикивал его имя.

— Ты меня не слышишь? — кричал он. — Ты что, не узнаешь меня?

Это был Герман Болен. Рошек хладнокровно оценил ситуацию.

«Если я не отвечу, рассуждал он, то Болен подумает, я сошел с ума. Я должен успокоить его».

— Разумеется, я тебя слышу, Герман. Что с твоей головой?

— Пытался пробить ею ветровое стекло своего самолета. Я только-только из медицинской палатки. Наложили шесть швов. Совсем недавно из меня лилась кровь, как из заколотой свиньи.

— И как из плотины, — сказал Рошек. — Ты в конце концов угробишь себя этими своими поездками и полетами.

От плотины донесся глубокий, рокочущий гром. Громадный треугольный блок насыпи пониже гребня отделился и полетел на дно реки, подняв волны. Водохранилище, казалось, прыгнуло в этот прорыв, который теперь шел от подошвы насыпи, не доходя до гребня лишь несколько метров. Вода пробивала себе дорогу наводящим ужас неистовством. Прямо над прорывом дорога, проходящая по гребню плотины, начала заметно прогибаться.

Рошек отвернулся. Он оперся спиной о перила и вытянул руки.

— Где мои костыли?

Когда их принесли, начал протискиваться между легковыми автомобилями и грузовиками к своему вертолету. Болену, которому пришлось торопиться за ним, сказал:

— Я не желаю смотреть на это. Я не мазохист. Лечу обратно, в Лос-Анджелес. Карлос ждет меня в аэропорту Юбы с нашим «Лиэром».

Болен помог ему вскарабкаться на место для пассажира.

— А не лучше ли тебе, Теодор, остаться, пока это не кончится? Здесь пресса, они хотят побеседовать с тобой. Нам надо обговорить что-то вроде заявления.

— Старый рыдающий калека, — сказал Рошек, застегивая пристежной ремень. — Из этого получится миленький сюжетец на полминуты для полуденных новостей, не так ли? Нет уж, спасибо. Сам поговоришь-с ними. Скажешь все, что захочешь.

Болен не давал ему закрыть дверь.

— А ты уверен, что ты... ты будешь...

— Я в полном порядке, Герман. Не беспокойся. Я немного... ну вышел из себя, когда впервые увидел плотину и Крамера, но сейчас в порядке. Полностью себя контролирую, поверь мне. Потолкуем, когда вернешься в Лос-Анджелес. В особенности о Крамере. Пресса собирается сделать из него героя. Я уверен, ты понимаешь. Подумаем, как повернуть это в пользу фирме.

Рошек изо всех сил старался говорить разумно и произвести впечатление человека, испытавшего стресс, но обладающего достаточно сильным характером, чтобы оправиться от него. Он улыбнулся и ободряюще кивнул, снимая руку Болена с дверцы. Болен поколебался, потом отошел.

Вертолет вертикально взмыл, а когда оказался над верхушками окружающих деревьев, накренился и полетел на юго-запад. Рошек смотрел на Болена, глядевшего на него задрав голову, и увидел, как того чуть не сшиб с ног какой-то бегун трусдой, появившийся из леса и, видимо, не

соображавший, куда бежит. Рошек изогнулся на сиденье, чтобы в последний раз бросить взгляд на разрушающуюся плотину. Прорыв уже перекрывал водослив, и конец был близок.

Десятки тысяч тонн воды в секунду вырывались потоком, подобно Ниагарскому водопаду, только в три раза выше. Он помимо воли не мог оторвать взгляда от этого зрелища, пока склон горы милостиво не закрыл его.

Глава 29

Дункан уже трижды дернул шнур, а двигатель все не заводился.

— Дерьмо, — выругался он.

Лодка дрейфовала в направлении плотины куда сильнее обычного, и до нее оставалось всего полкилометра. Он решил, что за ночь, должно быть, понизили ворота водослива... Течение не было бы таким сильным, если бы толщина слоя переливающейся через верх воды не превышала полметра. Он не то чтобы почувствовал опасность, нет. На стороне ворот, обращенной к водохранилищу, были улавливатели всякого хлама, здоровенные стальные решетки, задерживающие разные обломки и мусор, которые могли бы повредить водослив. А в тридцати метрах от плотины имеется длинная связка соединенных цепями бревен, что не позволяло владельцам частных лодок высаживаться на насыпь у верхнего бьефа. Но Дункану все равно не хотелось находиться так близко к плотине. Он вдоволь насмотрелся на нее за неделю, да и рыбка ловилась лучше, если отплыть подальше, вверх по течению.

Он снова попытался завести двигатель, и на этот раз тот заработал. Дункан развернул лодку и взял курс на середину водохранилища. Запрокинув голову, вытянул последние капли из жестянки с пивом, а потом подержал ее за бортом,

пока не наполнилась водой. Тогда отпустил ее и перегнулся через борт, чтобы понаблюдать, как жестянка тонет. Обычно он мог следить за ней, пока она опускалась метров на пять-шесть, а порой и дольше — вода в водохранилище, пополнявшемся главным образом таявшими снегами, была на редкость чистой. Но на этот раз жестянка скрылась из глаз примерно всего через метр. Непонятно. Он никогда не видел, чтобы вода в этой части водохранилища, где глубина достигала двухсот сорока метров, была такой темной. Должно быть, что-то взболтало осадок.

Он сел и осмотрелся кругом. Какой-то мужчина, стоя на гребне плотины, размахивал руками. Он что же, махал ему? Дункан помахал в ответ. Правая смотровая площадка была битком набита легковыми автомобилями и грузовиками. Что это все значило? Наверное, что-нибудь, связанное с марафоном. Он заметил, что очутился так близко к правой стороне плотины, как никогда раньше.

— Ну, давай же, ради Бога, — громко сказал он, открыв дроссель до отказа и реверсировав гребной винт.

Он не сводил глаз с выбранной неподвижной точки на берегу, чтобы следить за своим перемещением, но все еще плыл в обратном направлении. Он передвинулся на сиденье и посмотрел на водослив. Если течение настолько сильное, то, может быть, для спасения лучше слегка свернуть в сторону, чтобы добраться до берега у правого устья. А уж оттуда наверняка смог бы пробраться обратно, вверх по течению, держась у края ущелья. Он направил лодку к водосливу и впервые обеспокоился каким-то приглушенным ревом. Обычно шум падающей на дно водослива воды с водохранилища не слышен, поскольку плотина служила своеобразным звуковым барьером. Должно быть, сбрасывают все семь метров, подумал он, в противном случае этот шум до меня нипочем не дошел бы. Он представил себе, как вода утягивает его лодку к улавливателям мусора и прижимает к сточным решеткам,

словно ветку дерева. Если такое случится, его вместе с лодкой придется извлекать краном.

Он увидел, как со смотровой площадки поднялся вертолет и исчез к юго-западу. Спустя минуту оттуда же поднялся другой вертолет и направился прямо к нему. Его лодка набирала скорость, и угол, на который он поставил румпель, не оказывал никакого воздействия на ее направление. Поначалу тащило к плотине, потом параллельно ей, а теперь разворачивало по широкой дуге от плотины. И тогда он заметил какую-то воронку на поверхности воды примерно метрах в ста от себя, вмятину, вокруг которой вращался довольно большой участок водохранилища.

— Господи, — сказал Дункан, — да меня же поймала какая-то проклятая вертушка...

Ему удалось повернуть лодку так, что она стала удаляться от вмятины. С возрастающим страхом наблюдал, как его развернуло по широкой дуге, возвратив уже через минуту в ту же самую точку, только метров на десять ближе к центру. Его подвесной мотор был бессилён против скорости и мощи этого убыстряющегося спирального потока. После еще двух оборотов он оказался в метрах пятнадцати от центра, и его лодка стала круто наклоняться, словно поверхность воды была какой-то резиновой оболочкой, которую сжимали и с самого дна тянули вниз.

Водоворот! Это слово молнией пронзило его. В панике он осознал, что его уволокло так далеко под окружающую его поверхность водохранилища, что он больше не видит ни плотины, ни берега. Лодка вертелась неуклонно ужимавшимися кругами, пока не оказалась настолько близко к углубляющемуся жерлу воронки, что Дункан мог бы коснуться его веслом. Над ним появился вертолет, он опустился, и летчик, наполовину высунувшись из дверцы, жестами показывал Дункану, чтобы он попытался ухватиться за одну из лыж. Вертолет завис в воздухе, пока

лодка проделала под ним еще два круга. Оба раза Дункан, встав на сиденье на колени, вытягивался, насколько мог, но ему так и не удалось коснуться колес. Когда лодка накренилась на изгибе воронки в третий раз, Дункан нетвердо встал на четвереньки, пытаясь не потерять равновесия и не опрокинуть лодку. Он пообещал себе на этот раз уцепиться за колеса, даже если придется прыгнуть вверх.

Но он не смог воспользоваться последним шансом. Ударившись о полузатопленное бревно, лодка опрокинулась, и Дункана швырнуло в самый центр водяного вихря, который немедленно всосал его с глаз долой. Вертолет повисел еще немного, потом медленно развернулся и стал набирать высоту.

Кента Спэйна интересовало, сколько же он сможет еще продержаться. Шатаясь, выбрался из леса на правую смотровую площадку, где наткнулся на припаркованный полицейский автомобиль. Рикошетом отлетев от него, едва не сшиб с ног какого-то толстяка с перевязанной головой. Пролагая себе дорогу через заграждения из козел для пилки дров, которые были размещены так нелепо, что скорее мешали его продвижению, нежели направляли его, он испытывал и тошноту и головокружение. Там было много зрителей, но они почему-то не приветствовали его нестройными криками, которых обычно удостоивается возглавляющий гонку бегун. Несколько человек при виде его выкрикнули какие-то непонятные поздравления, остальные смотрели куда-то в сторону.

Добравшись до дороги через дамбу и поднырнув под цепь, которую кто-то глупейшим образом протянул поперек нее, он увидел полицейского, поджидавшего его с протянутой рукой. У Спэйна не было никакого намерения останавливаться ради рукопожатия. А полицейский, явно не желая быть отвергнутым, бросился на Кента, когда тот пробежал мимо. Бегун сделал шаг в сторону и ускользнул от

объятий, сделав резкое движение плечом. Теперь этот легавый гнался за ним и выкрикивал что-то, чего Кент не мог расслышать из-за раскалывающего голову рева, наполнившего уши. Этот тупой ублюдок, по всей вероятности, хочет, чтобы я остановился и дал ему автограф, подумал Кент, поражаясь глобальному тупоумию человечества. Перебирая ногами, он увеличил свою скорость настолько, насколько позволяли оставшиеся силы, которых все же было достаточно, чтобы оставить полицейского позади.

За несколько минут до этого, когда он спускался по склону холма к плотине, деревья задрожали и земля заходила волнами, словно флаг на ветру. Тогда он тоже услышал рев, но это было ничто в сравнении с ужасным грохотом. Дорога скорее не колыхалась, а тряслась, и в одном месте даже, казалось, провалилась под его ногами. Ему даже пришлось сбежать вниз, в какую-то впадину, и снова вверх, по другой ее стороне. «Остановись на минутку, — говорил ему внутренний голос, — сядь на бордюр ограждения и подожди, пока этот рев и тряска кончатся». Нет! Он продолжит бег, даже если это убьет его. Упорство было фирменным знаком чемпиона. Он не позволит своему телу и своему мозгу уговорить его сделать передышку. Единственное, что могло бы заставить его остановиться, это если бы все его связки в теле вдруг распались и оно рухнуло на землю кучей отдельных частей.

На другом конце плотины тоже были люди. Они пытались схватить его, когда пробежал мимо, что-то кричали, но он не смог разобрать слова. Знак, отмечавший точку, где трасса уходила с дороги в лес, был опрокинут. Прекрасно. Это может задержать бегунов, не знающих маршрута.

Вскоре Кент снова оказался один среди деревьев. Он настойчиво трусил вдоль тропы, повторяющей очертания края ущелья. В конце этих длинных американских горок его должен поджидать Дюлотт. Кент начинал чувствовать себя

немного лучше, старался держать глаза широко открытыми, чтобы не пропустить белой тряпки, отмечавшей место, где спрятан велосипед. Его дыхание уже не было таким прерывистым, как во время бега по плотине. Грохот уменьшился, и земля под ногами почти успокоилась. А потом подвели ноги, стали будто резиновые. Сделав не больше пяти шагов, он упал лицом в грязь.

Хватался за землю, словно утопающий за спасительный плот, и дышал тяжело, как выброшенная на берег рыба.

Все кончено, подумал он, я все провалил. Юсри пролетит мимо и будет первым. Может быть, приостановится, чтобы швырнуть мне грязью в глаза. Потом пробежит Райан, а за ними вся эта пыhtящая, потная, истекающая слюной орава. Если не откачусь в траву, меня просто затопчут до смерти.

Но, полежав несколько минут спокойно, почувствовал прилив сил в конечностях. Он сел. Кругом стояла странная тишина. По тропе никто не бежал. Он, должно быть, вырвался вперед больше, чем полагал. С некоторым усилием поднялся на ноги и отряхнулся. Несколько порезов и синяков. Левое колено слегка кровоточило. Он немного прошелся. Приятно обдувал холодный ветерок, и он начал бег, поначалу трусцой, как бы проверяя себя, а потом с признаками энергии.

Увидев покачивающуюся на ветке тенниску Центра холистической подготовки, остановился. На тропе все еще никого не было.

— Господи, — сказал он, раздвигая ветви, — я, должно быть, обогнал этих засранцев на целые километры.

Велосипед был там, сверкающий и прекрасный. Кент выволок его на открытое место и несколько раз свалился, прежде чем сумел сесть.

Увидев приближающийся велосипед, Дюлотт вышел из-за своего столика и протянул руки. Кент резко затормозил.

— Не так быстро, — с улыбкой сказал Дюлотт. — При такой скорости вы побьете мировой рекорд минут на десять. Ну как вы продержались?

— Несколько минут назад думал, что сдох, а теперь чувствую себя отлично. Насколько я впереди остальных?

— Не знаю. Из ущелья не слышно ничего, только какие-то радиопомехи. Вы использовали эти часы-шагомер, пульсометр, потом еще этот...

— Нет. Все это дерьмо разбилось. И, судя по ощущениям в паху, заодно накрылся и жизненный препарат «Джог-Теха».

— Ну, этого никто никогда не узнает. Оставьте велосипед здесь и остаток пути бегите трусцой. Ваше время все-таки должно быть в рамках разумного.

Кент слез с велосипеда и пихнул его в высокую траву.

— Все, что скажете, док. — Он осушил стаканчик воды и угостил себя очищенным апельсином. Припустившись рысью, взглянул через плечо и помахал рукой. — Пока, увидимся в понедельник в отделении Американского банка.

Полисмен Джон Колла мчался по боковым улицам Саттертона, включив воющую сирену. У каждого третьего дома останавливался, чтобы сказать всем, кого обнаруживал, что надо немедленно отправляться на высокие места, вначале предупредив соседей. Когда услышал по радио сообщение Крамера, что до окончательного прорыва осталось примерно двадцать минут, сообразил, что при нынешнем темпе ему не покрыть положенного участка. Он перешел на остановки у каждого пятого дома. Большинство домов были уже пусты, отчасти благодаря какому-то самолету, оснащенной системой громкого вещания, который целых сорок пять минут низко кружил над городом, передавая приказ об эвакуации. Самолет прилетел из округа Саттер. Миссис Лехман, да благословенно будет ее доброе сердце, по всей видимости, сообщила кому-то, чтобы его прислали на помощь.

Колла обнаружил мужчину, который не хотел уезжать, ибо смотрел по телевизору бейсбольный матч, где как раз намечалась важная подача. Колла немного поспорил с ним, прежде чем бегом вернуться к своей патрульной машине. Когда разворачивался, увидел, как этот мужчина выходит из парадной двери и направляется к своему гаражу.

— Я уезжаю, — крикнул он полицейскому. — Ток вырубили. Телевизор больше не работает.

Когда, согласно новой оценке Крамера, до прорыва осталось пять минут, Колла отказался от дальнейших усилий и поехал по одной из дорог, ведущих к плоскогорьям над городом. По дороге он остановился, чтобы сказать мистеру и миссис Орвис, пытавшимся привязать мягкое кресло к крыше своего автомобиля, чтобы они бросили его и поскорее убирались подальше. Коллу успокоило то, что видел сам, и услышанные по радио сообщения, будто Саттертон уже почти полностью опустел. Он удивится, когда наводнение схлынет и когда он недосчитается больше дюжины человек из населения в шесть с половиной тысяч.

На самом краю города, где дорога резко сворачивала вверх по холму, Колла нажал на тормоза. Двое ребяташек, старшему не больше десяти, спокойно сидели на дереве.

— Ребята, какого черта вы там делаете? — закричал он, не выходя из машины.

— Плотина прорвалась, — крикнул один из них в ответ. — Мы смотрим, как вода оттуда выливается прямо сюда.

Колла выскочил из машины и велел им спускаться, сказав, что, если останутся там, утонут.

— А где ваши мама и папа? В доме?

— Папа с нами развелся, — сказал старший мальчик, слезая на землю. — А мама наверху, ногти красит.

— Она что же, не слышала сирены и колоколов, и как люди кричали, и все эти самолеты?

— Сказала, сегодня что-то ужасно шумно.

— Быстро в машину!

— Ой, правда?

Колла два раза выстрелил в воздух. В одном из окон второго этажа появилось женское лицо. Когда она увидела то, что приняла за арест ее малышей, начала рыдать.

— Плотина рушится! — закричал Колла. — Жду вас полминуты, потом увожу детей.

Женщина подняла глаза и посмотрела поверх крыш на плотину. Увиденное заставило широко раскрыть рот. Она выбежала к подъездной аллее через двадцать секунд в развевающимся меховом манто, под каждой рукой кошка, на каждом локте сумочка. Помогая сесть в машину, Колла заметил, что она миловидна, даже без макияжа и в домашнем халате. Он мысленно решил навестить ее, когда все это закончится.

— Смотрите, — сказал взволнованный голос по радио, — вот она движется...

С наблюдательного пункта Филадельфии это выглядело концом света. С низким гулом и треском огромные куски плотины падали в прорыв, пока на всем ее протяжении до самой вершины не открылся зазубренный вырез в форме латинской буквы «V». Часть шоссе, проходившего по гребню, зависла подвесным мостом над потоком, прежде чем единым куском рухнуть медленным на вид движением. Водохранилище, как бы ощутив, что тремястами метрами ниже появился свободный проход, ринулось вперед, словно внезапно пришедший в движение зеленоватый ледник. Нижние участки прорана, где вулканической лавой еще извергалась бурая вода, были попросту стерты сотнями тысяч тонн падающей сверху белой воды. Мощный поток быстро расширял себе путь, по мере чего некогда неприступная плотина, казалось, утрачивала волю к сопротивлению. По сторонам провис прорванный бетонный водослив. Поток отрывал от вершины и швырял вниз один увесистый блок за другим. Фил инстинктивно сделал несколько шагов назад, опасаясь, что мощный утес, на котором он стоял, тоже может

обрушиться. Он намеревался продолжить описывать развернувшееся перед ним зрелище, но радиопередатчик отказал, насквозь, как и одежда Фила, пропитавшись водой. А он и без того утратил на время способность говорить, настолько был ошеломлен тем, как освободившееся водохранилище ринулось сквозь плотину. Он видел фильмы об авариях других, меньших плотин, но ни опыт, ни воображение не могли подготовить к зрелищу подобного разрушения. Это можно было сравнить с тем, как рушится горный хребет или вся Калифорния тонет в море.

Когда участок основания плотины отделился от массива насыпи, земля под ногами содрогнулась, словно при землетрясении. На полпути между прорывом и дальним концом дамбы появилась трещина, оказавшаяся новым очагом извержения воды. Хорошая треть плотины, масса объемом по меньшей мере в двадцать миллионов кубических метров разного материала, начала сползать вниз по течению как единое целое, больше неспособное удерживать напор воды. Она тяжело оседала все ниже, пока вода не перехлестнула через верх и не понеслась по фасаду. Вода бурлила и по бокам плотины, которая по мере того, как это происходило, медленно теряла свои очертания, уходя под воду и расползаясь, словно огромная куча грязи.

Река пошире Колумбии протолкнулась через это отверстие и обрушилась вниз, торопясь к новому, более низкому уровню в полукилометре ниже по течению. Расширявшийся веером поток из первого прорана был охвачен и подавлен новой лавиной воды, которая была на десятки метров глубже. В считанные минуты Саттертон был разрушен и стерт с лица земли неистовством, очистившим долину от одного конца до другого вплоть до скального основания.

Главная стена воды, не встречая препятствий, прокатилась поверх города со скоростью восемьдесят километров в час. Когда она ударила в холм ниже его, там,

где река и ущелье поворачивали вправо, огромная масса воды ринулась вверх по склону подобно удару бьющегося о волнолом прибоя. Это был всплеск смерти. Когда волна ухнула обратно в главный поток, склон был очищен от деревьев, пахотной почвы, домов... и от зрителей.

Глава 30

Кент Спэйн чувствовал себя прекрасно, бежал широким шагом и дышал свободно. Да еще и улыбался. До ступеней ратуши Саттертона оставалось всего полтора километра. Там он разорвет финишную ленточку с ошеломляющим новым рекордом мазэрлодского марафона. После того как он почти вышел из игры, все эти баксы, слава, автомобили, одежда, женщины и жратва будут в конце концов к его услугам. Осталось пробежать вниз по холму, вдоль дорожки на нем, над городом, к ярмарочной площади, вниз по крутой песчаной дороге к границам города и, наконец, вверх, вдоль Главной улицы, помахивая рукой приветствующим его толпам.

Над головой стучал какой-то вертолет, четвертый с того момента, как он пересек дамбу. Конечно, из-за относительно малоизвестного кросса по пересеченной местности кутерьмы многовато. Спорт становится слишком популярным. Огибая какой-то угол, он увидел спины людей, стоявших на заросшем травой склоне с биноклями, с набитыми одеждой мешками, с коробками, они стояли кучками, обнявшись. Дети плакали.

— Дайте дорогу! — крикнул он, обегая эту странно молчаливую толпу. — Здесь же трасса марафона! Дайте мне пройти...

— Тупой проклятый идиот, — донесся мужской голос. Ответив проклятиями, Кент сошел с тропы и продолжил бег вдоль склона холма, чтобы обойти этот затор. Увидев, на что они смотрели, в смятении остановился. Он находился на

краю какого-то внутреннего моря. Там, где должна быть песчаная дорога, спускающаяся в город, была только вода, вода, простиравшаяся до холмов на противоположной стороне долины, в двух с половиной километрах.

— Где я? — крикнул он, прыгая вверх и вниз на пальцах, чтобы поддержать циркуляцию крови в ногах. — Я, должно быть, повернул не туда. Где Саттертон? Какой дорогой к нему попасть? Что такое, черт подери, с вами случилось, люди? Что происходит? Вы что, оглохли? Как добраться до ратуши?

Какая-то женщина подняла руку и показала на центр озера, где плавающие обломки обозначали быстрое течение.

— Вон там Саттертон, — сказала она тихо, — под водой. Прорвалась плотина.

Кент перестал прыгать. Он медленно повернулся, слова этой женщины пронзили мозг подобно яркой вспышке молнии. Отчаяние на лицах окружавших его людей ясно показало, что его потеря ничто по сравнению с тем, что потеряли они.

Рядом с ним на траве сидели и негромко рыдали мужчина и женщина и трое детей. Начал рыдать и Кент, усевшись рядом с ними и опустив лицо в ладони. Сидеть было вредно для поясницы, но Кента Спэйна это больше не волновало.

Фредди накренил самолет, чтобы отец взглянул на большую поляну.

— Вот она, — сказал он. — Прыгаешь первым. Когда окажешься на земле и выберешься из парашюта, сброшу мешки с деньгами, направлю самолет в сторону Мексики и спрыгну сам.

— Ты, видно, шутишь, — сказал Эмиль Хассет с улыбкой, которая уже грозила превратиться в постоянную. — Чтобы я прыгал раньше денег? Да ни в жизнь!

— Думаешь, отправлюсь в Вегас или еще куда-то без тебя, так? Что я говорил? Мы еще даже с самолета не

сиганули, а уже хватаем друг друга за наши проклятые глотки.

— Кто это хватает кого-то за проклятую глотку? Только не я. Я счастлив. Чувствую себя на миллион баксов. Но когда выйду вот в эту дверцу, миллион баксов выйдет со мной, по мешку под каждой рукой. Оставлять тебя здесь, наверху, со всей нашей добычей просто глупо при всем моем к тебе уважении.

— Папаша, ты не можешь прыгать с деньгами. Когда парашют раскроется, тебя встряхнет, ты выронишь мешки на деревья или в реку, и мы с тобой можем никогда их не найти. Если же тебе все-таки удастся в них вцепиться, станешь таким тяжелым, что ноги сломаются, словно сухари, как только стукнешься о землю.

— Я не оставлю тебя с этой добычей, дружок. Против такого искушения даже Дева Мария не устояла бы. Я тебя хорошо знаю, Фредди! Ты как-то раз пытался разбить мне лоб бильярдным кием. — Он снял кепку. — Посмотри, шрам еще виден.

Фредди вздохнул.

— Это было десять лет назад. Ладно, есть другая идея. Покружу там пониже, и сбросим мешки рядом с лачугой. Потом поднимусь примерно на четыреста пятьдесят метров, и ты спрыгнешь. А я спрыгну с высоты в шестьсот метров, так как должен быть уверен, что самолет не врежется в хребет.

— А четыреста пятьдесят метров не низковато для меня? Я же только начинающий.

— Достаточно высоко. Я не могу поднять тебя выше, ты же не умеешь управлять собой в падении. Если поднимется ветер, можешь приземлиться в Миннесоте или в еще каком-нибудь проклятом месте.

Эмиль пощупал подвесную систему парашюта на груди.

— Но так или иначе, как эта штука работает?

— Просто. Вот это вытяжной трос. Как только вывалишься из самолета, потяни его. Старайся удариться о землю не ногами, переломаешь. Свались вверх ногами и перекувырнись с силой.

— Звучит довольно просто. Давай так и поступим. — Эмиль положил руку на плечо сына. — Послушай, малыш, я сожалею, если это прозвучало, будто я тебе не доверяю. Это просто потому, что я...

— Ты мне не доверяешь, — огрызнулся Фредди, сбрасывая отцовскую руку. — Ну, и что с того? Ничего нового. Ты всегда думаешь, будто я собираюсь наколоть тебя каким-то сучьим способом.

— Может, это потому, что ты делал так много раз. Знаю, я не самый замечательный отец для ребенка, но в ближайшие два месяца тебе предстоит узнать нового человека. Увидишь, я не такой уж плохой. Может быть, когда все это напряжение спадет, мы с тобой сможем...

— Ох, черт тебя подери! Ты пошел на грабеж ради себя самого и ради денежек, но это касается и меня. Когда напряжение спадет, я отвалю. Забудь о семейном дерьме. Не хочу больше слушать.

— Хорошо, хорошо, — сказал Эмиль, поднимая руки. — Успокойся. Конечно, я пошел на грабеж главным образом ради себя. Но это не означает, что мы не могли бы забыть прошедшие деньки и все давние истории. Почему бы не начать все сначала?

Фредди отказался продолжать разговор. Вместо этого указал на мешки с деньгами и сказал отцу, чтобы тот передвинул их поближе к открытой двери. Фредди прицелился великолепно. Когда сказал: «Давай», отец вытолкнул мешки из самолета, и они приземлились метрах в шести от лачуги. С отцом он также все рассчитал безупречно. Эмиль Хассет изо всех сил старался извлечь из ранца парашют, но он был намертво закреплён всего несколькими поворотами плоскогубцев. Он камнем рухнул

на кипу невысоких деревьев на краю поляны, где тело будет скрыто от посторонних глаз и в то же время его будет нетрудно найти.

Фредди проделал широкий вираж, а потом выровнял курс для следующего прыжка. Внимательно проверив рукоятки управления, он приспособил самолет для прямого устойчивого полета. Спустя полминуты Фредди, паря под куполом своего парашюта, увидел, как его «Сессна» плавно поднялась, отреагировав на уменьшение весовой нагрузки, а потом исчезла за хребтом. Она пролетит еще минимум триста двадцать километров к югу, а может, если повезет, вдвое дальше. Похоже, к Фредерику Н. Хассету наконец-то пришла удача.

Он направил себя на свободный от камней клочок земли и при соприкосновении с почвой умело упал и перекувырнулся. Поднявшись на ноги, расстегнул пряжки и выскользнул из парашюта. Потом собрал его вздымающиеся складки в комок и отнес в лачугу. Ключи лежали там, где они их оставили, под кофейной жестянкой на крыльце. Забросив парашют внутрь, Фредди остановился, оглядываясь и прислушиваясь. Кругом не было никого. Никаких любопытствующих рыболовов, охотников, бродяг, соглядатаев или соседей. Да, они провернули ограбление с точностью часового механизма. Газеты будут шуметь о выдающихся криминальных мыслителях.

Он перетасил холщовые мешки в маленькую переднюю комнату и привалил там к дивану. Они были тяжелее, чем он ожидал, и ему не терпелось пересчитать добычу, но сейчас для этого не было времени. Предстояло совершить простой нерелигиозный похоронный обряд.

Садовые инструменты хранились в чулане снаружи. Он выбрал заступ и понес его к купе деревьев на краю полянки. Земля была влажной и мягкой, и тело отца лежало, прижавшись к ней лицом, неуклюже раскинув руки и ноги

подобно изломанной свастике. Из воротника и манжет униформы охранника медленно сочилась кровь.

Фредди быстро копал могилу. Когда она стала достаточно глубокой, острым концом заступа сбросил в нее тело. Засыпать начал с головы, чтобы скорее прикрыть застывшую на лице отца усмешку.

Когда он работал, начал беспокоить отдаленный грохот, похожий на шум идущего по мосту поезда. Но в этой долине железных дорог не было. Звук становился все громче. Фредди выпрямился, положив руки и подбородок на рукоятку заступа. Он уже как-то раз слышал подобный звук во время воздушного парада на базе ВВС в Тревисе, близ Сакраменто, когда эскадрилья бомбардировщиков времен второй мировой войны вынырнула из-за холма.

По деревьям прокатился странный ветер, странный потому, что без порывов... Просто устойчивый поток воздуха шел с северо-востока со скоростью примерно двадцать пять километров в час, неся легкое ощущение влаги, словно морской ветерок. Однако морем не пахло. Запах больше походил на тот, который поднимается над рекой Сан-Джоакин во время разлива. Этакая комбинация ароматов рыбы, отбросов и свежескошенной травы.

Ветер становился все сильнее. Сотня птиц поднялась с деревьев и полетела вниз по долине. Оставив отца наполовину засыпанным, Фредди отбросил заступ и побрел вверх по холму, в сторону лачуги. Оттуда он мог видеть на полтора километра вверх по течению. Взлетели другие птицы, кролик в безумном беге пронесся через поляну.

Обзор ограничивали вершины холмов в том месте, где склоны долины на крутом изгибе реки становились круче, почти вертикальными. Небо сияло чистой голубизной, но из-за изгиба поднималась неправдоподобно огромная и черная туча пыли. Лавина — единственное, о чем подумал Фредди. В какой-то горе образовался провал, и это перепугало животных. Вот только этот нарастающий рев...

Сверкающая стена воды появилась из-за поворота ущелья подобно голове огромной змеи, отливавшей черным, коричневым и серебристым. Волну что-то сильно толкало, и она высоко вздымалась по утесам, прежде чем снова опасть. Рев тысячекратно усилился, и до Фредди донесся порыв ветра, ударивший так сильно, что едва не опрокинул навзничь. Он опустился на четвереньки и уставился на это видение так, как оцепеневшая от страха собака смотрела бы на приближающийся паровоз. Он был охвачен тисками такого сильного ужаса, что был не в силах ни пошевелиться, ни просто вздохнуть. Бурлящая стена воды высотой в несколько десятков метров с грохотом неслась к нему, фантастический прибой, несущий обломки, тяжелая, грохочущая, неправдоподобно громадная масса, прыгающий, извивающийся, ревуший и сокрушающий монстр из кошмара сумасшедшего, каждая частица которого была в движении, неуклонно продвигалась вперед.

Фредди удалось подняться на ноги под штормовым ветром, наполнившим воздух пылью, сосновыми иглами и ветвями деревьев. Шатаясь, он начал карабкаться вверх по склону, не в силах оторвать глаз от стены движущейся воды, которая теперь заняла полнеба и напоминала непрерывно рушащееся здание, которое толкали вперед откуда-то сзади. Он наткнулся на дерево и обнял его изо всех сил, поскольку понимал, что волна докатится быстрее, чем он успеет выбраться на высокое место.

Поток приблизился настолько, что он мог разглядеть рекламный щит, целую стену дома, вырванные с корнем деревья, грузовик-тягач... Все это ворочалось среди миллиона прочих обломков, соскальзывая вниз по передней части вздымающегося водопада только для того, чтобы, вознесясь на вершину волны, снова ринуться вниз. Фредди видел, как деревья на дне долины валяются по направлению к нему длинными рядами, словно сорная трава под косой. Их сбивали отчасти обрушивающаяся вниз вода, а отчасти —

огромная масса обломков, которые катились впереди подобно мусору, сгребаемому бульдозером. Фредди сильнее вжался в дерево и закрыл глаза. Его сердце остановилось. Буквально перед тем, как ударила волна, он сделал то единственное, о чем он смог подумать, в надежде, что грубость коры, к которой прижимались его руки и щеки, была нормальным миром, тогда как взрывающийся вокруг мир безумен.

Спустя сорок пять минут после гибели Саттертона начальник полиции Уилсон Хартли находился в шестнадцати километрах ниже плотины и мчался вниз по окружной дороге в своей машине. Он останавливался у каждой обычной стоянки туристов и у каждого дома, если для этого не надо было сворачивать в сторону. Ему удалось постучать в двери по крайней мере тридцати коттеджей, жилых автоприцепов и экскурсионных автобусов, и почти в половине из них люди ничего не слышали о надвигающемся наводнении. Он отправил троих рыболовов и дюжину членов клуба Сьерры, собравшихся на этакую экскурсию-пирушку, бегом вверх по склонам холмов, в какое-нибудь безопасное место. Невозможно было сказать, сколько туристов и экскурсантов обратили внимание на его предупреждение, которое он снова и снова передавал по своему мощному громкоговорителю. Дабы убедиться, что один из домов пуст, пришлось пристрелить бросившуюся на него немецкую овчарку, которую оставили владельцы, торопившиеся удрать.

За продвижением воды следили с самолетов и передавали в вагончик связи. Хартли слышал голос миссис Лехман, прерываемый статическими помехами. Она сообщила, что волна только что ударила рыболовецкую инкубаторную станцию в Кастл-Роке. Это в двух с половиной километрах выше по течению.

Хартли затормозил у шоссе, ведущего к «Лесному ручью», очаровательному летнему домику Рошека. Он

поспорил сам с собой, есть ли у него достаточно времени, чтобы проверить и его... Он примерно на пять или даже восемь минут опережал волну. Он видел, как приехал Рошек, а потом улетел со смотровой площадки на вертолете, так что старик, вероятно, и сам проверил, есть ли на даче кто-либо, но все же... Хартли был в «Лесном ручье» лишь однажды, когда Рошек устраивал этакую чопорную вечеринку-прием на лужайке в день открытия плотины. Подъездная дорожка длиной около полукилометра, вспомнил Хартли, и вполне прямая. Это заняло бы только по двадцать секунд в каждую сторону, так что когда он вернется на главную дорогу, у него все еще останется как минимум четыре минуты в запасе. Оттуда до входа в ущелье прямой бросок, который он мог бы проделать на высокой скорости, оставив некоторое жизненное пространство между собой и катастрофой. А в трех километрах ниже по течению как раз через мост, три разные дороги, по которым можно выбратья на высокогорье. Включив сирену на полную мощность, он свернул на подъездной путь к «Лесному ручью».

Из массивной каменной трубы вился мирный дымок. Какие-то мужчина и женщина, явно услышавшие его приближение, наблюдали за ним с крыльца. Хартли с облегчением увидел, что они молодые и здоровые: в противном случае пришлось бы забрать их с собой. А ему нужно было как можно больше места в машине, чтобы подобрать оставшихся, которых он мог встретить в своем финальном броске к безопасности.

— Плотина прорвалась! — крикнул Хартли, останавливаясь под крыльцом и размахивая рукой. — Поток глубиной в десятки метров будет здесь через считанные минуты... Бегите вверх по холму до самой вершины... немедленно, отправляйтесь же...

Пара изумленно посмотрела друг на друга, а потом снова на Хартли.

— Плотина прорвалась! — снова крикнул Хартли, выключив сирену, чтобы быть уверенным, что его слова поняли. — Вы должны взобраться по холму так быстро, как только сможете. — При выключенной сирене можно было расслышать отдаленный грохот, но слабый, не громче шепота. Хартли показал вверх по течению. — Слышите шум? Это поток движется вниз по ущелью... Послушайте, вы же можете увидеть поднимающуюся пыль. Бегите вверх по холму, бегите изо всех сил, как только сможете быстро, и не останавливайтесь... Это ваш единственный шанс... удачи вам!

Хартли резко развернулся, шины прорезали на лужайке черные раны. Он задержался на несколько секунд, чтобы понаблюдать, как перепуганная пара бежит вверх по травянистому склону позади дома. Они скакали, словно газели, и явно находились в прекрасной физической форме. По всей вероятности, какие-то спортсмены. Они несомненно доберутся до вершины. Он надавил педаль акселератора и ринулся обратно по подъездной дорожке, уверенный, что спас еще две жизни. Теперь можно сосредоточиться на собственном спасении.

Три километра между «Лесным ручьем» и входом в ущелье он промчался со скоростью сто десять километров в час. Но перед местом, где дорога пересекала реку и вливалась в штатское шоссе, пришлось ударить по тормозам. Перед ним застыли четыре автомобиля. Река Сьерра-Кэньен вышла из берегов, притащила тяжелый груз разного хлама и снесла мост. Хартли медленно выбрался из машины и как бы упал на нее, положив руки на крышу и уставившись на разрыв в дороге там, где был мост.

Добраться до безопасного места пешком не было никакой возможности, поскольку эту часть долины прикрывали почти вертикальные утесы. Его окружили водители и пассажиры других автомобилей. Рыдающая женщина вцепилась в его форму, показывая на реку. Муж

удерживал ее, объясняя прерываемым рыданиями голосом, что мост рухнул всего несколько минут назад и в автомобиле, который смыло и унесло прочь, находились их дочь, зять и двое внуков. Любые идеи, которые могли возникнуть у Хартли, готового вот-вот разрыдаться или упасть на колени в молитве, были бесплодны. Десять человек, близких к истерике, столпились вокруг него, выкрикивая вопросы и ожидая, что он даст на них ответы. Они хотели услышать, что надо делать. Не раз за годы службы ему удавалось успокаивать лишь одним властным видом. Врачи применяют нечто подобное, когда изображают, что знают больше, чем на самом деле. Он поднял руку, попросив тишины.

— Есть пожарная дорога службы лесов в километре выше по течению! — крикнул он. — Садитесь в ваши машины и следуйте за мной.

Направляясь обратно, вверх по ущелью, преодолевая постоянный встречный ветер, Хартли видел в зеркало заднего обзора следующий за ним караван автомобилей. А то, что он видел через ветровое стекло, с очевидностью говорило, что все они едут в никуда. Туча пыли, клубящаяся над деревьями, превратила яркость утра в сгущающийся зловещий мрак.

Пожарная дорога, едва ли шире грязной тропы, изборождена весенними потоками. Чтобы не ездили велосипедисты, водители-лихачи, ее перегородили горизонтальной стальной балкой, закрепленной на петлях у стойки с одного конца и запертой на висячий замок у другого. Хартли подбежал к заграждению и двумя выстрелами из служебного револьвера сшиб замок. Пока не забрался обратно в машину, ветер рвал одежду и швырял грязь и сосновые иголки с такой силой, что пришлось закрыть глаза, чтоб не ослепнуть. Продолжительный, все нарастающий рев сообщил, что волна не дальше, чем в километре.

Машина накренилась и раскачивалась из стороны в сторону, поскольку колеса то буксовали в грязи, то перекатывались через выпирающие корни и камни. Он почти отпустил педаль акселератора, пока покрышки не обрели надежного сцепления с почвой, а затем постепенно дожал ее до пола автомобиля. Восьмицилиндровый двигатель высокой мощности, обеспечивающий скорость автомобиля по шоссе в сто шестьдесят километров в час, позволил оставить остальные машины далеко позади, да он и не думал о них. Хартли не рискнул оторвать глаза от предательской дороги, чтобы посмотреть в зеркальце. Не смотрел он и через плечо, страшась увидеть источник этого грома, усилившегося настолько, что перекрыл все прочие звуки. Он резко поворачивал рулевое колесо вправо и влево, чтобы миновать наиболее опасные промоины и камни. Продирался через упавшие ветки, надеясь, что дорогу не перекроет какая-нибудь канава или рухнувшее дерево. Легкий всплеск воды ударил по ветровому стеклу, и он инстинктивным щелчком включил «дворники».

Пожарная дорога вилась по склону холма, поднимаясь под постоянным углом в двенадцать градусов. В течение целой минуты Хартли отчаянно рвался вперед и поднялся по меньшей мере метров на шестьдесят. Хотя одна покрышка облысела и поддон картера двигателя содрали камни, Хартли держал акселератор на пределе. Появилось ощущение, что в конечном счете ему удастся спастись. Еще одна минута — ему была нужна всего одна минута...

Дорога, постоянно поднимающаяся круто вверх, резко изогнулась вправо и вклинилась в складку между двумя скалами. Теперь Хартли удалялся от реки. Слева на противоположной стороне долины, на крутом горном склоне, коричневом от перегноя и сосновых иголок, виднелись редкие сосны и обнажения скальной породы. Взглянув налево и вверх, Хартли увидел высоко над собой, на противоположном склоне четкую диагональную линию.

Он знал: это та же самая пожарная дорога, ведущая по всем этим спускам и подъемам к концу дальнего края ущелья. Если удастся добраться туда, будет спасен.

Но с ошеломляющей скоростью коричневый склон вдруг стал белым. Через него слева направо перехлестнулась пелена пены, словно на стену выплеснули мыльную воду из бадьи. И одновременно водяной поток глубиной около метра устремился вверх по холму, заструился вокруг автомобиля, подполз под него спереди, оторвав задние колеса от земли. Двигатель заглох. В считанные секунды мощный обратный поток перекатился через капот и крышу, развернув автомобиль двигателем к реке и прижав его к склону выше дороги. За окнами бурлила вода.

Хартли включил экстренное торможение и стал ждать, прижавшись к рулевому колесу. Машина полностью ушла под воду, которая струями просачивалась через пол, через приборный щиток и двери. Он соображал, не произошло ли самое худшее. Возможно, поток схлынет прежде, чем машина заполнится водой, возможно... Он чувствовал, как течение несет автомобиль, время от времени мягко ударяя о почву, словно гигантская лапа подталкивает коробочку. Потом понял, что рыдает, но не от страха боли или смерти, а из-за своей полнейшей беспомощности. Он абсолютно ничего не мог сделать, только вцепиться в руль и надеяться на лучшее. Будучи полицейским, он давным-давно примирился с возможностью умереть преждевременно, но всегда предполагал, что если такое и произойдет, то быстро, вероятнее всего, от пистолетного выстрела... Но ведь не так же, не пойманным в ловушку в автомобиле под водой. Бог мой, ведь не тонуть же...

Исполинская сила приподняла машину, медленно перевернула ее вверх колесами и боком бросила на землю. Хартли, ударившийся головой о дверной косяк, был слегка оглушен, но сознания не потерял. Со сверхъестественным хладнокровием продолжал мыслить логически. Два окна

были разбиты, вода била в них струёй. Он протянул руку к защелке ремня безопасности. «У заднего окна образуется воздушный пузырь, — сказал он себе, — и, если машина останется на месте, я смогу продержаться около часа, а может, и больше. Потом вода должна схлынуть. Кости не сломаны. Если начну задыхаться, протолкнусь в окно и выплыву на поверхность».

Автомобиль подхватило снова и быстро поволокло по длинной дуге из расщелины к основному ущелью. С чувством полнейшей безнадежности Хартли осознал, что его подхватило главное течение потока. Ускорение было настолько велико, что его с силой придавило к сиденью. Автомобиль переворачивало снова и снова, кузов быстро заполнялся водой. Ощувив ее холод на лице, Хартли задержал дыхание. Панического страха не было. Просто снова стал мальчиком на масленичном гулянье с аттракционами. Восхитительное предвкушение тянуло к вершине американской горки, и он был готов к стремительному нырку вниз, что заставляет девчонок визжать, а мальчишек — хвататься за шапочки. Внезапно автомобиль ударила какая-то другая сила, столкнувшая прямиком вниз. Хартли уперся крепче, как сделал бы человек в лифте, несущемся в свободном падении на дно шахты.

Вместе с тысячью обломков горных пород автомобиль швырнуло о дно ущелья с высоты шестидесяти метров, сплющило до четверти прежнего размера и понесло, словно комок бумаги, по насквозь продуваемой ветром улице. Затем вихревой поток поднял машину почти к поверхности и потащил вниз по течению, к широкому устью ущелья. Там машину второй раз швырнуло вниз, и она воткнулась, будто кол, в глинистый берег реки Сакраменто. Через три часа ослабевающий поток полностью занес ее десятиметровым слоем ила.

Глава 31

В двадцати километрах от плотины река Сьерра-Кэньен выходила из-за подножия холмов и текла по извилистому руслу через верхнюю равнинную часть Центральной долины до слияния с рекой Сакраменто у городка Омохундро. Поток извивался по ущелью, словно живое существо, как змея, занявшая всю его ширину и вбирающая в себя все, кроме прочных скал. По бокам и у дна этого потока течение немного замедляли жесткие поверхности иззубренных холмов, частоколов скал и краев ущелья, а также наносы смытой почвы и вырванные с корнем деревья. Поэтому там скорость потока была несколько ниже скорости основной массы воды, которая неудержимо падала вниз с высоты, обрушивая на дно долины бесконечную череду молотоподобных ударов. В течение часа, который потребовался потоку, чтобы добраться до устья ущелья, он захватил так много обломков, что в равных долях состоял из воды и твердых включений остатков насыпи плотины, пахотной почвы, речного гравия, деревьев, бревен, телефонных столбов, остатков сооружений от домов до мостов, животных и как минимум восьмидесяти километров проводов и изгородей.

Те, кто наблюдал наступление этой волны с вершин холмов и с самолетов, позднее описывали это по-разному.

— Первое, что я увидел, была туча пыли, — сказал Китти Спрэйг, рабочий-трелевщик из службы лесов. — Я принял ее за дым и передал по радио, что вспыхнул гигантский пожар. Через несколько минут я увидел наводнение, подобное катящейся водяной горе, толкающей перед собой городской мусор. Спереди она была наполовину скрыта туманом, но я смог разглядеть фантастический извивающийся поток, влекущий целые дома.

Садовнику по имени Нокс Бэргер едва удалось спастись. Он рассказал:

— Я изо всех сил бежал вверх по холму. Позади бежал мой брат Курт, нес своего трехлетнего сына. Ветер был настолько яростным, что почти сорвал с меня рубашку, и я увидел, как амбар сплющило так, будто кто-то на него наступил. Когда посмотрел вниз, не мог поверить своим глазам: какое-то чудовище, огромное, как сама долина, скользило вперед с таким грохотом, будто началась третья мировая война, Мы думали, что стоим достаточно высоко, в безопасности, но волна докатилась до нас и попыталась стащить вниз. Я вцепился в какое-то дерево и устоял на ногах, но ребенка вырвало из рук Курта. Он с воплем прыгнул в воду, и больше я не видел ни того, ни другого.

Эвелин Фрэнсис Хэйс, сотрудник Государственного собрания штата из городка Сосалито, с группой девочек-скаутов устроилась в палатках на пике Макфарлэнд над устьем ущелья.

— Странность в том, что день был такой прекрасный, — сказала она в интервью сакраментской газете «Би». — Обычно ожидают, что конец света придет с небом, полным грозовых туч и вспышек молний. Но тогда я подумала, что день Страшного суда наступил под лазурным небом. Казалось, все разрушительные силы природы вырвались на волю. Господь уничтожал мир, не давая даже времени помолиться. Мне ни разу не пришло в голову, что рухнула плотина. Опустошение приняло невероятные масштабы. Казалось, происходит нечто за пределами того, чтоб ответственность могла быть возложена на кого-либо из людей. Я собрала девочек вокруг себя, и мы, обнявшись, наблюдали, как поток вырывался из ущелья и веером разлетался по фруктовым садам и рисовым полям, словно расплзающееся по одежде пятно. Когда поток достиг Омохундро, дома сдвинуло вместе, будто кто-то смел в кучу игрушки. Потом они скрылись под водой, и больше мы их уже не видели.

Тим Хэнсон, оперный тенор из Омохундро, несколько раз рассказывал свою историю по объединенным каналам национального телевидения со своей больничной койки в Чико. На экранах своих телевизоров зрители видели человека с повязками на лице, кистях рук и предплечьях. Его жесты, казалось, адресованы верхнему балкону, голос полон драматического напряжения.

— Я не слышал предупреждений, потому что находился в звуконепроницаемой камере, которую я соорудил в своей спальне, дабы репетировать, не опасаясь, что соседи позвонят в полицию. Я как раз работал над ролью Линдоро из оперы Россини «Итальянка в Алжире», которую должен исполнить в следующем месяце в небольшом оперном зале Пиппена в Сан-Франциско.

Когда почувствовал, что дом трясется, вышел из камеры и выглянул в окно. Не далее трех кварталов от меня бурлящая стена разного мусора надвигалась, сшибая деревья и дома. Отнюдь не вода, просто вспененная масса хлама, деревьев и кусков зданий. Правда, километрах в трех я видел и воду: она выливалась из ущелья Сьерра, словно патока из кувшина.

Я побежал по лестнице на чердак и выбрался через световой люк на верхушку крыши. Сел, обхватив трубу, и наблюдал, как дома моей улицы трещат и рушатся один за другим. Когда ударило по моему дому, он остался цельным и начал переворачиваться. Должно быть, прежде чем рассыпаться на части, перевернулся раза три-четыре вместе со мной, взбирающимся на более высокую сторону, как делают лесорубы на сплавляемых по реке бревнах. Шум был ужасным, это был грохот тысячи барабанов вместе со скрежетом раскалывающихся деревьев или сценических подмостков. В конце концов, меня закружило и помчало вниз по течению, а я цеплялся за кусок внешней стены. Знакомая женщина, работающая в банке, плыла на бочке. Я окликнул, она обернулась и кивнула мне, словно ничего

необычного не происходило. Плыла так, как будто точно знала, куда направляется, и больше я ее никогда не видел.

Сам же я несся вниз по реке Сакраменто. Я не знал, где закончится мое путешествие, но было предчувствие, что меня несет прямо под мост Золотые ворота. В конце концов я застрял в каких-то кустах, и люди с веревками помогли мне выбраться на твердую почву. Я был весь в порезах и синяках, и меня отвезли в эту вот больницу. Я собираюсь спеть в местной опере, даже в костюме для роли «Возвращение призрака».

Газета «Кроникл» из Сан-Франциско в своем обзоре процитировала рассказ отставного полковника по имени Том Стюарт, свидетеля уничтожения Саттертона:

— Когда вода спала, город исчез бесследно. В долине не осталось ничего, кроме мокрых скал. Все, даже фундаменты зданий, было соскоблено дочиста. Я сел в машину и поехал на север, вдоль того, что раньше было краем водохранилища. Я был ошеломлен. Все высматривал, ожидая увидеть наш город за каждым поворотом. Но я увидел только грязные равнины да опрокинутые набок лодки. В некоторых местах вода опустилась так стремительно, что рыба оказалась в ловушках в лужицах. Сотни рыб бились вокруг. Двое мальчишек собирали их в мешки.

Рошека видели покидавшим смотровую площадку на вертолете, а потом в городском аэропорту Юбы. Он сел на частный реактивный самолет своей фирмы. Когда он приземлился в Лос-Анджелесе, газетчики уже ждали. Джима Оливера устроили и размеры сборища, и его дурные манеры. Он думал, что, возможно, придется состязаться максимум с тремя-четырьмя, но не с этой тридцатиголовой толпой. Репортеры и операторы окружили, словно свиньи кормушку, инвалидное кресло, протягивая микрофоны, стреляя вспышками блицев, выкрикивая вопросы. Оливер быстро набросал строчку в своей записной книжке по поводу того, как изменилась внешность инженера. Его лицо было

по-прежнему ястребиным, глаза под густыми бровями не потеряли твердость взгляда, но подбородок склонился к груди, а не выдвинут вызывающе вперед. Его тело, казалось, не заполняло одежду. Он выглядел словно после долгого пребывания в больнице.

Когда Рошеку помогли у края тротуара забраться в лимузин, он выказал себя прежней личностью. Неожиданным ударом костыля выбил из рук чью-то камеру, которая упала на мостовую.

— Ну ты, сукин сын, — сказал фоторепортер, нагнувшись, чтобы собрать куски.

— Предъявите иск, — сказал Рошек. — Мой адвокат нуждается в зарплате.

Прежде чем дверца захлопнулась, Оливеру удалось локтями пробиться вперед.

— Я Джим Оливер, — сказал он сквозь шум. — Я брал у вас интервью пять лет назад, когда произошло землетрясение неподалеку от плотины. Вспоминаете? Лос-анджелесская «Таймс». Могу попросить вас о встрече?

Рошек даже не взглянул на него.

— В последнее время я читаю «Шоппер». Развелось чертовски много газет.

Оливер выпрямился и отступил назад. Рошек говорил ему что-то в этом роде пять лет назад, и он тогда включил это в свою статью. Но на сей раз эта фраза была произнесена машинально, словно Рошек играл роль, которую от него ожидали. Как бы играл самого себя. Оливер сделал еще одну запись в своей книжке.

Лимузин прокатился по улице метра три и остановился. Передняя дверца открылась, и вышел водитель.

— Где Джим Оливер из лос-анджелесской «Таймс»?

Оливер поднял руку. Водитель жестом пригласил его в автомобиль и открыл заднюю дверцу.

— Большое спасибо за то, что выделили меня таким образом, — сказал Оливер, когда лимузин снова тронулся.

— Я, разумеется, могу понять, почему вы не желаете беседовать с прессой прямо сейчас.

Рошек отмахнулся, показывая: можно без любезностей. Оливер заметил, что его темный костюм в грязных пятнах, накрахмаленный воротник великоват на размер, кожа лица белая, как бумага для машинописи, и шляпы на нем нет.

— Я выделил вас потому, что помню последнюю статью, которую вы написали о плотинах. Это была одна из наименее смехотворных вещичек, которые когда-либо появлялись в газетах по поводу инженерного дела. Почему в газетах есть научные редактора, но нет инженерных редакторов? Люди соприкасаются с инженерным делом ежеминутно. Автомобили, телевизоры, замороженные продукты, пластмассовые изделия — все эти вещи в большей степени плоды инженерного дела, нежели науки. Газеты должны...

— Вы видели, как рухнула плотина? — Этот вопрос остановил Рошека. — Вы не могли бы сказать, что при этом испытали?

— Представьте себе, — сказал Рошек спокойным, бесстрастным голосом, — что вы смотрите в зеркало и видите, как бурая вода потоком бьет из глазницы, где только что был ваш глаз. Вообразите, что вы смотрите на свой живот и видите, как он медленно разрывается, и ваши кишки вываливаются на пол.

Оливер сглотнул. Его карандаш на мгновение замер.

— Мои чувства не важны, — продолжил Рошек тем же тоном. — Если собираетесь написать так называемую интересную человеческую историю, характеризующую мои чувства, можете убраться из машины сию же минуту.

— Ваши чувства в самом деле важны. Я не намереваюсь характеризовать их, но мне бы хотелось задать несколько вопросов по поводу...

— Меня не интересуют ваши вопросы. У меня есть сообщение, которое я хочу передать американскому народу. Вот почему вы находитесь здесь.

— Понимаю. Американскому народу. Американскому народу хотелось бы знать, почему рухнула плотина.

Рошек снова остановился, и тень боли легла на его лицо. Прежде чем ответить, на мгновение прикрыл глаза рукой.

— Плотина рухнула из-за меня. Ибо я считал, что она не может рухнуть. Я верил, будто ничто из того, что спроектировал я, не может рухнуть. Я все еще верю в это, но только при условии, что останусь при этом сооружении, чтобы следить за правильностью эксплуатации. Поскольку считал плотину неуязвимой, я передал ее другим, а они не распознали опасностей и не поддерживали оборудование в должной исправности, как сделал бы я. Как говорится, если хотите, чтобы что-то было сделано правильно, сделайте это сами. Сегодня в мире царит чертовский беспорядок, вам так не кажется, Оливер? А знаете почему? Потому что Господь, чтобы спасти человечество, послал на землю своего единственного сына, и эта работа была выполнена плохо. Ему следовало сделать все самому. Улавливаете параллель? Ошибка Господа в том, что делать мужскую работу он отправил мальчика.

Оливер внимательно изучал человека, сгорбившегося в углу сиденья, стараясь понять, не утратил ли тот чувство реальности. Конечно, он выглядел физически разбитым. Возможно, и сознание помутилось.

— Я не собираюсь сравнивать себя с Господом, — сказал Рошек, — если это прозвучало так. Я был создателем, с маленькой буквы «с». Я принимаю на себя часть вины за то, что произошло. И в то же время, однако, отчасти виноват и Господь, если вам будет угодно использовать такое выражение. Проектируя эту плотину, я сделал расчет настолько совершенно, насколько это мог бы сделать сам

Господь. Господь виноват в том, что предоставил ошибочные геофизические данные.

— Боюсь, что я...

— Я не знал, что там какая-то ошибка. Та, что вызвала землетрясение пять лет назад. Из-за этого к нам туда в нижние дренажные галереи просачивалась бурая вода. Вам это известно? Вряд ли, потому что нам удалось держать это в секрете. Мы не хотели, чтобы общественность тревожилась по пустякам. Мы полагали, что эта проблема незначительна и исправима. Теперь очевидно, что мы были не правы.

Вы, вероятно, изыскиваете какого-то негодяя, чтобы написать вашу историю попроще. Какой-то некомпетентный проектировщик, какой-то подрядчик, использовавший не соответствующие стандарту материалы, какой-то продажный политикан, протолкнувший проект этакой рассчитанной на саморекламу плотины, в которой не было никакого смысла. Но все не так просто. В этой плотине был огромный смысл. Если никакого негодяя там не было, тогда дело в чем-то непознаваемом, что никогда не удастся полностью устранить. То, что знали, и то, что были в состоянии выяснить, мы приняли к сведению. Нас уничтожило то, чего мы не знали.

Оливер оторвался от своей записной книжки.

— Позвольте мне удостовериться, что записал верно. Вы говорите, что землетрясение ослабило основание. Вы полагали, будто укрепили его. Непрочность проявилась снова спустя пять лет и не была замечена, потому что... Почему же она не была замечена? Разве там, на плотине, не было приборов, которые...

— Она не была замечена из-за невероятной вереницы человеческих и механических дефектов, — сказал Рошек, жестикулируя и повышая голос. — Приборы испортились, давали неверные показания, с них не снимали показаний. На них не обращал внимания главный смотритель, который страдал тем, что не назовешь иначе, как хронический

оптимизм. Узнав, что там что-то не в порядке, мы отправили его вниз, когда плотину еще можно было спасти, и он там умер от сердечного приступа или еще от чего-то, черт его дери! И будто этого недостаточно, там был еще один кретин оператор из диспетчерской, который не мог сообразить, что происходит, пока не стало слишком поздно. — Глаза Рошека вспыхнули, в бессильном гневе он сжимал и разжимал кулаки. — Еще одна проблема — фактор времени. Представители властей штата сегодня прибыли туда, на место, чтобы взглянуть... сегодня! Будь это вчера, и всей этой суматохи не случилось бы. Страшно так же, что это случилось в Калифорнии, где лучшая в мире система обеспечения безопасности плотин, система, за утверждение которой я боролся долгие годы...

Рошек повернул лицо к окну. Оливер пять минут торопливо записывал услышанное, а потом спросил инженера, правда ли, что некий молодой служащий фирмы осознал, что не все в порядке, и провел целую ночь, бесплодно пытаясь поднять тревогу.

— Раз уж не можете отыскать негодяя, нужен герой... так?

— Я всего лишь пытаюсь проверить дошедшие до меня слухи.

— Молодой служащий, — сказал Рошек с неприязнью, — пытался поднять тревогу, которую подняли бы в любом случае.

— Но не так скоро. Он помог выиграть пару часов, разве не так?

— Пять минут, это больше похоже на правду. Нет, беру свои слова назад. Из-за того, что Крамер вызывает у меня отвращение, я не должен отзываться о нем пренебрежительно. То, что он сделал, было замечательно. Возможно, два часа — это справедливая оценка. Спросите кого-нибудь еще. Я не могу быть объективным.

— Правда ли, что вы уволили его, когда он сказал вам, что плотина в опасности, и даже посадили в тюрьму за попытку доказать свою правоту?

Реакция Рошека была настолько взрывной, что слюна так и полетела с губ.

— Но правда и то, что я распорядился освободить из тюрьмы, когда убедился в его правоте. Я приказал назначить его там ответственным за все. А когда увидел его несколько часов назад, было побуждение убить его. Почему? Да потому, что все это было настолько чертовски несправедливым, я просто не мог этого вынести. Рушилось величайшее из когда-либо построенных инженерное сооружение, которое в такой же мере было частью меня, как... как вот эти проклятые костыли. Из-за того, что она рушилась, какой-то самонадеянный молокосос, так до сих пор и не осознавший, насколько он невероятно удачлив, не вложивший ничего, — абсолютно ничего — в создание государства, теперь станет кумиром, тогда как я... Моя жизнь и моя карьера разрушены. Моя...

Он шлепнул себя рукой по глазам и обнажил зубы, словно пытался выдержать ужасную боль и не заплакать. Откинулся обратно в угол сиденья. Водитель лимузина слегка повернулся с выражением сочувствия и приподнял ногу, ослабляя нажим на педаль акселератора, но Рошек раздраженно сказал, чтобы он продолжал ехать и что с ним самим все в порядке.

Лимузин свернул с Харборского шоссе у выезда на Уилшир. Когда Рошек снова заговорил, он был спокоен.

— То, что человек оказался героем, вовсе не означает, что он приятен. Крамер еще работает в нашей фирме, и мы возлагаем на него большие надежды. Он опровергает ложное обывательское представление об инженерах как о неких механических существах без сердца.

— Вряд ли вы желаете, чтобы я написал о вашем побуждении убить его.

— Пишите обо мне все, что заблагорассудится. Если вам угодно написать пошлую статейку, сведя все к личностям, валяйте. Сплетни — это, возможно, то, за что хватается американский народ, но вовсе не то, что ему в действительности нужно.

— А что ему нужно? Что вы хотели бы через меня сказать народу? Предположим, я смогу привлечь его внимание.

Рошек наклонился к Оливеру и заговорил с горячей убежденностью:

— Американскому народу нужны безопасные плотины. В нашей стране девять тысяч плотин, которые, если б рухнули, причинили бы огромный ущерб, и треть из них не соответствует современным требованиям безопасности. Это равноценно трем тысячам бомб, готовых взорваться. В одном исследовании сделан такой вывод: вероятность того, что какая-либо плотина, рухнув, погубит тысячу человек, примерно в сто или даже в тысячу раз больше вероятности того, что такое случится из-за аварии на какой-нибудь атомной установке. Это кажется невероятным, однако в некоторых штатах застройщик или просто фермер может соорудить себе плотину, даже не получив разрешения! Даже не наняв для проектирования инженера! А когда плотину построят, о ней забывают, не считая нужным проводить периодически инспекционные проверки безопасности. В более чем тридцати штатах принят хоть и полудурацкий, но официально зафиксированный свод правил контроля, подкрепленный соответствующим обеспечением. Так скольким же людям грозит гибель?

Лимузин подъехал к служебной резиденции Рошека.

— Вы понимаете, что меня беспокоят плотины, — сказал он. — Разрушение хотя бы одной отражается на инженерном деле, на инженерах и на проектах плотин в целом. То, что в нашей стране допускается эксплуатация небезопасных дамб, плотин, обусловлено политикой, а не инженерным делом.

Инженеры-то знают, что нужно сделать, но политики не дают ни свободы рук, ни денег на это. Вот чем следует заняться, Оливер. Теперь по поводу безопасности плотин возникнет большая шумиха, но она уляжется точно так же, как это было после аварий в Тетоне и в Токкоа. Не дайте это свести на нет! Продолжайте звонить во все колокола! Заставьте администрацию штатов выполнить то, за что она отвечает, прежде чем произойдет катастрофа пострашнее той, через которую мы только что прошли. А если штаты не захотят действовать, заставьте вмешаться федеральное правительство.

— Это большое задание. Я всего лишь репортер и очеркист.

— Обещайте сделать все, что сможете.

— Я сделаю то, что смогу. Похоже, это достойная борьба. Я не могу поверить, что дела в самом деле так плохи, как вы говорите.

— Они гораздо хуже, как вы скоро узнаете.

Выбравшись на тротуар, Рошек продемонстрировал себя прежнего: в своем инвалидном кресле сидел прямо, рукопожатие было решительным и энергичным. Через стеклянные двери здания Оливер наблюдал, как Рошек катит себя через вестибюль к лифтам. Он с удивлением осознал — этот резкий раздражительный старик ему понравился. Чувствовал, что почти понимает его. Но почувствовал и кое-что еще... что никогда больше его не увидит.

Глава 32

Фил Крамер бросил последний взгляд. От того места, где стояла плотина, долина ниже по течению была оголена. На ее месте осталось только изрезанное глубокими трещинами ложе из осадочных пород, по которому безмятежно извивалась река Сьерра-Кэньен, поблескивая под лучами полуденного солнца. На дальней стороне ущелья высился, по

всей видимости, неповрежденный заборно-вентиляционный канал, торчащий из грязи, словно шахта лифта, лишившаяся своего небоскреба. От плотины остался лишь трехсотметровый участок насыпи у противоположного устоя. Там, на оставшемся участке на шоссе, проходящего через гребень дамбы, все еще лежал вверх колесами самолет Германа Болена. Услышав свое имя, Фил повернулся и увидел того самого телерепортера в светло-коричневой спортивной куртке.

— Миссис Лехман говорит, что теперь с вами можно побеседовать, — сказал он. — Все сошлись на том, что вы ключ к этой истории, так что нам хотелось бы взять интервью. Желательно основательное.

Фил медленно отошел от ограждения и сел на передний бампер какого-то грузовика.

— Я не хочу давать интервью. Мне нужно дня два отоспаться. — Он свесил голову и закрыл глаза. — У меня жутко болят ноги и спина. Меня тошнит. Моя машина погибла. Хочу есть. Хочу домой поехать, но у меня нет ни одежды, ни обуви, ни бумажника.

— Если бы вы только смогли рассказать мне, как вас арестовали, а потом — как вас освободили... Эй? Вы что, заснули?

Фил поднял голову.

— Слушайте. Вы, ребята, с этого вертолета, да?

— Да. Мы называем его телелетом.

— Вот что скажу. Я дам вам интервью — основательное или любое другое, если окажете одну услугу.

— Какого рода услугу?

— Видите вот эту штуку, торчащую вверх из грязи, словно самая высокая в мире силосная башня? Это заборный вентиляционный канал. Высота двести пятьдесят метров. Мои обувь, часы, одежда и бумажник лежат там этакой аккуратненькой маленькой стопочкой.

Репортер пристально посмотрел на него.

— На верху вот этой башни? А как же они попали туда?

— Эту тему разовьем во время интервью. Я хочу также, чтоб меня довели до какого-нибудь телефона. Позвоню в Санта-Монику и попрошу некую особу о встрече, причем имя этой особы также обнародуется во время интервью.

— Мистер Крамер, не знаю, шутите ли вы, но точно знаю, что не смогу взять вас в телелет. Только экипаж. Никаких посторонних ни при каких условиях. Могу лишиться работы.

Фил пожал плечами.

— Ладно. Дам это интервью кому-нибудь другому. Почему бы, к примеру, не седьмому каналу? Вижу вон там ребят с семерками на куртках.

Репортер негромко выругался и показал Филу на вертолет.

— Залезай, — предложил он.

Он позвонил Джанет из будочки в Чико. Фил сидел на тротуаре, плечом удерживая створчатую дверь открытой. Группа телевизионных и газетных репортеров поджидала поблизости, стремясь поскорее продолжить интервьюировать.

— Это ты, Фил? — Джанет ответила прежде, чем отзвучал первый звонок. — Я так рада слышать твой голос! Я видела тебя по телевизору несколько минут назад, и ты выглядел... ну... измученным.

— Вероятно, это потому, что я измучен. Чувствую себя выжатой и брошенной в угол половой тряпкой. Все, чего хочу, — это рухнуть в постель. Предпочтительно в твою. Господи, Джанет, то, через что я прошел за последние сутки, было... Не могу подыскать слов. Сказал бы так: не думаю, что когда-либо снова смогу улыбаться.

— Я заставлю тебя улыбаться... своими волшебными пальцами.

— Я уже снова улыбаюсь.

— Я так горжусь тобой! То, что ты сделал... Это же фантастика!

— Ты тоже была на высоте. Ребята из диспетчерской говорили, у них там были телефонные звонки из самых разных организаций, и все спрашивали о какой-то сумасшедшей женщине из Санта-Моники.

— Пришлось действовать по-сумасшедшему, чтобы заставить хоть кого-нибудь воспринять меня всерьез. Когда я вела себя серьезно, они считали меня сумасшедшей. Проблема, в чем я теперь со смущением признаюсь, заключалась в том, что я боялась выставить себя дурой. Была лишь на три четверти уверена, что у тебя не галлюцинации. Когда ты разбудил меня и сказал, что окружен полицейскими, это звучало... ну как результат переутомления.

— Что ж, верно. Я и был переутомлен. А все, что ты сделала, сработало, потому что расшевелила всех. Господи, как же я устал! Я совершенно валюсь с ног. Едва могу держать телефонную трубку.

— А что ты собираешься сейчас делать? Когда я тебя увижу?

— Как только мне удастся несколько часов поспать, сяду на первый же самолет, летящий к твоему городу. Хочу обхватить тебя руками и ногами и провести в таком положении этак с месячишко. А что потом, не знаю. Эти телевизионные фанатики, которые повсюду меня преследуют, полагают, что я должен провести остаток жизни в болтовне, появляясь в разных передачах. Я не хочу. Не могу представить себя звездой сцены или экрана. Дайте где-нибудь простой рабочий стол и оставьте спокойно сидеть за ним, складывая и вычитая разные цифры.

— Для компании «Рошек, Болен и Бенедитц»?

Фил сухогато засмеялся.

— Нет, только не для них. Болен говорит, что моя должность еще за мной, но я не вернусь, пока Рошек

возглавляет фирму. Он не только с причудами, он ненавидит меня всеми потрохами. Правда, я... ну ничего не могу с собой поделать! Я жалею этого бедного ублюдка. Для него, должно быть, была та еще картина — видеть, как его плотину смывает с лица земли. Я вообще прямо вот сейчас не думаю о работе. Думаю о том, как бы поспать, да еще о тебе. Мне даже не хочется впредь удаляться от тебя дольше чем на пять минут. Извини за слащавость, но такие вот у меня сейчас чувства.

— Ты мой сладенький, ты это знаешь? Ты не возражаешь, если я буду называть тебя сладенький? И дорогой? И милый?

— Просто музыка для моих ушей.

Когда Джанет отключилась, Фил так и не повесил трубки, она просто выскользнула из руки. Раскачивалась на шнуре и ударялась о стенки будки. Фил помахал репортерам и сказал, что они свободны. Потом голова упала на грудь, и он заснул прямо на тротуаре.

— Я пришла сюда, как только услышала новости.

— Спасибо, Маргарет, — сказал Рошек. — Я знал, что могу на тебя рассчитывать.

Ему показалось, что секретарша напудрилась, чтобы скрыть следы слез.

— Кое-кто из мужчин тоже здесь. Мистер Филиппи внизу. Сказать ему, что...

— Нет, не хочу, чтобы меня беспокоили.

— Пришла целая тонна почты. Все пытаются связаться с вами, ваша жена тоже.

— Скажи им, что у меня совещание.

Рошек запер за собой дверь кабинета, взял из ванной комнаты два белых полотенца и переместился в кресло-вертушку за своим письменным столом. Толкнул свое инвалидное кресло и внимательно наблюдал, как оно четыре с половиной метра беззвучно прокатилось по ковру и ударилось об стенку. Больше оно ему не понадобится.

Легко коснувшись кнопки, включил стоявший рядом с дверью телевизор. Три телеканала передавали репортаж о наводнении, и он по минуте-другой задержался на каждом из них. Река Сакраменто вышла из берегов. Серьезной угрозы для ядерного предприятия Ранчо-Секо, расположенного в дельте реки, не возникло. Персонал укрепил берега, создав ограждения из мешков с песком, хотя власти штата заверили, что так далеко вниз по течению наводнение едва ли будет заметно. Ожидалось побурение на день-два воды в заливах Суисан и Сан-Пабло, а также в северной половине залива Сан-Франциско, однако морские биологи не ожидали массовой гибели рыбы. Считалось, что города Саттертон и Омохундро были эвакуированы вовремя. Обитатели большинства домов и летних коттеджей в ущелье Сьерра также успели уехать, отчасти благодаря предупреждению неизвестного и все еще разыскиваемого полицейского, промчавшегося по всей долине буквально перед самой волной. Предполагают, материальный ущерб превысит миллиард долларов. Уже известно, пятьдесят шесть человек погибли и вдвое больше пропали без вести. Губернатор приписал эти на редкость малые людские потери отличной организации спасательных служб в затронутых бедствием округах, которые были приведены в действие властями штата и скоординированы с работой служб управления контроля над катастрофами на уровне штата.

Губернатору вскоре, видимо, предстоит какие-то перемены, подумал Рошек, выключая телевизор. В любом другом штате, возможно, тысячи людей погибли бы. Элеонора... спаслась ли она? Чтобы добраться до нее, этому бесшабашному полицейскому пришлось бы отъехать от главной дороги на порядочное расстояние. Впрочем, это уже ничего не меняет.

Он включил свой магнитофон и продиктовал длинное наставление Герману Болену о том, как ему следует управлять в качестве президента фирмы, а также высказал

свои соображения относительно наиболее важных контрактов. Рошек предупредил коллегу, что в упреждение возможных инсинуаций известных инженерных фирм клиентов следует заверить, будто авария плотины не имеет ничего общего с какими-либо недостатками в проекте. Рошек посоветовал Болену и Филиппи немедленно нанести личные визиты каждому из основных клиентов, в особенности тем, с кем велись переговоры по поводу новых контрактов.

— Что касается Крамера, — уверенно говорил в микрофон Рошек, — то совершенно необходимо, чтобы он остался в фирме. Если он наймется на службу к кому-либо из конкурентов, это сокрушительно повредит нашему имиджу. В течение следующих нескольких недель ему предстоит удостоиться самого активного внимания со стороны средств массовой информации, и для тебя не должно быть неожиданным, если его пригласят появляться в каких-нибудь популярных разговорных шоу и комментировать документальные сюжеты об этой аварии. Если его повысить в должности, сделать главой какого-нибудь нового отдела по исследованию безопасности дамб, то любые почести, которых он удостоится, могут быть разделены с нашей фирмой. Сохранить его — ключевой момент. Предложи тысяч пятьдесят в год, если понадобится.

Как ты знаешь, Герман, я считаю Крамера нахальным молодым хамом, который просто по счастливому случаю оказался в нужном месте и в нужное время. Видеть его на престижном месте, осыпаемого почестями со стороны разных инженерных обществ... меня бы от этого стошнило. К счастью, я уйду. Ты хороший мужик, Герман. Наилучших тебе пожеланий.

Рошек взял авторучку. На листе специальной почтовой бумаги фирмы написал: «Я, Теодор Рошек, президент фирмы «Рошек, Болен и Бенедитц», будучи в здравом уме в такой невероятной степени, что многие, кажется, и не поверили бы,

объявляю сей документ своей последней волей и завещанием, написанным моей собственной рукой, и настоящим отменяю все прочие завещания и дополнительные распоряжения к ним, сделанные мною ранее. Я приказываю, чтобы все мои достоверные долги были уплачены и все прочие обязательства такого рода также были выполнены. Чтобы мое тело было кремировано и похоронено без участия духовенства. Я приказываю, чтобы все мое имущество было передано моей законной супруге Стелле, которая заслужила лучшего отношения, чем то, которое она видела от меня в течение последних нескольких лет.

Я не желаю, чтобы хоть какая-либо часть моего имущества отошла Элеоноре Джеймс из Сан-Франциско, что в моем предыдущем завещании предусматривалось столь щедро и столь глупо. Позвольте мне сформулировать это иначе, чтобы быть уверенным, что в этом не будет никакого недопонимания: я хочу, чтобы моя жена получила все, и я хочу, чтобы мисс Джеймс не получила ничего. Если мисс Джеймс получит из моих денег хотя бы десять центов, я восстану из могилы и сделаю тех, кто допустит это, такими несчастными, что они сами захотят умереть вместо меня.

Своей жене я хотел бы сказать, что сожалею.

Что касается моих посмертных даров различным лицам и учреждениям, то моя жена, если сочтет нужным, может последовать указаниям, сделанным мной в том последнем завещании, которое мы готовили с ней вместе».

Рошек подписался и поставил дату на листе, добавив еще и строчку для своей секретарши, чтобы она подписалась как свидетельница. Затем продиктовал звуковое письмо своему адвокату:

— Дорогой Жюль, к этому письму будет приложено написанное от руки завещание. Я доверяю тебе проследить, чтобы его пункты были наверняка и тщательно выполнены и чтобы мое предыдущее завещание, составленное вопреки

твоему совету, было выброшено за ненадобностью. Не знаю, выжила Элеонора в этом наводнении или нет. Если выжила, она может оспорить то, что я выбросил ее имя из завещания, заявив, будто я умственно неполноценен, о чем и свидетельствует мое самоубийство. Заверяю тебя, я осознаю совершенно точно, что делаю, и не съехал с катушек ни по каким разумным определениям. Напротив, мой уход из жизни сейчас доказывает мое здравомыслие. Это сэкономит всем, в особенности мне самому, массу огорчений и боли, а также, как я подозреваю, добавит кое-что к общей сумме человеческого счастья. Мое тело доставляет мне все больше и больше огорчений, и в любом случае оно не просуществовало бы долее четырех-пяти лет, если учесть его разрушения. Я не собираюсь проводить свои преклонные годы в залах суда, свидетельствуя по поводу бесконечных исков об ущербе, которые уже сейчас стряпаются в конторах вроде твоей собственной.

Если вдруг тебя вызовут, чтобы доказать мое нормальное состояние на этот день, можешь предоставить в качестве свидетельства данное завещание. Обрати внимание на сильный, ровный почерк. Совсем не похоже на почерк какого-то психа, ведь так? Или проиграй магнитофонные ленты, которые я только что записал. Эксперты не обнаружат в моем голосе ничего, что говорило бы о скованности или о напряженности. Это мой нормальный голос, которым я обычно говорю. И вовсе не голос человека, доведенного до отчаяния или потерявшего рассудок. От этого далеко. Зная, что конец близок, я почти счастлив.

Было очень приятно знать тебя, Жюль. Если тебе захочется помянуть меня, оскорби кого-нибудь, кто этого заслуживает.

Рошек снова включил телевизор и переключал каналы, пока не напал на комментатора, выглядевшего нормальным человеком. Слушая «последние сведения о ситуации в районе катастрофы», одно из полотенец он расстелил на

своим письменном столе, а другое несколько раз свернул. Потом из ящика стола достал пистолет, проверил, заряжен ли он и поднят ли предохранитель. Там было только пять пуль. Вполне достаточно.

— В течение следующего часа, — вещал комментатор, — вы услышите эксклюзивное, интервью с Филиппом Крамером, тем героическим инженером, которому сейчас приписывают честь спасения населения Саттертона, а также истории оперного певца и двух танцоров из балета, которые были рядом с катастрофой; но спаслись, чтобы рассказать о ней, а также предстоит повторный показ некоторых фрагментов самого невероятного по продолжительности фильма из когда-либо снятых. А сейчас включаем прямую трансляцию из Калифорнийского технологического университета, где наша Линда Фонг находится в кабинете профессора инженерного дела Кларка Кирхнера. Линда?

Рошек расположил все предметы на столе так, чтобы их края были параллельными. Фотографию Элеоноры отправил в корзину для мусора, а фотографию Стеллы перевернул лицом вниз.

Усатый мужчина на телеэкране продолжал говорить о проекте плотины в ущелье Сьерра:

— Я утверждал тогда и утверждаю сейчас, что эта плотина должна была противостоять землетрясению силой шесть с половиной баллов при расстоянии в шесть километров даже лучше, чем в восемь. Уклон фасада, обращенного к верхнему бьефу, с учетом использованных материалов был как минимум на десять процентов круче, чем нужно. Это была самая высокая насыпная плотина в мире, не забывайте, и она не предназначалась для проверки так называемых прогрессивных проектных теорий, которые...

Пуля вошла в самый центр экрана, взорвавшегося с резким хлопком вакуума и ливнем серебристых стеклянных

игл. Следующая пуля разнесла вдребезги стекло, покрывавшее художественное изображение плотины.

Рошек услышал вопль Маргарет. Солидная женщина, проработала его секретаршей двадцать лет. Никогда раньше не слышал ее воплей. Он с уважением посмотрел на оружие в своей руке. Замечательное это изобретение, пистолет. Дает мужчине божественную способность метать стрелы молний, словно Тору, и этот звук был звуком грома.

На правой стороне кабинета висел заключенный в рамку поперечный разрез подземной электростанции. Третья пуля разнесла его стекло на тысячу осколков. За дверью кричали мужчины, пытались ее взломать. Рошек представил себе, как Маргарет, отыскав свой ключ, бежит, чтобы отпереть дверь. Не важно. Им не добраться до него вовремя. Стекланный выставочный ящик, приютивший масштабную модель плотины, разлетелся с доставившим удовлетворение звоном.

Осталась одна пуля. Рошек взял плотное полотенце, прижал его к левой стороне головы, наклонился вперед и поместил ствол у своего правого виска так, чтобы пуля ударила под прямым углом. Ему не хотелось только задеть свой мозг и превратиться в нечто растительное. Это должно быть самоубийством, а не попыткой к самоубийству, и оно должно быть опрятным, чистым и эффективным. Больше никаких ошибок. Плотины в ущелье Сьерра для одной жизни достаточно.

Когда удостоверился, что пистолет расположен почти перпендикулярно к виску, без колебаний спустил курок.